БУНТ И СМУТА НА РУСИ

Уроки истории

СЕРГЕЙ МИНАЕВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сергей Минаев, главный редактор журнала Esquire, блестящий писатель, поставивший остроумный диагноз нашему времени в романе «Духless», и народный видеоблогер России, проводит в этой книге тщательную ревизию отечественной истории. Пять глав этой книги основаны на пяти видеопрограммах из цикла «Уроки истории». Это пять размышлений о тяжелых и драматичных эпизодах нашего общего прошлого, грозивших расколом и уничтожением русской государственности и самой нашей национальной идентичности. Крещение Руси в православие, опричный режим Ивана Грозного и лютое Смутное время, восстание декабристов, последние годы правления Романовых, омраченные похождениями гениального злодея Григория Распутина, Февральский переворот 1917 года – вот какие сюжеты держит в фокусе внимания историк Сергей Минаев, призывая читателей совместно найти ответ на вечный вопрос: можем ли мы, русские люди, вершить перемены малой кровью?.. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

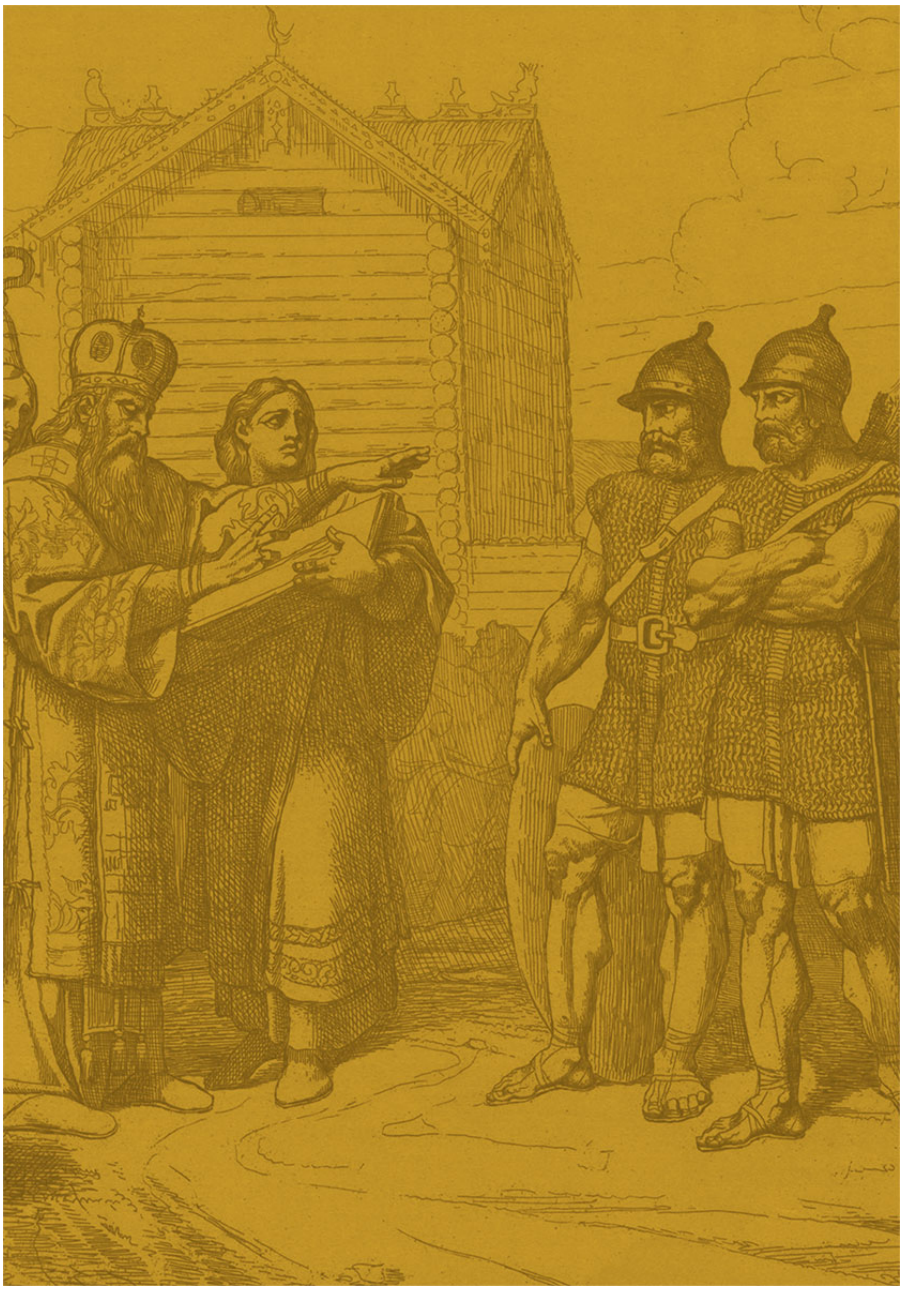
- Сергей Минаев
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
    -
    - Опричнина
    - Смута
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5

Сергей Минаев
Бунт и смута на Руси

© Минаев С. С., текст, 2021
© Storyside, 2022
© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

* * *

Глава 1
Крещение руси



Когда-то давно я получил историческое образование в

Российском государственном гуманитарном университете. Впоследствии мой преподаватель Наталия Ивановна Басовская (1941–2019) часто мне говорила: вместо того, чтобы заниматься политической ерундой в федеральном эфире, сделал бы я какую-то разумную, добрую, вечную передачу по своему профилю, то есть по истории. Следуя ее совету, я записал ряд видеопрограмм о некоторых событиях, в результате которых Россия совершенно изменилась.

Святая равноапостольная княгиня Ольга.
Худож. М. В. Нестеров. 1927

Одно из главных событий в русской истории, событие, в результате которого появилась письменность, стало совершенно другим зодчество, да и вообще, не было бы всего «нашего», – Крещение Руси. Русь приняла православие в 988 году благодаря великому князю Владимиру.

Мщение Ольги против идолов древлянских.
Гравюра Ф. Бруни.
Из книги: *Очерки событий из российской истории, сочиненные и гравированные профессором живописи Ф. Бруни. 1839*

> Владимир правил Русью более тысячи лет назад. Рассуждая о той эпохе, мдолжны помнить, что никаких точных исторических источников практически не осталось…

Владимир Святославович, святой князь Владимир равноапостольный, по инициативе которого Русь стала православной, правил Русью более тысячи лет назад. Вдумаемся: между нашим временем и правлением Владимира – более тысячи лет, срок, который сложно охватить сознанием. И, рассуждая о той эпохе, мы должны помнить, что никаких точных исторических источников практически не осталось… Когда мы говорим о Владимире, мы, как правило, ссылаемся на «Повесть временных лет» или на «Слово о полку Игореве». Но есть и два источника из того времени: Послание германскому королю Генриху II (1008) авторства Бруно Кверхфуртского (970/974–1008) и Хроника Титмара Мерзебургского начала XI века. Вот, собственно, и все. Довольно скудный материал. Понятно, что все последующие

рассказы, также со слов современников и записей летописцев, можно подвергать сомнению, можно оспаривать, но давайте остановимся на каких-то фактах, более или менее достоверно известных о крестителе Руси. Его родителями были Святослав Храбрый и ключница Малуша, что жила при дворе бабки Владимира княгини Ольги, первой православной княгини. У Ольги был муж, князь Игорь, которого она безумно любила. Его убили древляне, и впоследствии Ольга устроила им все казни, какие можно было вообразить в те века: закапывала живьем послов, подожгла столицу древлян, отправив стаю голубей с горящей паклей на лапках… Самые лучшие древлянские мужи отправили к ней послов с предложением руки и сердца. Ольга предложила послам попариться в бане, а саму баню велела запереть и поджечь. Женщина она была для своего времени великая, и когда ее сынок Святослав повелся с ключницей и на свет появился Владимир, эта ключница была немедленно отозвана со двора – за прелюбодеяние. В языческой Руси князь мог иметь наложниц. Но раз она ключница, то какая из нее наложница?.. Наложниц у хорошего человека могло быть очень много. В православном христианстве это все-таки не почиталось. Поэтому Ольга, как женщина православная, сильно разгневалась на своего сына Святослава. Но Владимира тем не менее любила. Она воспитывала его и стала, надо понимать, важным человеком в его жизни.

Великий князь Владимир Святославович.
Из книги: *Царский титулярник. XVII век*

> Владимир был довольно удачливым полководцем. Он обложил данью вятичей, прибалтийские земли, волжских булгар, хазар…

Святослав умирает, и у Владимира остаются два старших брата, Ярополк и Олег. Они немедленно начинают междоусобицу, в результате которой Ярополк убивает Олега; этот период частично отражен в кинофильме «Викинг» с Данилой Козловским

в главной роли. Владимир понимает, что следом, скорее всего, придут за ним, и бежит за море к варягам. Он возвращается в Новгород с варяжским войском и начинает свое восхождение.

Кроме Ольги воспитанием Владимира занимался его дядя – дружинник Добрыня, брат той самой ключницы Малуши. Глава дружины, он стал прототипом того самого Добрыни Никитича, доброго русского богатыря, справедливого, хорошего парня, которого все мы видели на картине Васнецова. Добрыня был язычником и довольно жестоким человеком: разрывал пополам своих недругов, насиловал женщин, содержал наложниц, то есть делал все, что делали все славные ратники того времени.

Владимир с дружиной приходит в Полоцк. Городом управляет Рогулт, и город не сдается Владимиру; тогда город берут приступом. Владимир, как честный человек, говорит Рогулту: «Отдай мне свою дочь Рогнеду. Я, конечно, на ней женюсь». Но, опять же по утверждениям современников, Рогулт ответил, что, во-первых, она уже сосватана и должна выйти за Ярополка, брата Владимира, а во-вторых, надо бы ее саму спросить. А Рогнеда и говорит: «Я сына рабыни разувать не буду!» Она имела в виду славянскую традицию, согласно которой в доме жена снимала обувь с мужа. Добрыня, который впоследствии станет прототипом доброго богатыря и вообще хорошего мужика Добрыни Никитича, говорит Владимиру: вообще, это, конечно, скотство, бессовестно это, что тебя назвали сыном рабыни, ведь и мою сестру назвали рабыней! Что делается дальше: войска врываются в Полоцк, Владимир насилует Рогнеду на глазах ее родителей, а позже уже на глазах Рогнеды ее отца и братьев разрубают мечами. Так состоялось бракосочетание Рогнеды и Владимира. Полоцк захвачен, и войско движется дальше на Киев. В Киеве правит Ярополк. Он понимает: Владимир уже не тот парень, которым был пару лет назад. У Владимира сильное войско, но Киев ему все-таки не взять, и поэтому каким-то образом осуществляется подкуп одного из людей Ярополка, который нагоняет страху на своего руководителя: мол, в Киеве зреет бунт, и Владимира хотят князем. Ярополк бежит в соседний маленький город, где по приказу Владимира его настигают варяги и «поднимают на два меча», то есть убивают. Жена Ярополка, на тот момент беременная, становится наложницей Владимира.

Вообще, летописи свидетельствуют о Владимире как о человеке ужасно похотливом. Согласно «Повести временных лет», у него было восемьсот наложниц в трех городах, в одном триста, в другом двести, в третьем триста… Очевидно, это какие-то фантастические цифры, но человек он действительно был

распутный. Мы порой возмущаемся: сегодня героями делают убийц, наркоманов и так далее – как это возможно? Возможно, вы знаете: в истории так происходит часто. Распутный человек, который насиловал женщин на глазах их родителей, содержал наложниц, убивал людей, вдруг объявляется святым. Ничего в этом странного нет, обычное дело.

Владимир и Рогнеда.
Худож. А. П. Лосенко. 1770

Возможно, вы знаете: в истории так происходит часто. Распутный человек, который насиловал женщин на глазах их родителей, содержал наложниц, убивал людей, вдруг объявляется святым. Ничего в этом

странного нет, обычное дело.

Владимир захватывает Киев и становится правителем Руси. Он был очень умным человеком. Первое, что Владимир делает, – пытается провести религиозную реформу. Надо помнить, Русь – это языческая страна, еще есть Скандинавия, где-то есть ислам, где-то есть и хазарский каганат. Место религиозных отправлений называлось капищем. Здесь стояли столбы, из которых были вырублены истуканы, которым поклонялись. Истуканы изображали богов. Вот тебе Велес, вот тебе Даждьбог, вот тебе Сварог, весь пантеон языческих богов, и, по слухам, люди на Руси, еще не ставшей Святой, занимались человеческими жертвоприношениями, иногда в неурожаи, иногда в военное время, иногда во имя важного дела. Язычество перестало быть удобным для власти предержащей. Все были равны, не наблюдалось единоначалия, не возникало мысли, что следует обязательно подчиняться какой-то власти. Да, с одной стороны, был князь со своей дружиной, им попробуй не подчинись, у них оружие. С другой стороны, были волхвы, с которыми говорят боги, Перун или Сварог, и которые говорили с народом от лица богов. И волхвы князю, конечно, не подчиняются, потому что они, тоже умные люди, понимают: необразованным населением очень легко манипулировать. И Владимир пытается провести религиозную реформу.

Ничего не получается из этой реформы. Перун становится главным богом. Теперь он не просто идол на капище, у него теперь обязательно посеребренные усы, чтобы все понимали, что он самый главный. Таким образом Владимир пытается перебросить мост от себя к Перуну, мол, мы, в общем, в чем-то одинаковые, хотя он там где-то в небесах, бог-громовержец, а я здесь, на земле, меч в руках держу. Но мы где-то рядом… Однако немытый народ Владимиру, конечно, не верит. Перун же со всеми может говорить, и с князем, с рабыней, какая Перуну разница? А помажем ему усы медом, так он с нами, с народом, напрямую будет говорить… В общем, никакого чинопочитания не получалось, и верховную власть это совершенно не устраивало.

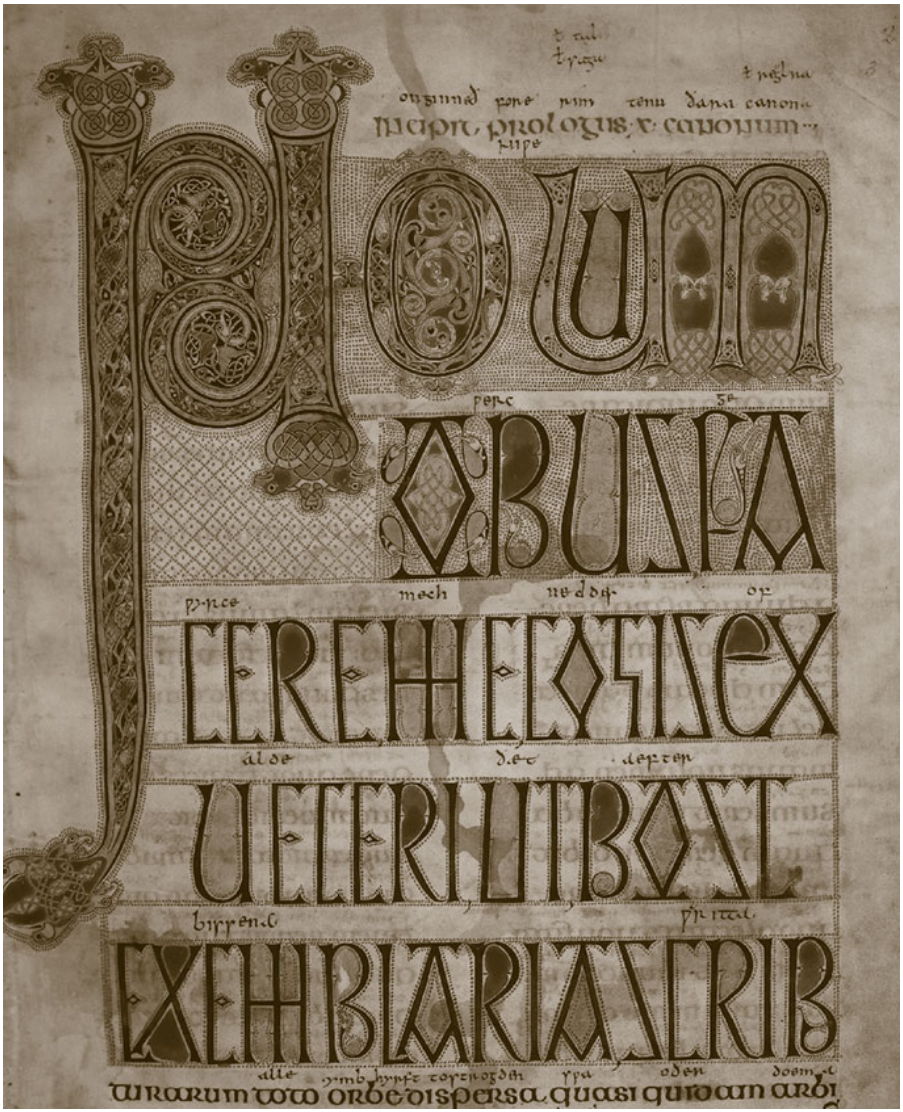
Владимир был довольно удачливым полководцем. В 981 году Владимир воюет в Польше, и в 982 году он побеждает вятичей и берет с них дань, в 983-м он начинает покорять прибалтийские земли, в 985-м – поход против волжских булгар, тоже обложил их данью. Также в 985 году Владимир приходит с дружиной в хазарский каганат, к Итилю, и облагает данью хазар. То есть очевидно, что Русь в тот момент – сильное государство. Мы не можем еще назвать ее централизованным государством, но это

сильная территория с очень сильной армией. Русы хорошо дерутся, и все соседи начинают с ними считаться. Соседи наши на тот момент были следующие. На западе – королевства Польша, Венгрия, балтийские земли. На востоке – Волжская Булгария, печенеги… Но есть еще и Византия, самая сильная, самая просвещенная, самая почитаемая цивилизация в Европе на тот момент. И тут мы вплотную подходим к самому главному событию, о котором всегда вспоминают, рассказывая про Владимира, – к Крещению Руси.

Выбор веры для Владимира становится настоящим испытанием, он посылает послов на восток и запад, чтобы изучить культуры, чтобы изучить ценности разных стран. Владимир узнает, например, что в исламе нельзя пить, и произносит ставшие знаменитыми слова: «Веселие Руси – питие, и не можем без этого быти». Эта мысль предопределяет духовный выбор Владимира: Русь становится православной, и после этого – центром на пересечении путей между Востоком и Западом, смешением двух культур.

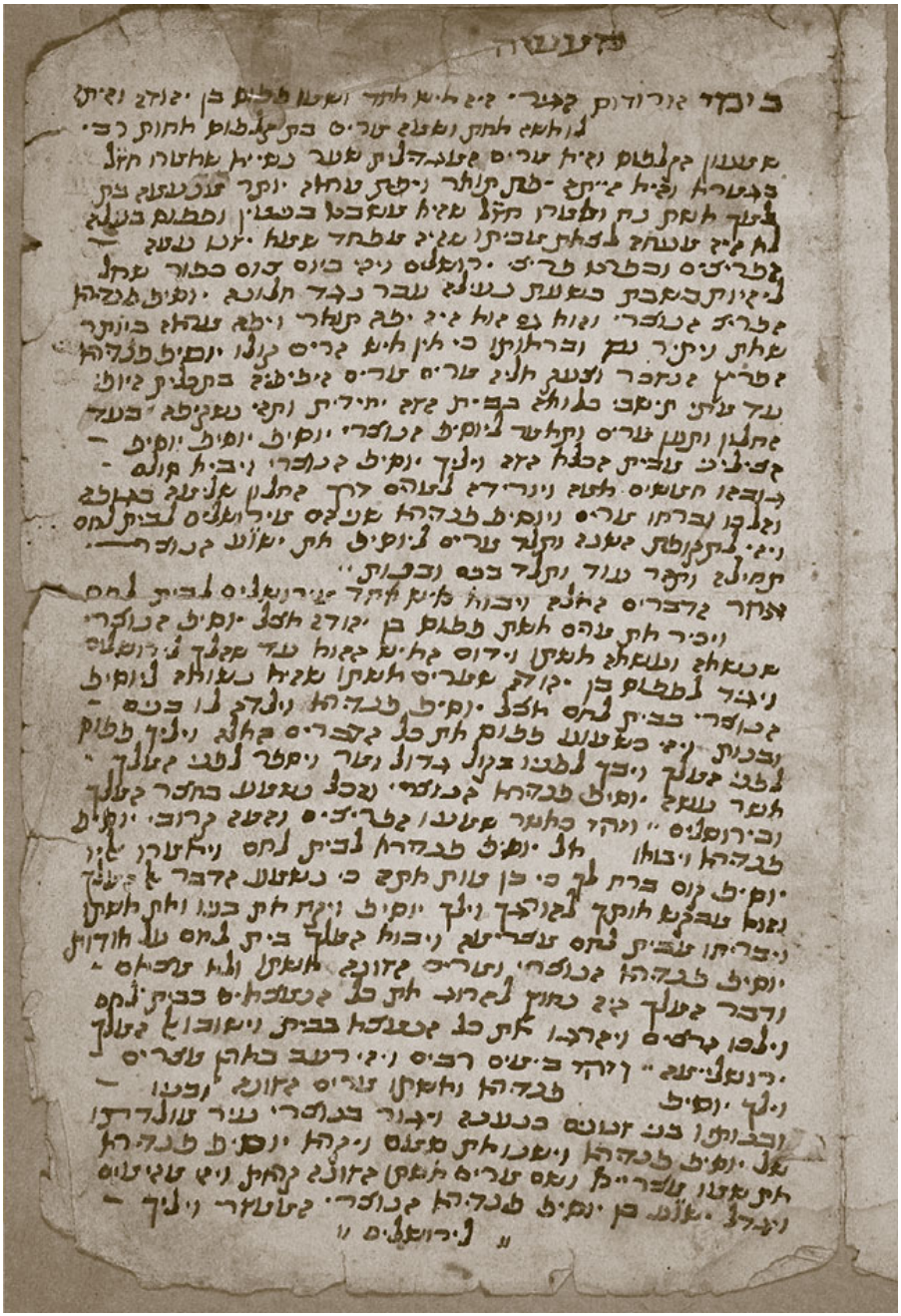
Итак, Владимир выбирает среди религий. А что, Русь – какая-то такая невеста на выданье? Почему какие-то послы едут на Русь и предлагают принять их религию? Ответ очень прост: у Руси довольно сильное войско, и это беспокоит соседей. Несколько войн Русь провела за последнее время, и провела успешно. Поэтому такого соседа лучше иметь в союзниках: кровные узы еще работают слабо, а религиозные – вполне. И тогда послы из Волжской Булгарии приезжают к Владимиру и предлагают ему принять ислам. По легенде, Владимир отказывается: мол, советники сказали – с вами пить нельзя, но ведь не может быть без пития веселия на Руси. Мы знаем, каково, если веселия нет… И ислам он не принял. Тогда приезжают послы из Рима…

Христианство в Европе развивается двумя путями. Есть католицизм, который идет из Рима. Это католические Испания, Франция, Бургундия, Англия, Чехия, Германия, Польша, часть Скандинавии. И есть православие. Это Византия, Болгария, позже – Русь. Римским послам Владимир говорит: мои отцы не приняли вашей веры, и мы не примем.



Католическое Евангелие.
X век

Тогда приезжают послы из Хазарского каганата и говорят: «А вот иудаизм, например: что скажете?» Владимир: «А что в иудаизме? Вот у вас какая своя земля?» Хазары отвечают: «То негодно. Ведь вы знаете, в Иудее своей земли нет. Мы рассеяны по свету». «Рассеяны по свету? И зачем нам это нужно-то?» – говорит Владимир. И, соответственно, иудаизм тоже не принимает.



Иудейская рукопись.
Новое Время

В основе выбора религии, совершенно очевидно, лежали политика и дипломатия.

В основе выбора религии, совершенно очевидно, лежали политика и дипломатия. И нужно абстрагироваться от преданий и посмотреть, а что нам сулили ислам, Рим и Хазарский каганат? А ничего хорошего! Из католиков самыми ближними были поляки. Сильное государство? На тот момент нет. Торговли с ними никакой не ведется. Воевать? Ну, можно воевать, но никому сильного союза с ними не сыскать. Хазары на тот момент уже очень слабы, Волжская Булгария также. Поэтому это негодные союзники. Мы сможем покорить их силой своих мечей. Мы уже покоряем Волжскую Булгарию, Хазарский каганат сам платит дань. Поэтому ничего хорошего, ничего выгодного нам эти союзы религиозные не сулили.

В этот момент Киев являлся важной точкой на пути из варяг в греки, из скандинавских земель в Византию. Этот торговый путь – самая интересная торговая артерия для Руси. Что такое Византия? Византия – самое главное государство того времени, самое просвещенное. Античное наследие, роскошный двор, армия… Из нее выйдет очень сильный союзник. И, конечно, главный торговый партнер, так как Византия – мощная экономическая держава.

Византия в тот момент ведет себя как образцовая империя. Кого можно, побеждаем, а кого не побеждаем, тех пытаемся привлечь в союз. А еще – у них, знаете ли, есть православие! Вот вы там этим идолищам поклоняетесь, а у них православие! Которое говорит, например, о том, что вся власть – от Бога. Христос учит нас, что вся власть от Бога. Император Византии имеет власть от Бога. И всех варваров, которые нападали на Византию, на эту религию очень выгодно было «покупать»: давайте будем одной веры; вы будете нашими союзниками, а мы, таким образом, себя обезопасим. Все помнят Аскольдово крещение. Аскольд и Дир, князья, которые княжили в Киеве, в 860 году напали на Византию и угрожали Константинополю. А там им сказали: «Знаете ли вы о православии?» Анекдот, в общем-то, неплохой, и крестит их княгиня Ольга, бабка Владимира. Поэтому случаи православия на Руси уже были, но Владимир, как искусный дипломат и как умный человек, понимал, что в этой системе отношений – Русь и Византия – будет одна оговорка. Когда ты принимаешь православие, то становишься православным управляющим, то есть государем, который в табели о рангах Византийской империи стоит ниже византийского императора. Ты православный, но все равно не равен византийскому императору, даже в верхнюю десяточку не входишь, а для того, чтобы войти туда, тебе мало одного православия. Тебе нужна кровь, и самое лучшее – жена из каких-

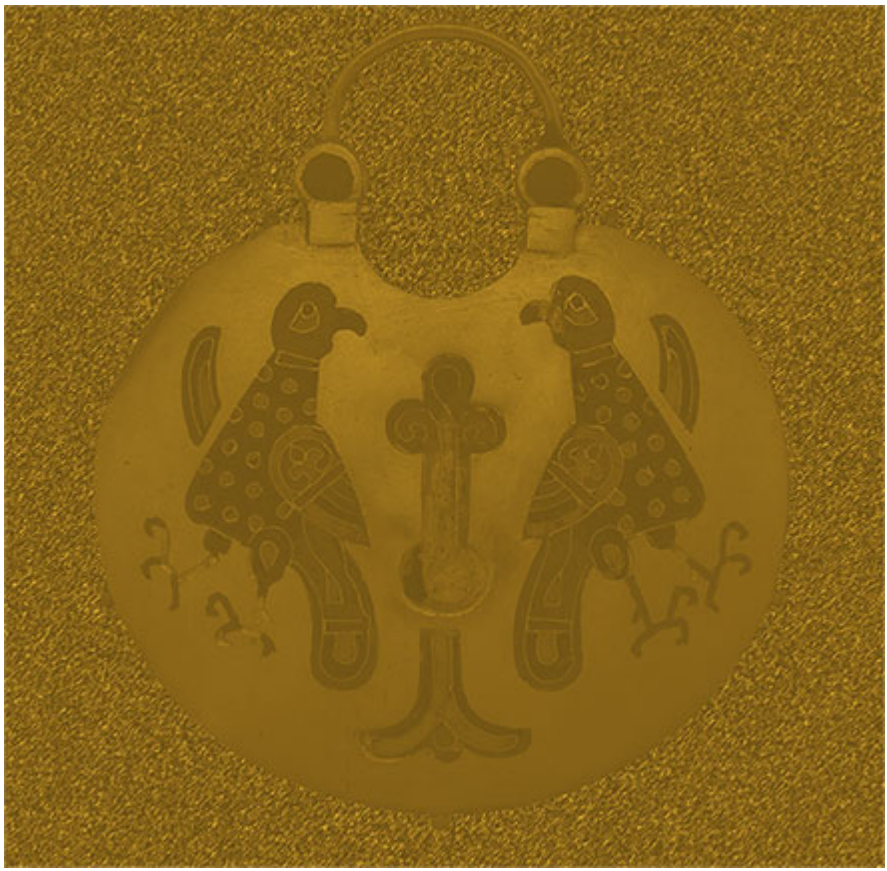
то высоких византийских чертогов. Ну, если идти по самому сложному пути, эта жена должна быть дочерью императора.

Храмовый кулон с двумя птицами по бокам дерева жизни. Золото, серебро и эмаль, обработанные перегородкой. *Киевская Русь. XI или XII век*

> Владимир крестил Русь по-доброму. В Киеве глашатаи князя раструбили весть: завтра, с утра, всем надо будет явиться к Днепру. Кто явится, тот друг князя, а кто не явится, тот его злейший враг.

Таким образом, принимая православие, мы переставали быть просто точкой на карте, мы становились ячейкой крупнейшей на тот момент цивилизации, Византии. И для нас это был, конечно, очень выгодный экономический союз, очень выгодный политический союз и, как мы уже выяснили, обоснование власти от Бога. Это очень важно, и я думаю, что тут не обошлось интуицией, а все-таки имел место какой-то накопленный опыт управления. Ведь не зря европейские монархи так близки с Церковью: ведь Церковь охраняет их от народа, защищает права престолонаследия. Церковь не просто говорит: «вы здесь царь, вы первый среди равных», она говорит: «вся власть от Бога». И это было очень важно для Владимира. Кроме того, в православном каноне присутствует очень четкая иерархия, от церковного

Патриарха до последнего священнослужителя. Кроме того, имел место важный объединяющий фактор: одна земля – одна вера.



Принимая православие, мы переставали быть просто точкой на карте, мы становились ячейкой крупнейшей на тот момент цивилизации – Византии.

В Византии происходило все то, что происходило в поздней Римской империи. Время от времени восставали легионы, и удачливые военачальники этих легионов свергали императоров, объявляли себя императорами и т. д. Так, в 986–987 годах Варда Фока, военачальник, объявляет войну Василию, императору Византии. Он поднимает легионы, в Византии начинается война. Варда Фока одерживает несколько очень важных побед, и император Византии Василий, понимая, что у него серьезное осложнение, предлагает союз Владимиру, чтобы тот пришел со своей дружиной и помог императору разгромить Фоку. Владимир ставит условия. Как мы уже говорили, для того, чтобы прыгнуть в верхний чертог в византийской системе, желательно было

жениться на дочери императора. Дочери у Василия не нашлось, зато нашлась сестра Анна. Эта еще лучше, она порфирородная. Более удачной женитьбы даже сложно было себе представить. И Владимир набирается наглости и просит ее в жены. Но кто отдаст в жены язычнику свою родную сестру и отпустит ее в Тмутаракань, чтобы она уехала далеко от шикарного византийского двора? Однако ситуация у Василия была, надо полагать, очень тяжелой. Он пообещал Владимиру отдать в жены свою сестру…

Солдат в русском костюме с лошадью.
Гравюра Жана-Пьера-Мари Жозе. XIX век

Русь крестилась тяжело: до XI, и даже до XII века…

В некоторые города миссионеров не пускали: здесь за духовную жизнь продолжали отвечать волхвы.

Здесь есть еще один важный момент. Это мое личное наблюдение, и я могу заблуждаться, но мне кажется, что здесь есть зерно истины. Вы, возможно, бывали когда-нибудь в Стамбуле. А если не были и планируете туда съездить, то обязательно зайдите в храм Святой Софии, который был построен

византийцами. Когда ты туда попадаешь, тебя просто наотмашь бьет. А в 987 году это вообще было невозможно себе представить. И эти русы, язычники, приехавшие в качестве послов, как я полагаю, были приглашены сюда на службу. Простой люд и более-менее состоятельный народ стоял внизу. А императорская семья стояла наверху, почти под куполом. Весь собор покрыт золотом. И нашим послам сказали: вот там, видите, император стоит с женой и сестрой? И ваш государь, – как его зовут, Владимир? – когда будет приезжать, тоже там будет стоять.

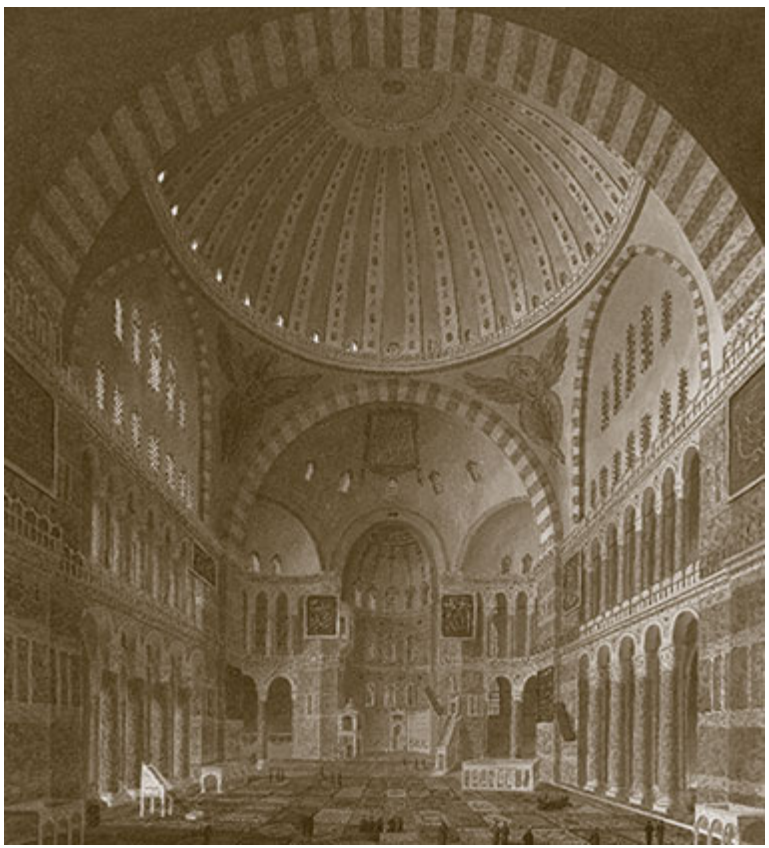
Понимаете разницу? Где вы такое видели? Да от этой роскоши ты просто чувствуешь себя червяком. И совершенно очевидно, с какой мыслью послы приехали обратно к Владимиру.

Понятно, что это выдуманный мной исторический анекдот, но тем не менее… Как развиваются события дальше? Владимир выдвигается на войну с Фокой. Выдвигается на помощь в Сирию. И в этот момент он понимает (или ему доносят), что не хочет император выдавать свою сестру за язычника. И, по-видимому, свое обещание берет назад. Тогда Владимир захватывает Корсунь, встает там лагерем и дает понять Василию, что, в принципе, ему совершенно все равно, на чьей сестре или дочери жениться. Вот если император Василий даст свою сестру – великолепно, а то ведь и Варда Фока может стать императором, если его поддержать, и он Владимиру кого-нибудь даст в жены, и начнется совсем другая история.

Крещение Руси. Прибытие в Киев епископа.
Гравюра Ф. А. Бруни.

Из книги: *Очерки событий из российской истории, сочиненные и гравированные профессором живописи Ф. Бруни. 1839*

Вот тут Василий понимает: отвертеться уже не получится. И опять, по легенде, выставляет условие, что за язычника сестра моя не пойдет, а за православного пойдет. И здесь, согласно легенде, Владимир внезапно слепнет. Ему говорят: если православие примешь, то, конечно, сразу прозреешь. Сестра императора Анна уже подъезжает с попами к Корсуни. Владимир крестится и прозревает. Фоку в 987 году разобьют. Василий доволен, Владимир с молодой женой отъезжает в Киев и начинает крестить Русь. На картинках это все очень красиво. Русь крестится, и мы становимся православным народом.



Интерьер собора Святой Софии.
Худож. Проспер Маришья. 1821–1847

Византия – самое главное государство того времени, самое просвещенное. Очень выгодный союзник и, конечно, главный торговый партнер, мощная

экономическая держава.

Владимир крестил Русь по-доброму. В Киеве глашатаи князя раструбили весть: завтра, с утра, всем надо будет явиться к Днепру. Кто явится, тот друг князя, а кто не явится, тот его злейший враг. Надо понимать, с таким добрым напутствием все горожане, как один, пришли к реке. Всех загнали в реку, вместе с младенцами, женами с детьми, и всех там же крестили. Очевидно, на следующий же день Русь православною не стала. Русский человек, как мы с вами знаем, хитер и сметлив. И он размышлял: «Ну, Христос теперь бог. Но у нас есть же Перун, Даждьбог, Велес и Сварог. Вы скажите, какого Христу вырезать чурбана, подскажите, где он на капище должен стоять. Нам все равно, в кого видом он будет, будет – и хорошо». Но капища стали уничтожать, Владимир стал разрубать этих истуканов, скидывать их в воду. Капища сжигались, и непозволительно было поклоняться теперь никаким Велесу, Даждьбогу и Перуну, только Иисусу Христу. Никаких других богов и никакой другой веры быть не могло.

Второй величайший на тот момент город на Руси, Новгород, все это время ведет себя совершенно иначе. Он не принимает православия, новгородские волхвы понимают: сейчас придут какие-то попы и отнимут у них духовную власть. Сейчас они могут (с ними ведь боги говорят) общаться с дружиной, с князем, с простыми людьми, с купцами и из этого извлекать какие-то бонусы. А теперь все закончится: придет какое-то неведомое византийское православие, и придут другие волхвы, которых называют священниками. Волхвы начинают будоражить народ, и тогда Добрыня, добрый Добрыня Никитич, приезжает в Новгород. Он вызывает самого главного волхва и спрашивает: «Вы считаете, что не надо принимать православие?» Волхв отвечает: «Нет, потому что у нас есть свои боги, от готов». Снова спрашивает Добрыня: «Твой бог тебя любит ли, языческий?» Тот отвечает: «Любит». Добрыня: «Ну, а вот он тебе какую жизнь отмеряет, короткую или длинную?» И это, понятно, вопрос с двумя крючками, типа «Вы уже перестали пить коньяк по утрам?». Приблизительно такого рода вопрос, и если волхв ответит «короткую», то Добрыня скажет: «Подтверждаю!» – и волхва убьет. Если ответит «длинную», Добрыня скажет: «Ну, давай тогда проверим» – и тем более убьет. В общем, волхв не сразу ориентируется и отвечает: «Любимец богов, у меня будет длинная жизнь!» Добрыня Никитич сносит ему голову со словами: «Наврал, получается, твой бог!»

Новгород крестится медленно – до XI, даже до XII века.

Русские деревни продолжают исповедовать язычество. Города, как и всегда, идут впереди, они принимают все эти новшества. Но при том права прекословить у деревень нет, и потому при раскопках археологи находят многочисленные свидетельства двоеверия: предметы языческого культа и крестики и так далее, все вместе. Вот здесь Велес, а здесь Христос…

В общем, очень тяжело крестилась Русь, до XII века Ростов Великий и Муром сопротивляются православию, там до тех пор язычество, православных священников избивали, миссионеров не пускали, и волхвы там чувствовали себя очень хорошо вплоть до двенадцатого века. Но тем не менее Русь становится православной. Что нам это дало? Серьезнейший политический союз с Византией. В экономическом союзе с Византией мы стали главными патронами пути из варяг в греки.

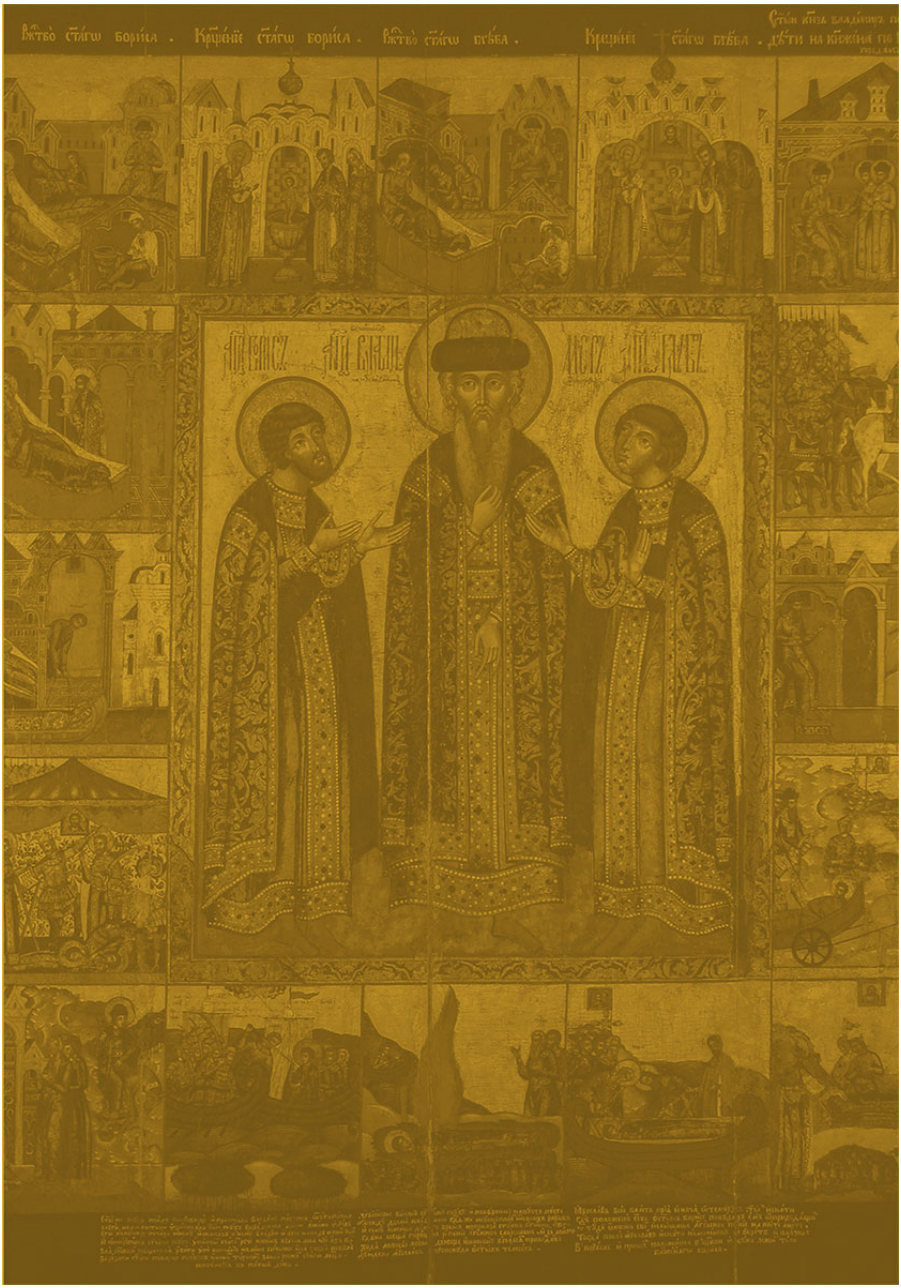
Мы получили важную роль в мировой истории. Мы теперь были не просто какими-то косматыми то ли викингами, то ли русами, то ли не пойми какими дикими северянами. Владимир стал князем, и Европа теперь знала: на Руси правит князь. Он православный, и он, если выражаться современным политическим языком, в сфере интересов Византии. Кроме этого, на Руси начинает развиваться письменность, зодчество, в частности каменное зодчество. Православие для Руси в тот момент – безусловно, путь к просвещению. И после крещения Руси, конечно, в цивилизационном плане мы идем совершенно по другому пути, и вся наша модель в то время – византийская модель. Мы начинаем копировать византийский двор, мы начинаем копировать их устройство, мы начинаем копировать их систему отношений, мы понимаем, что где-то там – большая цивилизация с громадным собором Святой Софии, покрытый золотом город, бухта Золотой Рог, цепи, император. Все еще в шкуры одетые, мы пока не наследники, наследниками мы будем позже, и в то же время мы уже являемся частью этой цивилизации.

Что можно еще сказать о Владимире? Нередко говорится и пишется: «Владимир Красно Солнышко». Да никакого «красного солнышка» не было, конечно. Никто не называл Владимира «Красно Солнышко», это пришло потом. Это собирательный образ Владимира Святого и Владимира Мономаха и, конечно, былинная фигура. Если возвращаться к дипломатии Владимира Святославовича, то в его правление мы подписали всякие соглашения с довольно сильными государствами того времени. Это Польша, Чехия, Венгрия, Рим и собственно Византия. Мы вели многочисленные войны с печенегами начиная с 980-х и дальше, в 990-х годах, в 992, 993, 996, 997… Все это десятилетие

мы воевали с печенегами. И вот мы воюем с ними, причем плохо, в основном побеждают они: нападают они быстро и так же быстро убегают в свою степь. Грабят наши города, уводят наших женщин и забирают все, что можно забрать. С печенегами идут очень тяжелые войны. И мы не всегда выходим победителями.

Владимир начинает чеканить собственную монету. Владимир понимает, как управлять простыми людьми: он устраивает пиры и раздает на них деньги, угощает народ. Он щедрый и хлебосольный государь, он и есть тот самый первый царь-батюшка, который, как теперь уже мы понимаем, получил власть именно от Бога и правит не просто так.

В Византии подтверждали, что он хлебосольный монарх, любимец собственного народа. То, что он содержал восемьсот наложниц, факт спорный, а вот детей у него было действительно очень много: тринадцать сыновей и десять дочерей. Кого можно выделить из его сыновей? Конечно же, Ярослава Мудрого, одного из важнейших государей Киевской Руси; Изяслава Полоцкого, родоначальника полоцкой ветви Рюриковичей; сыновей Бориса и Глеба, сыновей, по некоторым слухам, от византийской принцессы Анны. Борис и Глеб будут убиты, а потом почитаемы как святые. А убьет их собственный брат, Святополк. Это сын жены старшего брата Владимира, Ярополка. Того самого Ярополка, которого убили по приказу Владимира и чью беременную жену Владимир сделал своей наложницей. Она родила Святополка, и Владимир признал его своим сыном. Этот Святополк впоследствии станет «Святополком Окаянным»: он убьет своих братьев, детей Владимира от другой жены. И с этим связан очень важный момент. В начале этой главы мы говорили об усобице, о том, как старшие братья Владимира кромсали друг друга мечами. В языческой традиции убийство брата другим братом считалось совершенно нормальным: это же делалось ради престола, это же важная вещь. А Святополк, убивший своих братьев Бориса и Глеба, станет Окаянным потому, что христианская культура братоубийство уже не поддерживает. Мусульманские бытописатели утверждали, что русы после принятия православия стали хуже воевать потому, что жестокость объяснялась язычеством, а христианством уже не поощрялась, и это очень важная веха и очень важный момент для истории Руси.



С принятием православия Русь стала играть важную роль в мировой истории.

У Владимира с сыновьями отношения были, мягко говоря, не самыми теплыми. Святополк поднял восстание против отца, за что его заточили в острог. Но Святополка можно понять: его мать сделали наложницей, отца зарубили. Ярослав Мудрый, родной

сын Владимира, тоже вел себя нехорошо: ему дали новгородский престол, а он в какой-то момент отказался платить церковную десятину и посылать деньги в Киев. Собственно говоря, отец уже собирался идти на сына с войском, но в 1015 году опять случились печенеги. Владимир идет в поход против печенегов, где и умирает. Такова история Владимира Святого, очень важного персонажа в истории русской государственности.

Борис и Глеб.
Икона Псковской школы. XIV век

Действительно, благодаря Владимиру и принятию

православия мы пошли совершенно по новому пути: мы стали частью великой византийской цивилизации. Потом, позже, мы объявим себя наследниками Византии, а в тот момент, во время княжения Владимира, мы перестали быть точкой на карте, но получили важную роль в сфере влияния Византийской империи и византийской культуры.

Так что «византийство» наше, «византийщина», идет с тех времен. Мы увидели, как устроен двор, мы увидели, как устроены отношения между императором и его подданными. Увидели какой-то мифический Константинополь с огромным храмом Святой Софии. В городе все одеты в шикарные одежды, а весь храм покрыт золотом. И мы захотели стать частью этой культуры, перестать считаться немытыми варварами типа викингов. Мы захотели стать частью великой византийской культуры, и мы стали ее частью. Поэтому, конечно, Владимир Святославович – очень важная фигура, одна из самых важных фигур в нашей с вами истории.

Глава 2
Опричнина и смута

Третьего декабря 1564 года царь Иван Грозный вместе с семьей, казной и государевой печатью отправляется на богомолье в село Коломенское. В селе Коломенском он не задерживается и уезжает из него. Какое-то время никто не знает, где находится «царь Всея Руси». Вот он объявляется в Александровской слободе уже 3 января. Целый месяц Русь – без царя. И 3 января Иван Грозный пишет отречение от престола в пользу своего сына Ивана, на тот момент малолетнего. Отречение Грозного зачитывается в Москве. В бумаге сообщается, что царь Грозный отрекается, так как устал от боярских измен, лукавства, воровства, интриг. Поэтому править Русью он более не хочет. На Руси, а конкретно – в Москве, начинается брожение умов, народ приходит к Кремлю и начинает требовать призвать к ответу бояр, а проще говоря, казнить их, потому что не может быть Руси без государя: «И на кого он нас оставил?» Боярская дума в смятении, бояре присылают в Александровскую слободу митрополита Московского, который пытается договориться с Грозным. В итоге они договариваются о том, что Грозный возвращается в Москву через месяц, 3 февраля. Он сообщает боярам, что возвращается на царство, но теперь все будет по-другому: теперь одна часть Русской земли будет называться «опричнина», и подчиняться она будет лично государю Грозному, а вторая часть будет называться «земщина», и ею будет править Боярская дума. Вот так начинаются страшные семь лет российской истории, один из самых страшных ее периодов. Семь лет, которые называются опричниной…

В Александрове недавно поставили памятник Ивану Грозному. Я решил съездить туда и спросить жителей, как они относятся к этой исторической фигуре, хотели бы они жить в опричнину и вообще как царя усопшего воспринимают люди, или холопы, как назвал бы их сам Иван Грозный. Итак, мы в Александрове, в ста двадцати четырех километрах от Москвы. Именно здесь в середине XVI века обосновался Иван Грозный, и все политическое управление страной велось отсюда. Александров стал не только федеральным центром Русского государства, но и центром опричнины.

Сейчас, как и во многих других городах России, в Александрове устанавливают памятники почетным местным жителям. Недавно в торжественной атмосфере здесь открыли

памятник Ивану Грозному.

Что думают о памятнике жители города?

– Приличный памятник, прикольно.

– Кто-то говорит против, но тут я за!

– Мне нравится.

– Ощущаю: стоит не зря, хоть его и выкидывали.

– Хорошие либералы скажут «не на месте». А люди, которые с историей больше, ближе связаны, скажут, что все-таки тут место очень хорошее. Вот только долго ставили, но наконец все же стоит.

Как Вы относитесь к роли Ивана Грозного в истории России?

– Ой, я его уважаю.

– Не было такого царя, Ивана Грозного, четверо Иванов были царями на Руси.

– Почему до сих пор цветник не сделали?

– Кстати, Сталин, говорят, с него брал пример.

– Сталин тоже попал в историю, Гитлер тоже. Один хорош, другой плох…

– Народу рот не закроешь, кому кто хороший, а кто плохой…

– Правильно! Так не бывает, что бы один человек всем был хороший, это невозможно.

– Ну, прекрасным царем, конечно, он был, держал Россию в строгости.

– Негативные высказывания о Грозном идут со слов иностранных, скажем так, купцов.

– Он много сделал для нашей Родины.

– При Иване Грозном я была бы казнена.

– Он, конечно, мог заставлять и убеждать, кланяться и поклоняться бесконечно…

А что такое опричнина?

– Нет, что это, «опричнина»?

– Опричнина? Понятия не имею, не знаю.

– Опричнина? Это карательные войска Ивана Грозного?

– Слышали!

– Я помню.

– Я не помню, что-то вроде телохранителей, но они также выполняли карательные функции.

– Если бы не опричнина, растащили бы казну российскую, как сейчас олигархи!

– История. История надо мною, и это соль, но никто ничего не знает и не пишет.

Хотели бы, чтобы сейчас была опричнина?
– Нет!
– Не хочу!

Хотели бы вернуться во времена правления Ивана Грозного?
– Смотря кем.
– Нет, наверное: мы бы с ним ругались.
– Мне и сейчас хорошо живется.

Опричнина

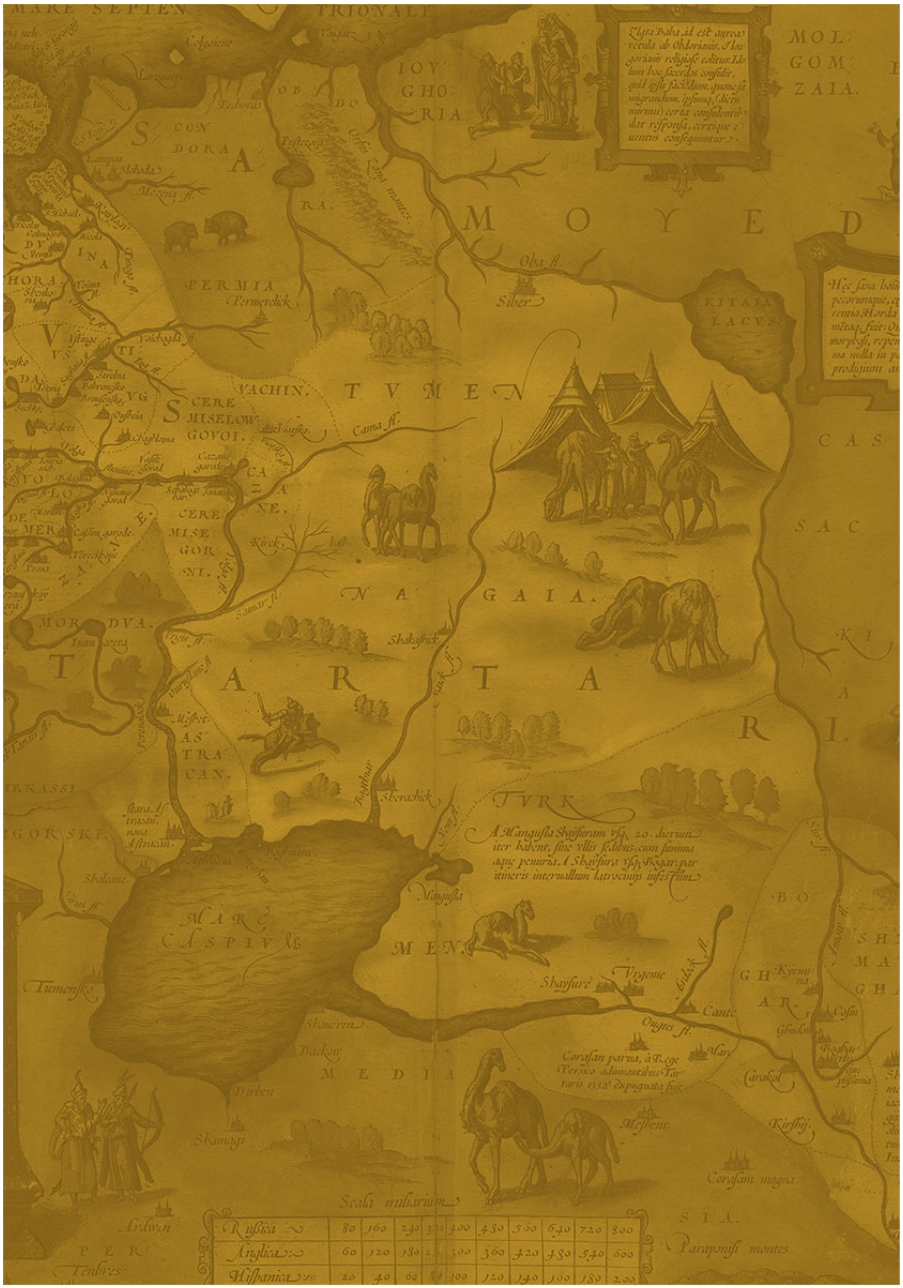
Принято выделять два взгляда на правление Ивана IV. Тиран, убийца, кровопийца (первое) и эффективный менеджер (второе). Как вы понимаете, такого слова как «менеджер» Сталин не знал, но он называл Ивана Грозного человеком, который сплотил Русь, боролся с боярами. Правление Грозного делится на два этапа.

Иван Грозный родился 1530 году. Маленький Иван видел, как умирает его отец и начинается боярская междоусобица среди Шуйских и Вельских. Эти два боярских рода делят управление Российским государством. Начинаются постоянные стычки между боярами. Это не гражданская война. Это подстрекательство друг друга к бунту. Малолетнего Ивана могли совершенно легко свергнуть, тем более что он еще не был царем, он был великим князем Московским. Мы часто представляем Российское государство и царя, которому все беспрекословно подчинялись, но порой все было совсем не так. Бояре могли сегодня служить великому князю или царю, завтра крымскому хану, послезавтра Речи Посполитой и так далее.

В 1546 году Ивану Грозному исполняется 16 лет, и он венчается на царство. Это очень важно, потому что никаких царей на Руси до того еще не было… И Иван Грозный стал первым русским царем. Митрополит и ближний круг объяснили ему необходимость этого шага примерно так: «Знаете, дорогой Иван Васильевич, князь как бы, он везде может быть князь, но как вы понимаете, в Европе есть и король, и даже император, и папа Римский. А вы будете первым московским царем, вы должны наследовать Византии». В общем, была обставлена процедура венчания на царство, и Иван Грозный стал первым московским царем.

Иван Грозный.
История о Казанском царстве. XVI или XVII век

В 1546 году Ивану Грозному исполняется 16 лет, и он венчается на царство. Царей на Руси до того еще не было…



К концу царствования Грозного Россия становится самым большим государством в Европе.

И это был, честно говоря, очень хороший царь. Через год, в 1547 году, он женится на Анастасии Романовне Захарьиной-Юрьевой. У человека все хорошо. У него любимая жена, расширяются территории государства Московского, с боярами

полный совершенный консенсус. Более того, работает Избранная рада. Это близкие друзья Ивана Грозного, ближний круг, который советует ему, какие реформы можно принимать, какие отложить, какие войны вести и так далее и тому подобное. За годы правления Ивана Грозного были покорены Казанское и Астраханское ханства (все видели взятие Казани в фильме «Иван Васильевич меняет профессию»), присоединены Западная Сибирь, башкирские земли, земли Ногайской Орды. При Иване Грозном прирост территории Российского государства составил почти сто процентов. До правления Грозного территория страны занимала почти три миллиона квадратных километров; после – пять с половиной миллионов квадратных километров. К концу его царствования Россия становится самым большим государством в Европе. В результате того, что Ермак Тимофеевич туда, уже дальше, идет в Сибирь, там начинает свои промыслы и захваты свободных территорий. Первый период правления Грозного, как традиционно считается, – с 1547 по 1584 год. При нем был создан первый Земский собор, был принят судебник Ивана Грозного, была создана приказная система. Приказ – это, в нынешнем прочтении, департамент или министерство. Посольский приказ, это, например, министерство иностранных дел. Приказы начали управлять Россией. В России появляется централизованная государственность. Созван Стоглавый собор. Отношения между государством и Церковью начинают приобретать несколько иной, новый характер. Была проведена военная реформа, появились стрельцы, полки и так далее, начинается построение регулярной армии. Была отменена система «кормления».

Это еще одно совершенно потрясающее, значительное, но не русское изобретение. Тем не менее на Руси оно широко использовалось. Представьте себе: завтра вас «сверху» назначают губернатором, например, Свердловской или Самарской области. Говорят так: «На пять лет мы тебя назначаем губернатором, и у тебя система „кормлений”, то есть расходы на свой аппарат, свою зарплату ты из области высасывай сам. Центр будет присылать какие-то деньги, но все остальное, что тебе нужно на содержание челяди и двора, ты совершенно спокойно можешь тягать из этой Самарской области». Вы скажете, что сейчас так и происходит. Во многом – да, действительно, так и происходит. Имеющие власть чиновники смотрят на вверенные им министерства и ведомства как на систему «кормлений». Так вот, вы будете смеяться, но эту систему «кормлений» Иван Грозный отменяет. И в общем, все хорошо: развивается экономика, растет территория, рядом любимая жена, дети, работает Избранная рада. Но в 1553 году Иван Грозный заболевает. Заболевает настолько сильно, что

подозревают тяжелейшее воспаление легких. Окружающие, приближенные царя, конечно, решают, что царю наступают кранты: он умирает, и все, его никак не спасти. Среди боярства началось брожение умов: кого дальше избирать царем?

Для Ивана Грозного, как и для любого царя, важнее всего была экономика. Россия становилась торговым

мостом между Востоком и Западом.

Естественно, Иван Васильевич, еще не мертвый, говорит: «Присягните сыну моему, малолетнему царевичу Дмитрию, целуйте крест. Я сейчас помру, а вы Дмитрия будете оберегать, и когда он вырастет, будет вашим царем». Среди членов Рады возникла другая идея: давайте-ка мы позовем на московский престол брата Ивана Грозного, Владимира, тоже князя. Этот князь Старицкий был очень популярным, и у него были хорошие отношения с Избранной радой. Грозный сейчас помрет, а мы поставим Старицкого! Но Иван Грозный выздоравливает, и здесь наступает переломный момент. Все бояре, естественно, переобулись: мол, что вы, мы только Димитрия, сына вашего, хотели, только его видели царем, это на нас наговаривают! Мы за Старицкого не голосовали, это вообще бред, никогда такого в жизни не делали. Но я думаю, у Ивана Васильевича, как у нормального человека, взыграли детские воспоминания: бояре постоянно ругаются между собой. В детстве, по слухам, он даже во время боярских междоусобиц забирался под кровать от страха. А теперь – прямое предательство ближнего круга, Избранной рады. Это Сильвестров, Адашев, Курбский. То есть люди, которые были с ним рядом. Они почему-то, не дождавшись смерти Грозного, хотели уже короновать его сына, как было положено. Очень важный момент, о котором сейчас немногие говорят: в ту пору боярство думало, что будут присягать не старшему сыну, как это было в Европе, как это впоследствии устоялось на Руси, а тому, кого выберут сами…

Великий князь Московский на коне.
Гравюра А. де Брейна. 1577

Грозный нам представляется стариком, который был очень грозным, суровым царем…

Но в 1565 году, на момент принятия опричнины, ему было только тридцать пять лет.

Боярство думало, что может выбирать: Димитрию, сыну Грозного, мало лет; нам не нужен второй Грозный; давайте возьмем его брата, с ним лучше… Грозный строил жесткое централизованное государство, а бояре думали, что можно так же, как в Англии, где подписали Великую хартию вольностей: чтобы государь не мог их без суда наказать, отнять земли. Но, конечно, бояре просчитались, и дальше мы выясним, почему.

Смерть жены, боярская измена, которую он видел с детства, – все навалилось на Ивана Грозного, и он понял, что никому больше доверять не может.

В 1558 году начинается Ливонская война. Зачем она нам была нужна? Грозный видел Россию мостом между Востоком и Западом. Казань и Астрахань покорены, и торговле нужен выход на Запад, выход к Балтийскому морю. Соответственно, нужно пробиться на нынешние территории Латвии и Эстонии, прорубить туда дорогу. С Востока брать специи, всякие тюркские восточные товары и везти их на Запад. Местным везти свою пушнину, соболиный мех, древесину и через Балтийское море продавать. Для Ивана Грозного, как и для любого царя, важнее всего была экономика. Мы на Запад экспортировали воск, парусину, холсты, пеньку, кожи, оружие. Например, металл нельзя было вывозить, а все, что было создано из металла, вывозить было можно.

К нам привозили серебро в слитках, медь, шелковые ткани, специи, драгоценные камни, ковры и азиатских лошадей, которые особенно высоко котировались при царском дворе. И действительно – образовался мост между восточной и западной культурами.

Ливонская война началась в 1558 году. Началась очень удачно. Русские войска разбивали Ливонский орден в пух и прах, и были сплошные победы, но так продолжалось недолго. В 1560 году ситуация стала осложняться, и тут случается другое событие. Умирает Анастасия, любимая жена Грозного. Напомню, Грозный говорит о том, что ее отравили бояре, в том числе его самый близкий на тот момент друг и советник, князь Курбский.

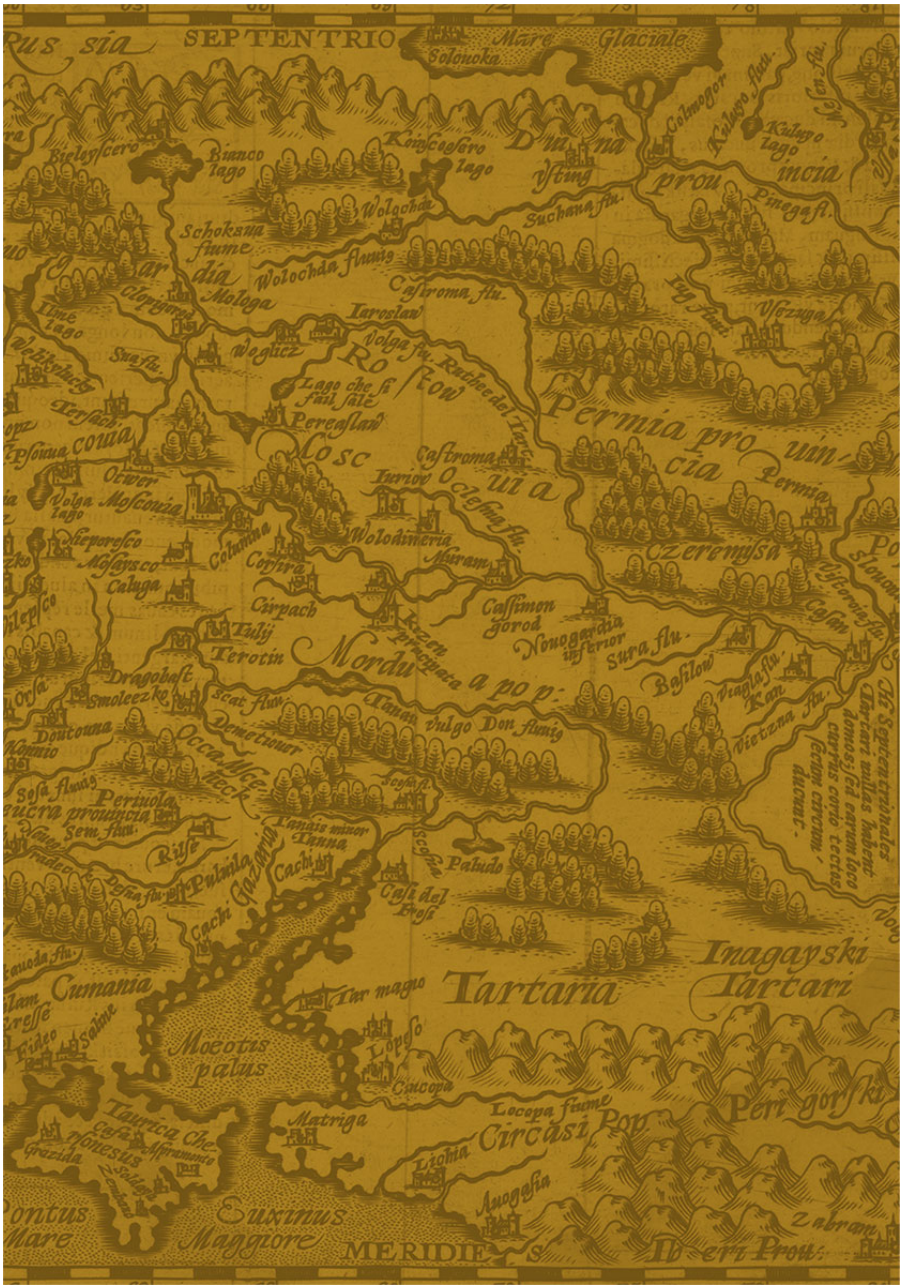
По Кремлю, по Москве ползут слухи о том, что молодая жена царя отравлена. Забегая вперед, скажу, были исследованы останки Анастасии, и в волосах и в костях свинца оказалось выше нормы в 10 раз, а мышьяка – в 16 раз. Действительно, ее отравили, и травили медленно. До истины теперь, конечно, не докопаться, что за конфликт имел место, но, скорее всего, ее действительно отравили. Она умирает, и в течение еще двух лет, с 1560 по 1562 год, продолжаются проблемы на ливонском фронте. Армия Ивана Грозного терпит поражение за поражением. Разбита армия под руководством боярина воеводы Репнина.

В 1564 году появляется слух о том, что бояре готовят восстание против Грозного, и в декабре 1564 года он уезжает, чтобы впоследствии отречься от власти. Надо сказать, я склонен верить тому, что Грозный был нездоров – головой, разбитой, как говорят, при поклонах. Смерть жены, сильно на него повлиявшая, боярская измена, которую он видел с детства, казнокрадство,

предательство – все навалилось на Ивана Грозного, и он понял, что никому больше доверять не может.

Известно, что он был с детства нрава лютого. Один из послов писал, что, когда царь злился, у него чуть ли не пена из ноздрей шла, но я думаю, это преувеличение. Ну, лицом он бывал красный, орал, топал ногами. И если молодая жена, на тот момент Анастасия, как-то могла им управлять, то когда она умерла, царь озлобился окончательно, и это стало одной из причин опричнины и того, что он окружил себя совершенно новыми людьми, опричниками. Это, конечно, было следствием неверия в людей. Это, конечно, было страхом, что его убьют, что убьют или отравят его детей, как отравили его жену.

Грозный нам представляется взрослым дяденькой с окладистой бородой. Этакий старик, который был очень грозным, суровым… Но в 1565 году, на момент принятия опричнины, ему было только тридцать пять лет. Чтобы просто вам было понятно, человеку было тридцать пять лет в тот момент, и все последующие казни, и зверства, и изуверства совершал, в общем, не старый еще мужчина. Это возраст рэпера Оксимирона или солиста группы «Little Big».



Россия теперь была поделена на две страны. Одна часть называлась опричниной и управлялась напрямую Иваном Грозным, а вторая часть – земщиной, которая управлялась Боярской думой.

В ту пору бояр не назначали, титулы переходили от отца к сыну. И у каждой из боярских семей были вотчины, то есть

усадьбы, которые давались им пожизненно. С них они кормились, в них работали крепостные крестьяне. У всех были огромные, у кого побольше, у кого поменьше, владения, олигархии, если хотите. Крестьяне, которые на них работали, платили оброк или выполняли барщину, за счет этого бояре жили. Ну и плюс какие-то торговые отношения, какие-то «старые счеты»… Каждый раз, когда Грозный «наезжал» на их права, как любой царь на Руси впоследствии, как это делал каждый великий князь прежде, московские бояре, естественно, защищались. Это легко понять: попробуйте сейчас главам каких-нибудь корпораций сказать, что они должны налогов платить на 2 % больше, например не 24 % а 26 %. Они, естественно, сразу начнут противодействовать, и так в любой стране мира. То же самое было с дворянством: никто не хотел лишаться своих прав. Более того, бояре, в общем, копировали царя. Царь объявлял себя помощником, помазанником Божьим. Бояре были ему совершенно вровень и думали, что вольны выбирать царя, какого захотят. Но Грозный, кажется, это дело прекратил. Соответственно, опричники были новыми людьми, зачастую совершенно не родовитыми. Были татары, какие-то иноземцы, совершенно безродные люди, которых он приблизил к себе и которым стал давать поместья. Чем поместья отличались от вотчины? Вотчину забрать нельзя, она с тобой, с твоей семьей на всю жизнь, а поместье твое лишь на время службы. Ну, ты нормально ногти рвешь или головы рубишь – вот тебе, значит, поместье. Как только ты перестал устраивать царя как чиновник, палач или солдат, возвращай поместье обратно – и до свидания. Поэтому новая элита, конечно, моментально вступила в конфликт с прежней.

Первый вопрос, который приходит любому человеку в голову, когда мы говорим об опричнине: как это все работало? То есть что получилось: Россия теперь была поделена на две страны. Одна часть называлась опричниной и управлялась напрямую Иваном Грозным, а вторая часть – земщиной, которая управлялась Боярской думой. Впрочем, Боярской думой кто, как вы думаете, руководит? Тот же Грозный.

Понятно, что Россия не поделена ровно пополам. На карте опричнины, вы можете видеть, все поделено чересполосицей, то есть одни области – это опричнина, другие области – это земщина. Город Москва поделен тоже не пополам, Сивцев Вражек и все прилегающие территории – это опричнина, все остальное – земщина. Столица земщины в Москве, у опричнины столица в Александровской слободе.

Говорили, например, так: знаешь, дорогой боярин Иван, ты со следующего дня забираешь семью, своих чад и домочадцев и по холодку проваливаешь. А в боярские дома заезжали опричники…

Вот что говорит историк Ключевский о том, как, по его мнению, все это управлялось. На содержание опричного двора, на

свой обиход и своих детей, царевичей Ивана и Федора, Грозный выделил из своего государства до двадцати городов с уездами и несколько отдельных областей, в которых земля была роздана опричникам. Это значит, что земля роздана в опричнину, но там были помехи, например, какие-то бояре. Им говорили, например, так: знаешь, дорогой боярин Иван, ты со следующего дня забираешь семью, своих чад и домочадцев и по холодку проваливаешь. А тут действительно стояла зима и до двенадцати тысяч согнанных с земель бояр, со своими домочадцами, со своей челядью, шли в другие концы страны, где им были даны другие поместья. В их старые дома заезжали опричники, которые получали, таким образом, в свое пользование бывшее имущество этих людей. Какую задачу решал царь Грозный? Простую задачу. Вот старая элита, я ее боюсь, я ее ненавижу, она меня преследует, она хочет меня убить, а я буду всячески ее разорять, я ее буду казнить. Итак, сначала я ее разорю, а вот этих вот новых своих безродных парней, которых я назвал опричниками, премирую этими землями. Грозный говорит: пусть остаются все старые государственные институты, все приказы, которые ведают судами, внутренними делами, экономическими делами, внешними сношениями. Пусть они остаются и управляются по старине, а у меня всего четыре приказа – постельничий, бронный, сытный и какой-то там еще приказ, – а значит, они отвечают за то, чтобы мы были сыты, чтобы у нас было оружие, чтобы у нас были хорошие лошади, чтоб дома наши царские содержались на должном уровне…

У меня всегда возникал вопрос, когда я был школьником, а впоследствии студентом: как эти две страны, у которых частично дублировались институты управления, сосуществовали? Мне до сих пор это непонятно, и, в общем, никому из историков это непонятно. Приходил человек и говорил: у меня проблема; ему говорили: иди с этой проблемой в суд. «В какой суд? – спрашивал человек. – Я к опричникам иду!» – «Нет, к опричникам не ходи, потому что это земский орган должен решать». Человек приходил к земским органам, и его проблему там рассматривали, но в любой момент могли вмешаться опричники. Например: «Земские, вы дядю Васю Соколова судите? Давайте отрубим ему уши. Дядя Вася Соколов не просто недоимки не заплатил, он изменник». Вот так управлялось государство. Давайте обратимся еще к Ключевскому: «Все центральные правительственные учреждения, оставшиеся в земщине… должны были действовать по-прежнему, управу чинить по старине».

А вот слова Грозного: «Обращаясь по всяким важным земским делам в думу земских бояр, которая провела земщину, и

докладывать государю только о военных и важнейших земских делах». Так государство разделилась на две части. На земщину и опричнину. Но были и другие важнейшие государственные дела. Государь Грозный, на нас идет войной Крымский хан. Да, это важное государственное дело. Государь Грозный, у нас дыра в бюджете тридцать пять тысяч рублей. Это тоже, наверное, серьезное государственное дело. А то, что Грозный в этот момент по девять часов в сутки молится, и лоб расшибает об пол, и в заутреню сам звонит в колокола в четыре утра, и так далее, это, может быть, и не серьезное для государства дело…

Кстати, о тридцати пяти тысячах рублей – очень интересная история. За свой подъем, то есть на покрытие издержек по выезду из столицы, когда царь занял Александровскую слободу, он взыскал с земщины 100 тысяч рублей. По тем временам это огромные, совершенно феноменальные, невозможные деньги. Представим: вот страна поделена пополам, но управляется в основном земщиной. Но не земщина, а опричники могут судить своим судом, когда хотят и как хотят, потому что земщина действует с позволения Боярской думы со столицей в Москве, а опричнина действует с позволения Ивана Грозного со столицей в Александровской слободе. Таким вот образом эта странная, до сих пор никому не понятная государственная форма управления и, я бы даже сказал, форма общественной жизни существовала целых семь лет.

И на закуску, чтобы уже изюминку на вершину этого малопонятного бардака добавить, управлял Русью как царь и государь всея Руси поставленный Грозным касимовский князь Семеон Бекбулатович. Он управлял земщиной и именовался царем Руси, и в таком качестве подписывал документы, а Грозный называл себя князем Московским и писал царю уничижительные документы такого содержания: «Государю великому князю Семеону Бекбулатовичу Всея Руси Иванец Васильев (то есть Иван Грозный) со своими детишками, с Иванцом да Федорцом, челом бьет». В этом было что-то нездоровое, болезненное. Помните фразу «самоуничижение паче гордости»? Высшее лицо, Грозный, играл в эту игру. Для чего понадобилась эта игра, до сих пор мало кому понятно. Есть версия, что, посадив Семеона Бекбулатовича, Грозный хотел забрать церковные земли и как бы этим говорил: это не я конфискую земли, я Иванец Васильев, опричник главный, сидящий в Александровской слободе, а людей Семеон убивает, он же земли конфискует, я же не делаю вам ничего… Это одна из версий.

Вторая версия – проблемы с головой у Ивана Грозного: он был настолько болен, что творил такие вещи.

Третья версия – это всегдашнее лицемерие тиранов. Вы, наверное, точно знаете историю о том, что Сталин был бессребреником. В одном кителе ходил. Да и Грозный был такой же бессребреник, вообще без сребреников. Когда у тебя в руках вся страна, очень легко быть таким. Ты можешь ходить сирым и убогим, а у тебя миллионы гигабит. Все, что есть у тебя, это «вошь на аркане». Но, конечно, завтра ты щелкнешь пальцами, и тебе принесут любые яства, которые ты хочешь, любых женщин или мужчин, которых ты хочешь. За Грозным статья, его обвиняли в содомии. Ясно, что все это, конечно, огромный политический маскарад. И совсем финал – это отношения Запада и Руси в те времена. Понятно, что князь Курбский был первым политическим эмигрантом, который убежал от Грозного и писал ему письма, но русские послы, русские воеводы никогда перед лицом западных посланников не говорили, не употребляли слова «опричнина».

Послам говорят, мол, у нас никакой опричнины нету, опричнина дальше, а у нас особый двор, в котором Грозный. Вот дальше Рязанская слобода, вот там есть опричнина. Царь наш батюшка, великий князь Московский, сам решает, кому подле него жить, а кому в удалении, и никакой он не опричник. То, как там живут, что они режут головы, и убивают, и насилуют, о том мы не ведаем.

Опричникам были даны чрезвычайные полномочия. Это были люди, которые словами «крамола» и «измена» оправдывали любые свои действия.

Опричникам были даны чрезвычайные полномочия. Даже непонятно, с чем их сравнить. Впоследствии сравнивали с чекистами или с полицейскими. Это не совсем так. Это были

люди, которые словами «крамола» и «измена» оправдывали любые свои действия. То есть схватить могли любого купца, любого дворянина, любую бабу, любого боярина и предать лютой смерти со всей семьей, только чтобы забрать его имущество и передать его потом царю или ближнему кругу опричников. «Да он хотел крымскому хану Русь-матушку сдать! Либо он уже готовил, хотел переписать и передать какие-то важные средства, поэтому мы, значит, его отделали, словом и делом». Да, люди лицемерны, прикрывали убийство словом. Это было такое террористическое подразделение, специальный корпус, который творил все что хотел, не ограничиваясь никакими рамками. Если вы думаете, что опричники убивали только бояр и купцов, у которых были деньги, то вы ошибаетесь. Любая челядь, которая на дворе боярском была в то время, неизбежно попадала в капкан репрессий, тоже шла под нож. Точное число жертв опричнины никому уже невозможно установить. Ну, понятно, что, когда люди «по беспределу шли», в злодействе они резали всех от мала до велика.

Я думаю, что окончательно в безумие, в подозрение всех в измене вверг Грозного князь Курбский, который за два года до опричнины бежал со Святой Руси. Он бежал к полякам и предал Ивана Грозного. Сохранилась переписка Грозного с Курбским. Ее читали немногие, и я уверен, что большинство читателей этой книги с ней не знакомы. Честно скажу, я пытался читать в институте в Архиве древних актов, потом прочел спустя годы в Интернете. Знаете, что собой представляли Грозный и Курбский? Они дружили. Грозный – царь, Курбский – князь, представитель высшей аристократии.

Курбский перебежал к полякам и написал Грозному письмо. Всего сохранилось несколько писем. Что сразу понятно: очевидно, Курбский был дикий тролль! Он такого размера письма писал… И он наступал на больные мозоли Грозного. Тот что-то там отвечал на шести листах. Очевидцы-свидетели, те, кто выжил во времена Грозного, отмечали, что царь был не дурак, поговорить любил, любил спорить до пены, любил доказывать, орать и ко всему он был очень пишущий человек. Курбский ему пишет примерно так: «Все, я убежал. Ранее не уехал от тебя, но добрые люди нашептали, что меня подозревают, будто я твою жену отравил, Анастасию. Я этого не делал, я понимаю, что суд твой неправедный, что ты убиваешь кого хочешь. Поэтому вдалеке от тебя, тут в Литве, пересижу». Грозный ему отвечает на трех листах с цитатами из Библии. Язык такой князь Курбский, как смерть, отсекал. То есть все, что мы любим в сегодняшних соцсетях, все можно найти в переписке Грозного и Курбского. Просто тогда назвали пылающим псом, смердящим куском кала,

как угодно, и между всеми этими «кусками кала» и «псами» цитаты из Библии и житий святых. Стань, мол, хорошим, убивают только отступников. Не хочешь служить? Я царь ваш, я что хочу, то с вами и делаю. Вы не хотите служить, значит, вы предатели, твари, так же вы моего отца предавали. А вот твой дядя предавал моего прадеда… Ну и так далее. Любой сегодняшний фейсбучный срач можно переложить на язык переписки Грозного с Курбским. Который отвечает, например, так: подумаешь, ерунда, царь какой-то мне пишет письмо на шести страницах! Здесь, в Польше, в отличие от Руси, много образованных людей, они все это читают и смеются… Вот такая была переписка.

Но смех смехом, а в этой переписке были, конечно, важные моменты. Например, Грозный спрашивает Курбского: почто лишили вы меня молодой жены моей? Подразумевается Анастасия. Он верил, был абсолютно уверен, что жену отравили и Курбский был к этому причастен, потому дальше пишет: вы же не меня отравили, вы жены меня лишили. И я бы мог массу зверств и изуверств с вами сделать, но я их не делал, хотя вы мрази, гадины; и как вообще с вами жить? Вас только и можно сечь, вешать, сажать на кол и все такое прочее. В общем, Курбский подогрел маниакальную страсть Грозного. Грозный мало появлялся в Москве за годы опричнины. Он жил либо в Александровской слободе, либо в Вологде.

Вот три момента, вызвавшие помешательство царя: измена, недоверие старым боярам и стремление выстроить новую элиту. И был четвертый момент – желание построить государство, которое принадлежало бы ему самому, то есть чтобы: вот – царь, а вот – все остальные, его рабы, которые равными царю быть не могут.

Перейдем к самому «вкусному». Это зверства и изуверства. Людоедство Грозного для Средних веков не было чем-то из ряда вон выходящим. Поиздеваться друг над другом любили по всей Европе, и казни да пытки друг другу чинили регулярно. Теперь я буду о них рассказывать, хотя, конечно, рассказывать о них совершенно не хочу. Что же началось дальше?

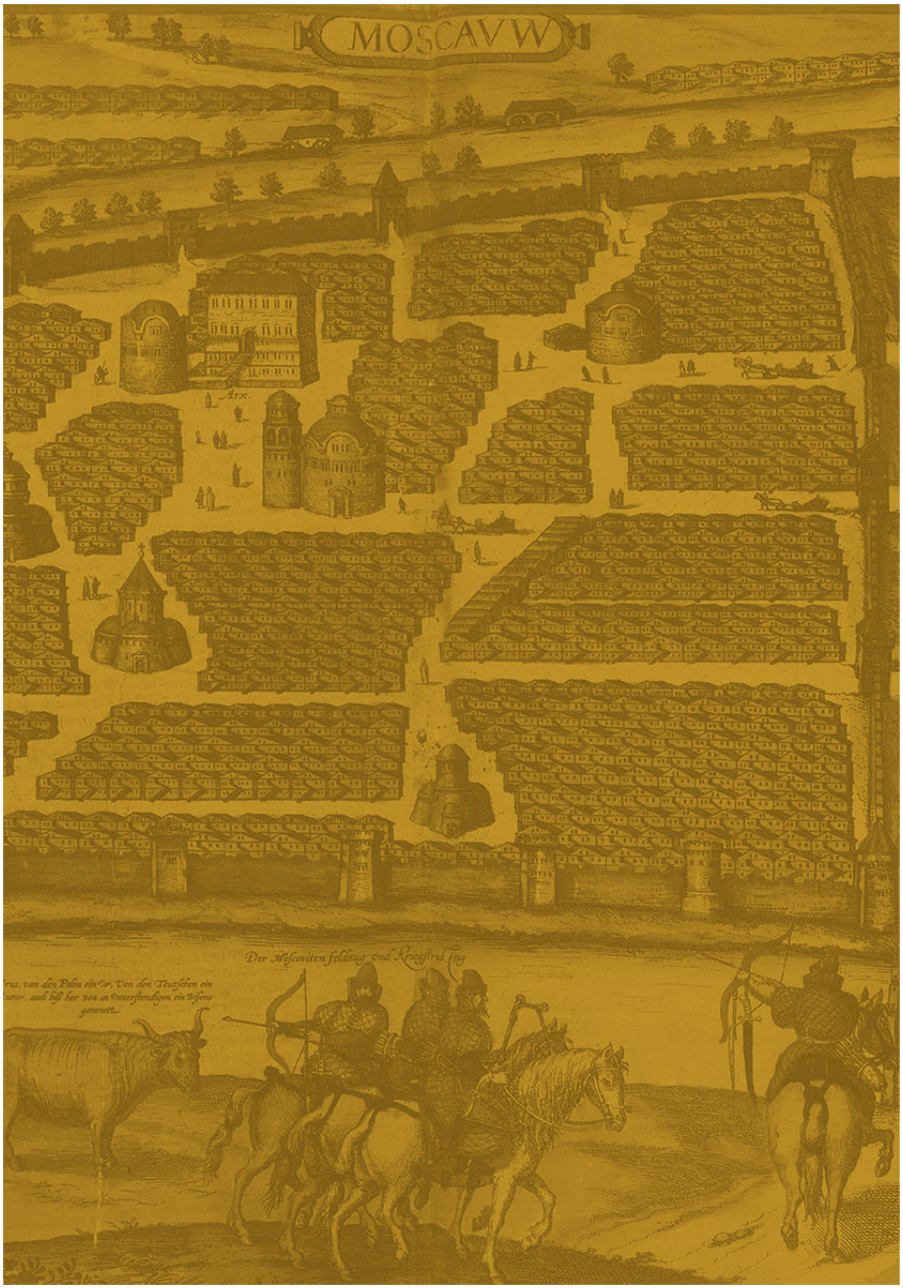
Во-первых, появилось опричное войско. Это были люди, которые разъезжали на конях в капюшонах; у такого всадника к каждому седлу была прикреплена метла («Мы выметем всех врагов государя»), а на шее коня висела отрезанная песья голова («Мы покусаем всех врагов государя нашего, Ивана Грозного»). Опричное войско стало везде искать измену. Конечно, не носились по Руси специальные отряды с девизом «Кого бы там еще порубить?». Все происходило, я считаю, как происходит и сейчас. Кто-то на кого-то стучал, чтобы получить бизнес, отнять

денег, может быть, забрать жену, и так далее и тому подобное. Из этого вот мелкого стукачества, из посягательства на чужое добро начался низовой террор. Любого объявляли предателем и волокли со двора, убивали, но Грозный руководствовался своими соображениями. Так, когда начались первые казни, первыми жертвами опричнины стали виднейшие бояре: воевода в Казанском походе Горбатый-Шуйский с сыном Петром, его шурин Петр Ховрин, окольничий Головин – его род традиционно отвечал за московскую казну, – Горицкий, Оболенский. Князья Дмитрий Шевырев, Лобан-Ростовский и другие – сбежали. Опричники с них сразу снимали судебную ответственность, они приезжали, кричали «Гойда-гойда!» и либо тащили человека в Александровскую слободу, чтобы казнить там, либо рубили на месте. Суд был очень простой, скорый:

«Значит, ты предатель?»

«Государь-батюшка, какой я предатель? Я не вор, я честный слуга!»

«Язык ему вырвать, чтоб не врал».



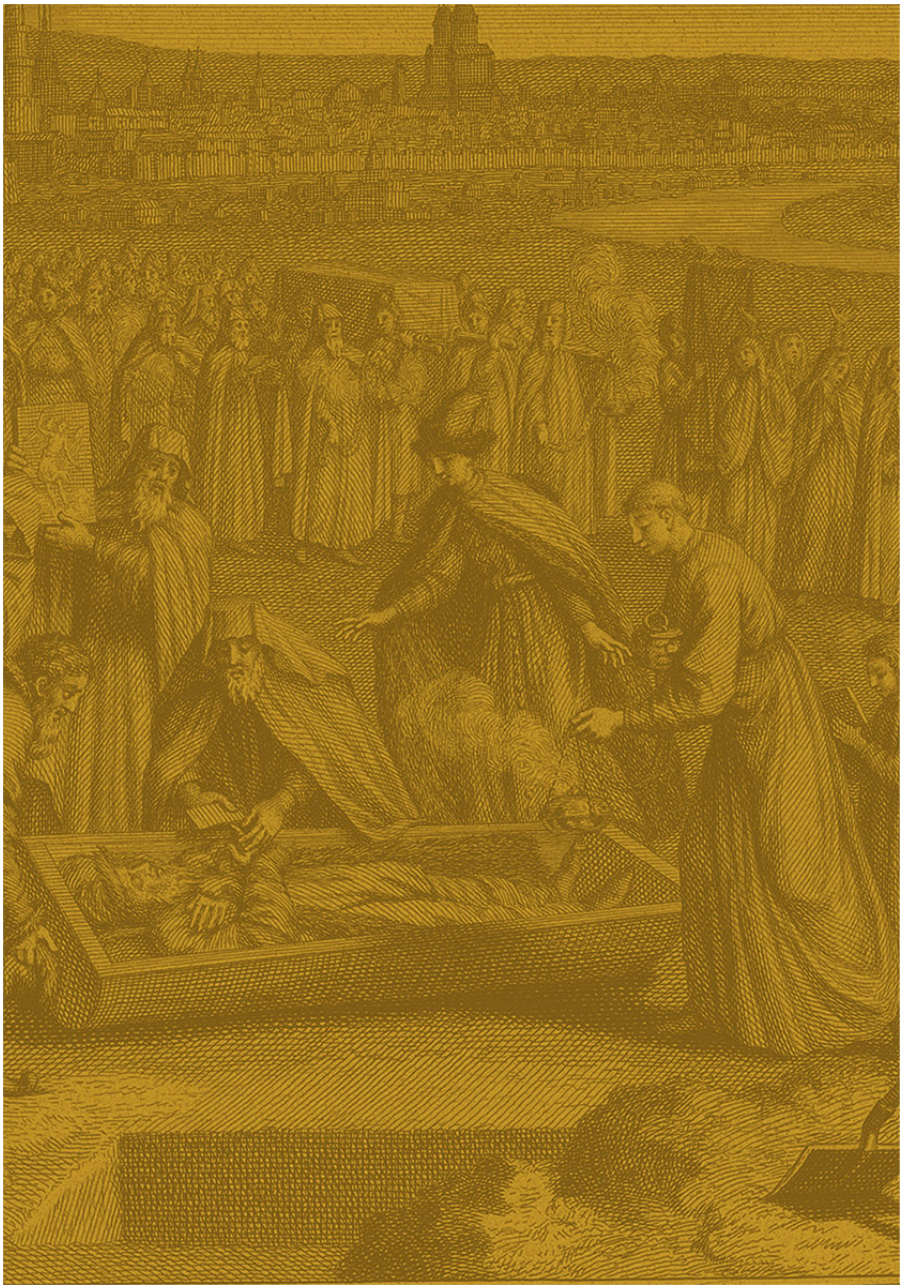
Людоедство Грозного для Средних веков не было чем-то из ряда вон выходящим. Поиздеваться друг над другом любили по всей Европе, и казни да пытки друг другу чинили регулярно.

Дальше уже по обстоятельствам: кого-то убивали долго и медленно, кого-то быстро, а вся собственность убиенных

переходила опричникам. Таким образом многое началось. Начался подъем Басмановых, отца и сына, Малюты Скуратова, видных опричников. То есть «из грязи в князи», голь перекатная, которая всю жизнь завидовала боярам, людям родовитым, получила франшизу на правосудие. Сейчас по франшизе можно открыть «Пицца Хат», а тогда люди получили франшизу на убийство. Они творили беспредел, а добро чужое забирали себе. Ну, и что, плохо разве им жилось? Конечно, им жилось хорошо.

Россия вступала в полосу жесточайшего террора. Князь Курбский называл опричников кромешниками: в аду тьма кромешная, соответственно, это слуги сатаны. В России, или на Руси, их так многие называли. Говоря об опричнине и семи годах беспощадного террора, следует выделить одну вещь. Если мы проследим историю любого тирана-убийцы, то увидим: нельзя просто крошить людей в капусту, даже по идеологическим мотивам. Время от времени нужно обозначать какого-нибудь главного врага. Главные враги были у Сталина. Например, в разные времена это были Троцкий, потом Зиновьев и Каменев, Бухарин. Гитлер устраивал «Ночь длинных ножей», когда была вырезана часть элиты, которая не хотела беспрекословно ему подчиняться. У всех тиранов бывали подобные «большие дела».

Казнь каждого князя, каждый посаженный на кол, сваренный в кипятке или в масле, затравленный собаками или разодранный медведями князь – был призом для Ивана Грозного, прибылью, событием. Но народ, как таракан, ко всему привыкает, и сначала люди ужасались казнью пятерых князей, потом – еще десятерых, потом – тридцати пяти бояр… Потом сорок человек повесили, а двадцать шесть утопили… Вспомним наши девяностые, когда начались первые заказные убийства. Это был ужас. А когда начали стрелять по три раза в неделю… В общем, народ реагировал, я думаю, при Грозном приблизительно так же. Поэтому нужны были большие, совершенно большие, какие-то выдающиеся дела. Вот как приблизительно выглядели опричники, без «суперстаров», в почти монашеских по виду балахонах. Вот метла, которая обычно крепилась к седлу лошади, а вот отрезанная собачья голова, которая тоже крепилась к седлу.



Все происходило, я считаю, как происходит и сейчас. Кто-то на кого-то стучал, чтобы получить бизнес, отнять денег, забрать жену… Из этого мелкого стукачества, из посягательства на чужое добро начался низовой террор.

Едва ли не единственным человеком, который возвысил свой голос против смертоубийства, против злодейства и безумия царя

Грозного, оказался митрополит Филипп Колычев… Филиппу в 1566 году было предложено стать митрополитом, и он первоначально отказался, потому что самым главным препятствием к этой должности была опричнина. Он просил, не раз протестовал и высказывался об этом публично, и когда ему Грозный сделал предложение, тот поначалу отказался, и вот как пишет об этом Карамзин в «Истории Государства Российского». Митрополит Филипп сказал Грозному: «Повинуюсь твоей воле, но умири же совесть мою, да не будет опричнины, да будет только единая Россия, ибо всякое разделенное царство, по глаголу Всевышнего, запустеет. Не могу благословлять тебя искренне, видя скорбь в отечестве…» Грозный вспылил, но царедворцы и окружение Филиппа все-таки уговорили его, и он стал митрополитом Московским и, более того, по договоренности с Грозным он был таким митрополитом, который не должен был лезть в дела опричнины. То есть вот он был митрополитом для земщины, а в рамках опричнины Грозный хотел объединить верховную государственную власть и верховную духовную власть.

Суд был очень простой, скорый: «Значит, ты предатель?»

«Государь-батюшка, какой я предатель? Я не вор, я честный слуга!» «Язык ему вырвать, чтоб не врал».

Как мне кажется, после этого никаких документов о том, что происходило между Филиппом и Грозным, не осталось: было

много пожаров, часть документов сгорела, но, по свидетельству современников, первые полтора года, с 1566 по 1568 год, почти два года, мы ничего не слышим о больших злодеяниях Грозного. Опричнина никуда не делась. Опричники лютовали по всей Руси, но наверху, среди каких-то именитых дворян и менее именитых бояр, число казней сократилось. По свидетельству очевидцев, митрополит Филипп очень часто заступался, он просил за жертв перед Грозным, и ему это в какие-то моменты удавалось. Дальше происходит возвращение Грозного из первого ливонского похода, который закончился неудачей, и Грозный, вернее, окружение Грозного перехватывает письмо, в котором гетман пан Хаткевич обращался к польскому королю Сигизмунду с тем, чтобы встать под знамена войска польского короля, сделаться его подданным и перейти на его сторону. Начались массовые казни. Первым пострадали боярин Иван Челядин с семьей, а затем по его изменническому делу погибли князья И. Куракин-Булгаков, Д. Ряполовский, трое князей Ростовских, принявшие монашество князья Щенятев и Турунтай-Пронский. Заметьте, даже когда люди принимали постриг, уходили в монахи, их это не спасало. Их выволакивали из монастырей, и дальше все как обычно: варили в кипятке, грызли медведями, собаками, сажали на кол. Здесь митрополит Филипп первый раз серьезно сталкивается с царем на службе в Успенском соборе. После службы митрополит традиционно благословляет царя. Митрополит Филипп выходит, но делает вид, что не замечает царя. Опричник Малюта, в частности, указывает ему: здесь царь, которого он должен благословить. На что Филипп (и здесь опять я цитирую Кармзина) поворачивается к Грозному, делая вид, что не узнал того в монашеском одеянии. Он говорит: «Я что-то не узнаю тебя…» – и дальше цитата: «…в сем виде, в сем одеянии странном, не узнаю я царя православного, не узнаю и в делах царства. О, государь, мы здесь приносим жертвы Богу, а за алтарем льется невинная кровь христианская». Он отказывается благословлять царя, дальше идет очень длинный текст, и, в общем, суть его проста: «я не буду благословлять того, кто убивает невинных людей, а если ты хочешь благословения, то благословлять не буду». И тогда Грозный топает ногой и говорит: «Ну ничего, я с тобой мирился, я терпел. Ну ты еще об этом пожалеешь!» И дальше начинается травля Филиппа и людей из его окружения, опричники забивают их железными палками. А казни, против которых, собственно, протестовал Филипп, продолжаются. То есть на следующий же день после службы в Успенском соборе продолжаются казни, злодейства, пытки… Филипп пытается встретиться с Грозным, но Грозный не принимает его. Тогда Филипп уезжает из Кремля в

один из московских монастырей, скорее всего, в Новодевичий. А 28 июля происходит, наверное, финальное событие в противостоянии митрополита Филиппа и Ивана Грозного. Происходит крестный ход вокруг стен монастыря, и во время молитвы митрополит Филипп замечает, что один из опричников стоит в шапке. Он поворачивается к Грозному и спрашивает так: «Это вообще нормально? Вот эти опричные люди, добрые христиане, не так молитву, как другие, слушают, а ты считаешь, что это хорошо». Опричник быстренько, значит, стаскивает с себя шапку, Грозный, повернувшись, никого в шапке не увидел и сказал: «Ты, значит, еще лгун и подлец!»

Едва ли не единственным человеком, который возвысил свой голос против злодейства и безумия царя Грозного, оказался митрополит Филипп Колычев. Однажды он прилюдно отказался благословлять государя…

Кстати, вот тоже штришок к набожности Ивана Грозного. Да,

он убивал людей в монастырях, он жег и пытал монахов. Говоря о митрополите Московском, он совершенно не стеснялся в выражениях. Но только после этого случая Грозный начинает процесс над Филиппом. И, надо отметить, начинается какая-то странная история. Большинство фигурантов дел, до 90 % убивали без суда и следствия. То есть им говорили: «Ты изменник, на тебя показал такой-то, и неважно, что показания получены под пытками», – и их убивали. Но здесь все-таки Грозный понимал, что нельзя просто так взять и убить митрополита Московского, все-таки население Руси православное и никто ему этого не простит. Началось судилище. Судить митрополита обычным судом тоже представлялось делом каким-то странным – в частности, кто будет понятыми? Все понимали, кто такие опричники. Поэтому Грозный собирает суд из представителей Церкви, в состав суда вошли суздальский епископ Пафнутий, архимандрит Андроникова монастыря Василий Темкин-Ростовский, дьяк Дмитрий, и возглавил все это новгородский архимандрит. То есть Пимен становится предателем митрополита Филиппа. Он его закладывает, он свидетельствует на суде. Если бояр и опричников можно было обвинить в военной измене, то здесь сказали иначе – вредительство. Сформулировали традиционное обвинение: ворожба, колдовство, наведение порчи. И нашлись свидетели, которые говорили про митрополита Филиппа, что он организовал двести – триста человек, которые ходили специально ворожить против царя, и ему за это отдали митрополию в Новгороде. Во время судебного процесса митрополит Филипп слушать этого не стал, снял клобук и сложил символы митрополичьей власти: «Я этот ваш бред и беззаконие слушать не хочу. Вы все не хотите, чтобы я был Патриархом и митрополитом Московским? Пожалуйста». Он складывает символы власти и встает. А 4 ноября суд епископов лишает Филиппа звания митрополита, но Грозный Филиппу уйти не дает. Он заставляет Филиппа отстоять службу в Успенском соборе в день Архангела Михаила, и дальше происходит унизительное: под конец службы приходит Малюта Скуратов, зачитывают постановление суда, если можно так выразиться; митрополита Филиппа, лишенного сана, выволакивают из Успенского собора, наряжают его в рваное монашеское платье, сажают на дровни и выдворяют из города. Вокруг митрополита скачут опричники, бьют его метлами, орут «Гойды-гойды!» и всячески унижают, а дальше Филиппа высылают в монастырь.

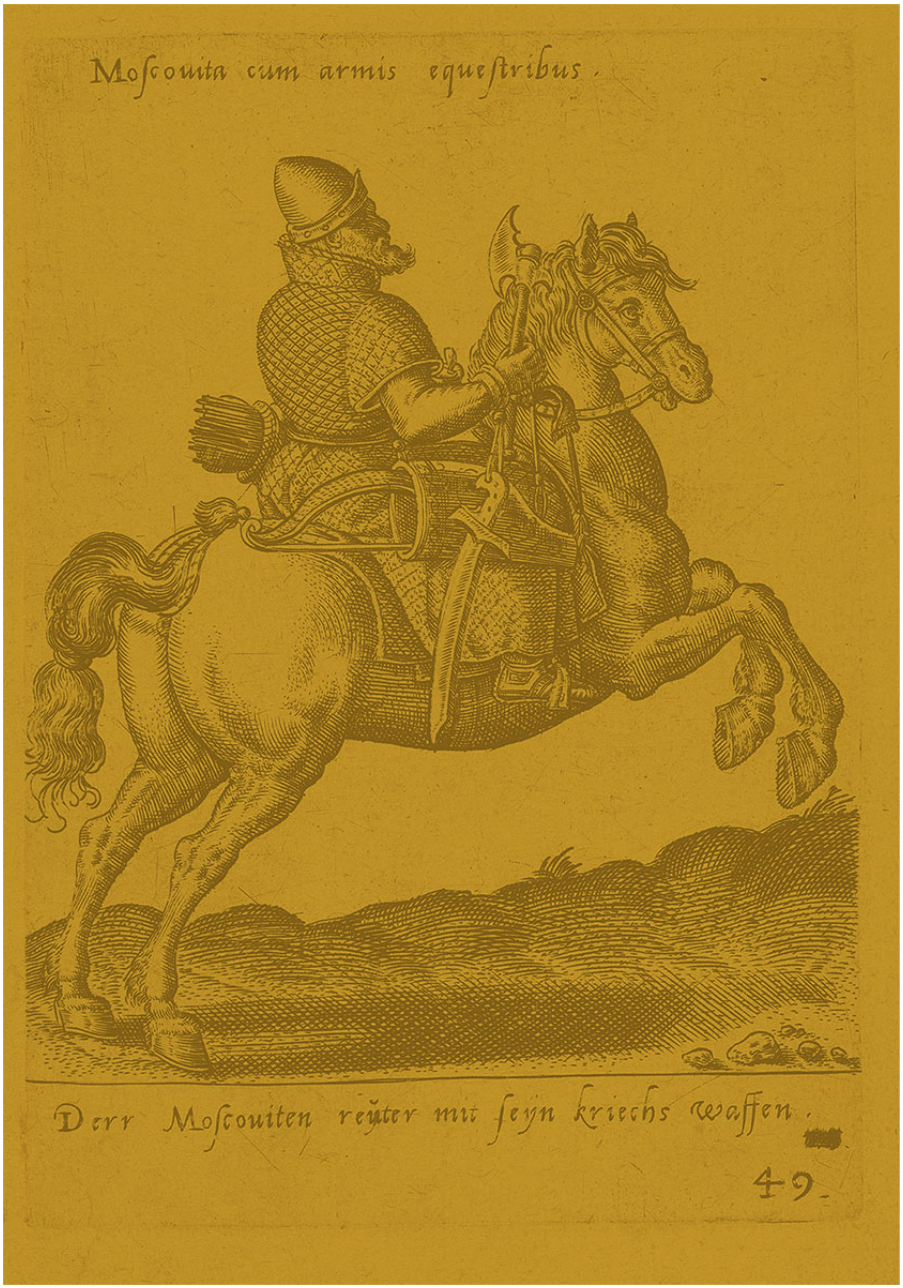
История эта заканчивается в 1569 году. Опричное войско движется на Новгород, и Малюта Скуратов – ну, естественно, по приказу Грозного, сам бы он на это не решился – отправляется в

монастырь, где сидит в заточении митрополит Филипп, и душит его подушкой. Задушив митрополита подушкой, Малюта Скуратов выходит и говорит охране монастыря: «Что-то у вас жарко здесь: вот митрополит угорел. Вы можете себе представить: я зашел, а он там мертвый лежит!» Ну, естественно, Малюта его задушил, и это злодейство конечно же было санкционировано Иваном Грозным. Русская православная церковь канонизировала митрополита Филиппа, и о нем осталось много мифов: когда его заковали в колодки – они спали с его рук, его пытались отравить – яд его не брал, Грозный пытался рвать его медведем – медведь не мог Филиппа загрызть и отошел в сторону. Понятно, что все это мифология, но тем не менее – вот как закончилась судьба человека, единственного человека, который не побоялся возвысить голос против ублюдства и ада, который творился все семь опричных лет. Этого было мало, казни продолжались.

Но жил в ту пору еще один человек – двоюродный брат Грозного, Владимир Старицкий (1533–1569). Когда в 1553 году Грозный заболел, хотели Старицкого бояре, как вы помните, посадить на царство: он все еще жив, его не убили, более того, он воевода в Астрахани. И до Грозного доходит слух, что, когда Старицкий с войском проезжал через Кострому, его встречали как государя. Он был очень популярен в народе. Но какой нормальный царь потерпит, чтоб кто-то был популярнее его? Естественно, Старицкого вызывают в Александровскую слободу, там Грозный принуждает его выпить яду, он умирает. Достаточно легкая смерть в сравнении со всем тем, что творил Грозный с остальными; жену, ребенка, младшего, по-моему, пощадили, а ближний круг весь был зарублен, истреблен. Владения, естественно, отошли опричникам, в частности Грязному и Малюте Скуратову.

И вот наступает 1569 год. Самое главное злодейство Ивана Васильевича. Он получает подметные письма о том, что Новгород, который всегда тяготел к Западной Европе, который был когда-то республикой, членом Ганзейского союза, торговал с Западной Европой, этот весьма вольный город хочет убежать из-под власти Ивана Грозного в Литву, или в Речь Посполитую уже к тому времени, и, соответственно, кругом измена. Просто в какую избу ни зайдешь, что ни взять, везде изменники сидят и готовятся все серебро, золото отвезти, значит, польскому королю, а Грозного предать. И Грозный, с обычным войском в несколько тысяч человек, двигается на Новгород. Войско идет из Москвы, но по дороге они грабят города; тогда же, по дороге, Малюта Скуратов заезжает в монастырь, убивает митрополита Филиппа, все города по пути разграбляются, скарб забирается, все, что нельзя унести,

заметьте, сжигается. Опричное войско берет Новгород в кольцо, или «в периметр», как сейчас бы сказали военные, зачищаются все близлежащие монастыри. Через четыре дня приезжает Грозный и говорит: будем изменников судить. И дальше начинается натуральная резня. Понятно, что сажать на кол каждого изменника – дело затратное, стрелять из пищалей тоже довольно сложно, можно варить в котлах, как Грозный и любил делать, но это тоже довольно трудоемко. Поэтому что началось? Начались массовые утопления: людей сбрасывали в реку, к женщинам привязывали детей и топили вместе с детьми. На лодочках плавали опричники с баграми, и если кто-то всплывал, баграми его добивали. Это была совершенно ужасающая история: шесть недель опричное войско насилует, грабит, режет, убивает. Тут уместно сказать об отряде митрополита Новгорода Пимена, который участвовал в заговоре против Филиппа и который возглавлял церковный суд. А Пимен, который помогал Грозному состряпать дело против Филиппа, что с ним произошло? Ему сказали, что он и есть самый главный изменник. В Новгороде его выволокли из церкви, избили, посадили на хромую козу, сказав, что это жена его, и отправили из города прочь. В ближних крупных монастырях всех попов перевели, переколбасили и посадили на колы.



Двоюродный брат Грозного Владимир Старицкий был очень популярен в народе. Но какой царь потерпит, чтобы кто-то оказался популярнее, чем он сам?

Новгородская резня была просто ужасающей. С тех пор карьера Великого Новгорода как большого торгового города была закончена. Город разорен, он больше никогда не оправится и

навсегда останется городом второстепенным. Существует мнение, что если во время массового утопления кто-то выныривал, то Грозный сам или там со Скуратовым лично добивал их дубинами. Я думаю, что историю приукрашивают, но тем не менее новгородская резня была просто ужасающей. И с тех пор карьера Великого Новгорода, как большого торгового города, была закончена. Город разорен, он больше никогда не оправится и навсегда теперь останется… ну, не деревней, но второстепенным городом России – при всех последующих царях.

В Новгороде, по разным источникам, было от двух до десяти тысяч погибших, кто-то говорит о семидесяти тысячах погибших, но эта цифра кажется преувеличенной. Там проживало всего тридцать пять тысяч человек, и если мы возьмем цифру в десять тысяч, то получится, что извели треть населения города. Такой вот штрих к биографии Грозного.

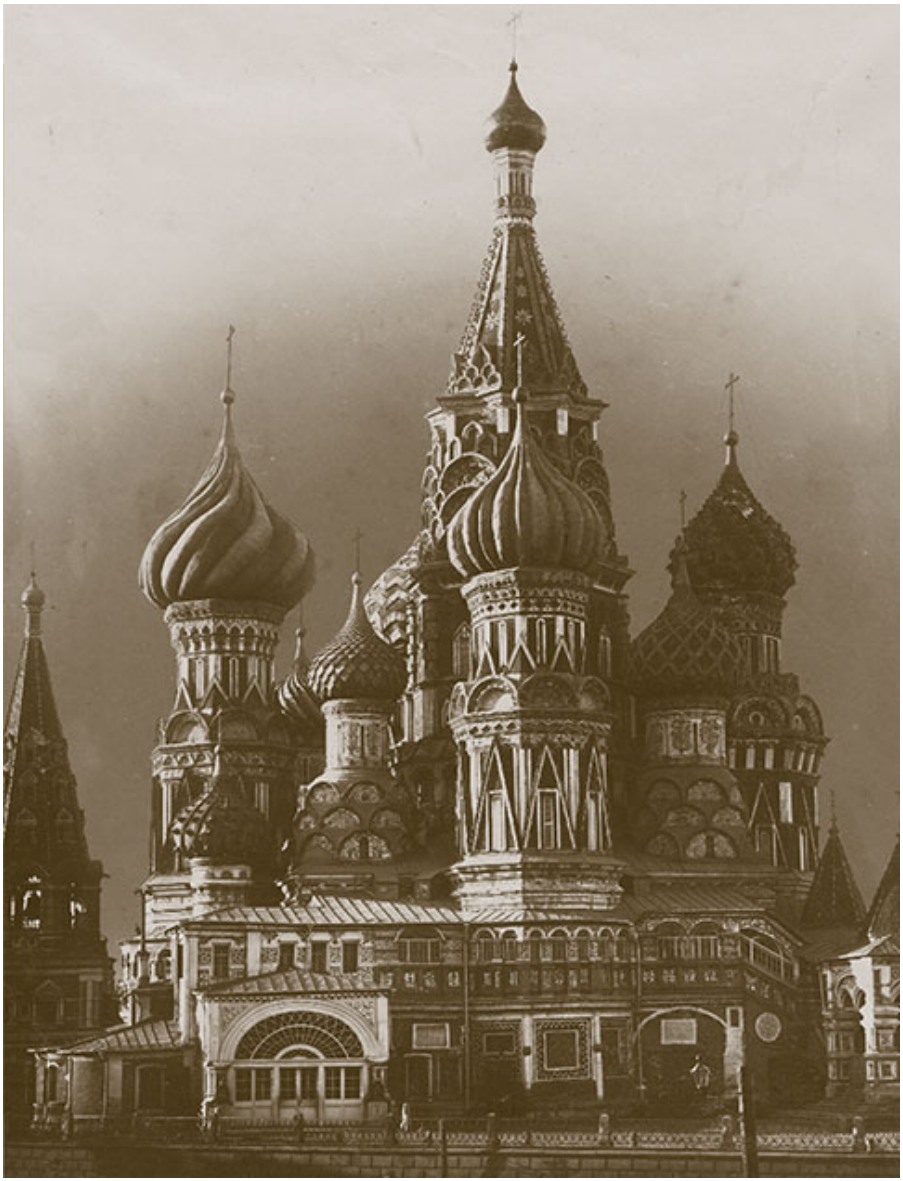
Новгородская резня поражала воображение. С тех пор карьера Великого Новгорода как большого торгового города была закончена навсегда.

Дальше Псков. Псков еще ближе к Западу, а соответственно, и измены в нем больше. Опричное войско двигается на Псков. И с этим связана одна легенда. Грозный гостит у псковского

юродивого, которого зовут Никола Солоса, а юродивых цари любили во все времена. Когда пришло время обеда, Никола протянул Грозному кусок сырого мяса и сказал: «Ты уж сожри мясо, не побрезгуй». Грозный возмутился, на что Никола ему пригрозил, что если тот не почтит жителей Пскова, то царь вскорости умрет. Царь вышел от Николы, сел на коня, и конь в эту минуту падает под Грозным. Грозный понимает: проклял его юродивый. Опричное войско поспешно покидает Псков и отправляется в Москву.

До 1570 года продолжается расследование новгородской измены, и многих казнят уже в Александровской слободе. Наступает 1570 год, который открывает новую фазу – очень важную в жизни любого тирана, – когда и мнимые, и настоящие враги заканчиваются. Те и другие перевелись, и начинается уничтожение ближнего круга. В 1570 году организована одновременная казнь трехсот человек на Красной площади. Это было нечто величественное: триста человек, триста палачей, триста эшафотов, триста топоров. И на эшафоте – царь. И вот еще одна легенда: случайно, как и многие другие, попал на эшафот купец, которого звали Харитон Беллалулин. Крупный, высокий мужик, он начал кричать, мол, ты, гадина, царь, убиваешь безвинных жертв и так далее. Грозный велел быстрее заканчивать все это дело. И вот картина: Грозный сидит на черном коне, в монашеском одеянии, Харитону отрубают голову, из тела фонтанирует кровь, и тут вдруг безголовый труп встает и начинает идти… Грозный, по слухам, очень испугался, пустил коня вскачь и скрылся у себя в палатах на Неглинной. Красивая легенда, и ее еще дополняют: труп стоял на ногах до двух часов ночи и никто не мог его убрать с Красной площади: просто боялись подойти.

Это одна из самых изуверских казней – одновременная казнь такого количества людей. И Грозный очень любил казни наблюдать, он смотрел, практиковал это дело и знал толк, что называется.



Собор Василия Блаженного. Красная площадь. Москва.
Ок. 1860

Красная площадь называется сердцем России. Раньше здесь находилась почетная трибуна для тех, кто хотел понаблюдать за казнями, проводимыми Иваном Грозным, в режиме реального времени.

Красная площадь называется сердцем России. Это сейчас здесь модное столичное кафе, ярмарка, VIP-каток, а раньше здесь

находилась почетная трибуна для тех, кто хотел понаблюдать за казнями, проводимыми Иваном Грозным, в режиме реального времени. Первый вид казни – человека зашивали в медвежью шкуру, а потом отдавали на растерзание собакам. Так при Иване Грозном был казнен новгородский епископ Леонид. Некоторых провинившихся не зашивали в медвежью шкуру, а сразу отдавали на растерзание хищникам. Второй вид казни, который назывался «по части тела»: человека привязывали к столбу, а потом подходили к нему и вырезали куски мяса прямо из человеческого тела. Так при Иване Грозном был казнен дипломат Иван Висковатов. Еще один вид казни, который назывался «в котле с кипятком»: на площади устанавливался большой чан или котел, который снизу подогревали огнем; в этот котел заливали воду или масло, а потом в него забрасывали по рукам и ногам связанного провинившегося, и в этом котле он варился до самой смерти. Такой жуткой казни был предан Никита Фуников, государственный казначей. Иногда преступников казнили несколько иными способами: их попеременно обливали то кипятком, то ледяной водой, пока кожа не сходила чулком. Ну и самый известный способ, который назывался «на бочке с порохом»: человека привязывали к бочке с порохом и просто взрывали его. Так был казнен воевода Никита Голохвастов и многие монахи. По легенде, при этом Иван Грозный произносил: «Пускай они, подобно ангелам, сразу летят на небеса».

Казалось бы, убивая людей столько времени, опричники должны научиться управляться мечами и саблями. Но тут наступает 1571 год, и крымский хан Девлет-гирей наступает на Москву, и опричное войско, эти вот изуверы и палачи, люди, которые говорили: «Царь-батюшка, да мы тебя защитим, мы всех врагов твоих зубами будем рвать», это опричное войско не является на войну. Собрали только один полк опричников, и два полка были от земщины. Разумеется, потерпели поражение, враги Москву сожгли, Царь Грозный из столицы бежал. И, собственно, здесь на опричнине можно было ставить жирную точку. Опричнина себя показала как банда скотов, ублюдков, которые родную землю защитить не смогли. Грозный в этот момент в опричнине уже разочаровался. Неофициально опричнина завершилась в 1572 году: с 1572 года Грозный запрещает именовать опричнину. Через двенадцать лет, в 1584 году, Грозный умирает, и умирает, в общем-то, еще не старым человеком. Хотя он уже и выглядел как старик, силы у него были. Его в последние дни носили, он не мог ходить самостоятельно, но это был человек, который умер в возрасте около пятидесяти с чем-то лет. А насчет опричнины и ее причин имеется теория,

совершенно потрясающая, интересная и на первый взгляд вообще странная. Но если вдуматься в нее, начинаешь понимать, что в общем, наверное, так и было, по крайней мере, так планировалось…

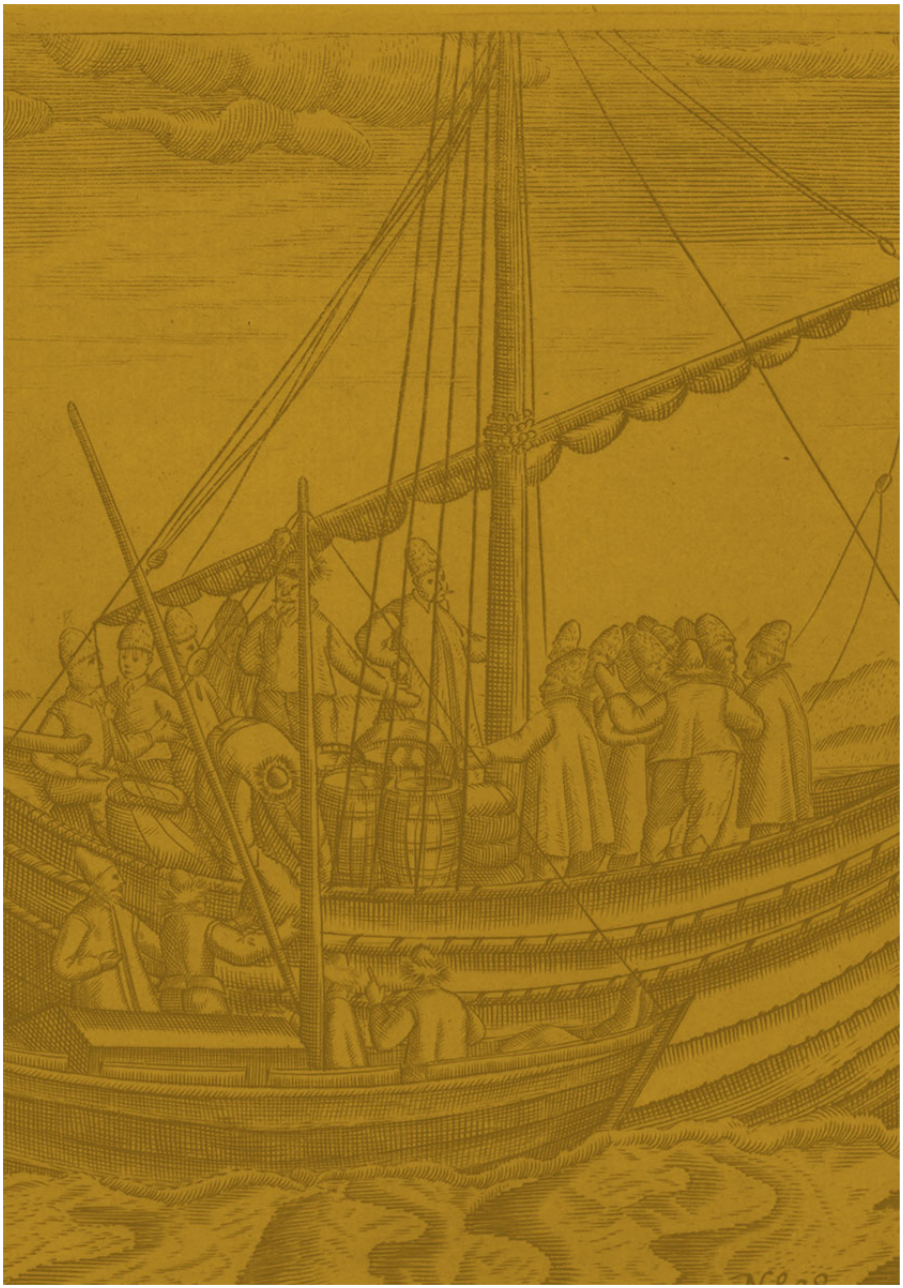
Историк Александр Эткинд написал книгу под названием «Природа зла. Сырье и государства». Если мы посмотрим на карту опричнины, то мы видим, что все опричные земли прилегают к Белому морю. Почему? Казалось бы, пахотные земли, плодородные, все были на юге, в земщине. Зачем?

Все объясняется экономикой. В 1565 году в устье Двины появляются англичане, Россия начинает торговать с англичанами. Англия строит огромный флот, им нужны пенька и древесина. Начинается торговля пенькой и древесиной. Все это поставляется от Вологды вниз по Двине, до Холмогор, а там перегружается в английские корабли. Английские корабли тяжелые, они к Холмогорам подходить не могут. Поэтому позже, в 1584 году, будет заложен Архангельск.

Зачем внутри Русского государства было нужно опричное «государство»? Все объясняется экономикой. На опричных землях производились товары на экспорт. Кроме того, эти территории образовывали торговый путь. Все оброчные земли располагались вокруг Двины. Люди там не сеяли пшеницу, вели натуральное хозяйство. Это было экспортное государство, охраняемое опричниками: по Двине гнали пеньку и лес, перегружали на английские корабли, получали за это бабки, а опричнина эту артерию, Двину, охраняла. И если мы посмотрим, именно Вологда служила начальным пунктом речного пути по Сухоне, Двине, Белому морю. Она же была стартовой площадкой для сухопутных путешествий в Сибирь. Отсюда оказывалось возможным контролировать Москву и Новгород. Я все думал, зачем третья столица была нужна в Вологде, а ведь все дело в экономике! Не думаю, что Грозный был настолько жаден, что решил построить для себя отдельно взятую экспортную экономику внутри России. Но я уверен, что были люди поумнее, поизворотливее, чем Иван Васильевич. «Надо вот эти земли в опричнину? Заберите эти, эти и эти!» И кто-то грел на этом руки…

Очень хорошо известна легенда о том, что Грозный пытался свататься к Елизавете I, английской королеве. Английские купцы во время правления Грозного получили все преференции и беспошлинную торговлю. Известен ряд писем Грозного к Елизавете. В одном из них он пишет: мол, купцы приезжают подтверждать новые грамоты, а ты не отвечаешь мне на главный вопрос. Есть, мол, какой-то существенный, главный вопрос, на

который твои послы мне не отвечают. И ходил слух о женитьбе. Так что Грозный, вероятно, рассчитывал выстроить Великую Россию от Владивостока до Дублина. Тогда еще не было Дублина, да и Владивостока не было. Но, например, женись он на Елизавете, где находились бы его столицы? В Москве и в Лондоне. Более того, Грозный искал убежища в Англии, так как подозревал, что опричнина не могла закончиться ничем хорошим, да и его отречение от царства было рисковым ходом. Народ, конечно, возбудился. Но представьте себе, что народ не возбудился бы, когда он отрекся. Вот дела, вот сейчас нового выберем! Поэтому Грозный, конечно, рисковал, и он также думал о том, куда, собственно, если что, бежать. Вот что пишет об этом историк Эткинд: «Политически этот проект, то есть опричнина, вызвал сопротивление всех, кого царь лишил выхода в большой мир, то есть через Белое море. Экономически он был не продуман, выгоден только Грозному. Он работал над реформой своего царства одновременно с переговорами о военном и брачном союзе с английской короной, и, отгораживая опричнину, он создавал себе сырьевую колонию, внутреннюю Индию, которая, продавая свои ресурсы Англии, субсидировала бы царя и опричников. И привилегированная зона стала бы примером того, как управлять страной…» Мы получили бы этакое государство в государстве, которое имело бы еще, что называется, валютную выручку…



Зачем было создано опричное «государство»? Все объясняется экономикой. На опричных землях производились товары на экспорт. Кроме того, эти территории образовывали торговый путь.

Защитники Грозного всегда говорят: на Руси установилось государство и наконец-то была побеждена боярская смута, ведь

всех бояр казнили, и наконец-то пришла самодержавная власть. Мол, опричнина положила конец боярскому самоуправству. Вроде бы с этим можно согласиться, и в то же время мы понимаем, что через пятнадцать лет после смерти Грозного, в 1598 году, началось Смутное время, начался распад страны. Поэтому какое государство оставил Грозный? Ну, тут уж извините, государство осталось в ужасном состоянии, экономика была в руинах. Очевидно, что, когда у тебя по стране разъезжают толпы опричников и вырезают всех кого хотят, люди бегут. Люди бегут в Речь Посполитую, люди бегут в Крым, люди бегут с Руси. По разным оценкам, около 80 % пахотных земель после смерти Грозного, после окончания опричнины, находились в запустении, страна была абсолютно разорена. Еще один итог опричнины – к концу правления Грозного против России объединился целый ряд государств, начиная от Речи Посполитой и заканчивая Швецией. Ливонская война была проиграна, Россия выхода к Балтийскому морю не получила.

Московский всадник на коне.
Гравюра А. де Брейна. 1577

Смута

Наша страна несколько раз в своей истории находилась на пороге катастрофы, когда само существование государства оказывалось под угрозой. Это, безусловно, август 1991 года, это дни Октябрьской революции 1917 года и Смутное время. В тот момент Россию бросили все, все разбежались, и только два бравых парня, гражданин Минин и князь Пожарский, возглавили народное ополчение, которое 1 ноября 1612 года вступило в Москву и взяло штурмом Китай-город. Польские интервенты в тот момент укрылись в Кремле, и через пять дней они капитулировали. Польское войско покинуло Москву, и Россия была спасена. Я помню, что в школе и в институте тема эта давалась мне довольно тяжело. Не потому, что она не интересна, а потому, что сложна. Очень много действующих лиц. Они меняются местами, переходят из лагеря в лагерь. И поэтому Смута, или Смутное время, – тема довольно сложная для изучения. Попытаемся сегодня ее как-то систематизировать.

Московскийзнатныйдворянин на коне.
Гравюра А. де Брейна. 1577

Начать следует с правления Ивана Василевича Грозного. Опричнина закончилась, Грозный умирает, и на троне сидит его сын, Федор Иванович. Правление Федора Ивановича, в общем, довольно короткое. Оно осложнено тем, что Грозный оставляет страну в ужасающем, в состоянии, когда она не оправилась еще от последствий Ливонской войны. Ужасны были экономические итоги опричнины. Большая часть страны просто лежала в руинах. Сожжены города, разворованы опричниками усадьбы. Происходит

сокращение пахотных земель, крестьянство бежит из страны, и, в общем, Россия пустеет. Вот в таких условиях правит Федор Иванович, человек богомольный, человек очень воцерковленный, православный, и, конечно, ему более подходило служение Церкви, чем служение государству Российскому. Всю власть в своих руках концентрирует Борис Годунов. Он очень талантливый управленец, менеджер, как сейчас бы сказали. И, в общем, с ним ищут встречи заморские послы, с ним ищут встречи представители аристократии для решения каких-то своих вопросов. Он – истинный правитель государства.

Смутное время – это период, когда все разбежались и бросили Россию…

И вот в 1598 году Федор Иванович умирает, и начинается Смутное время. Несколько совершенно невероятных факторов, как сказали бы сейчас, совпало в этот момент, трагический момент для России. Пожалуй, никогда еще со времен ордынского

нашествия наша страна просто не оказывалась на грани физического уничтожения. Впоследствии в ее истории будут распады. Это и революции 1917 года, и события 1991 года. Но Смутное время – это, наверное, самая трагичная для нас точка падения, когда само определение Российского государства могло исчезнуть. Династия московских Рюриковичей со смертью Федора Ивановича прекращается. У него нет наследников, а другой сын Ивана Грозного, Дмитрий, случайно погибает. За семь лет до этого, в 1591 году, в Угличе он как-то раз играл в точку, то есть в ножички. Случился приступ эпилепсии, и он возьми да и упади горлом на ножик. Невинный отрок впоследствии был канонизирован. Такова официальная версия, которая после смерти Годунова, будет озвучена Шуйским, да и сейчас, пожалуй, она единственная. Неофициальная версия: конечно, Дмитрия устранили, убили, по прямому приказу Бориса Годунова.

Борис Годунов.
Из книги: *Царский титулярник. XVII век*

> Первые годы правления Годунова были достаточно хороши: он был прозападным человеком, и Московия при нем была просто наводнена иностранными купцами, иностранными советниками…

В отсутствие наследников Федора Ивановича Годунов становится царем Московским. Надо сказать, что первые годы

правления Годунова были достаточно хороши, он был абсолютно прозападный человек, при нем Московия была просто наводнена иностранными купцами, иностранными советниками. Он хотел открыть Московский университет, а культурный обмен, экономические связи между Россией и Западом при Годунове достигли какого-то просто невероятно высокого уровня. Он посылал боярских детей учиться за границу, боярские дети – сюрприз-сюрприз! – в Московию потом в основном не возвращались. Не правда ли, довольно современная история? Учились они в ту пору в основном в Лондоне, в Голландии, в Германии, и обратно на Святую Русь почему-то возвращаться не хотели. Западная культура проникает на Святую Русь, и Годунов этому всячески потворствует.

Русские православные епископы.
Худож. Бернард Пикар. 1733

Русское православное крещение.
Мастерская Бернарда Пикара. 1732

На рубеже веков, в 1601 году, начинается невероятный голод. Ученые его связывают с извержением перуанского вулкана и значительными изменениями климата. Впервые за пятьсот лет на Руси ужасающе холодное лето, снег выпадает летом, уничтожает все посевы, голод продолжается три года: 1601, 1602 и 1603 годы. Голод настолько ужасающий, что свидетельствуют о случаях каннибализма, о том, как люди в буквальном смысле едят друг друга. Годунов пытается спасти ситуацию: во-первых, фиксирует цены на продажу хлеба, во-вторых, раздает хлеб из государственных закромов, из царских закромов, но это ситуацию не спасает. Более того, народ со всех окрестных земель стремится в Москву, потому что в столице хотя бы можно прокормиться, больше прокормиться негде. Иностранные бытописатели того времени сообщают, что Годунову следовало не царские закрома раздавать, а смотреть, как зерно гниет в закромах вельмож, которые, кстати, пытались его продавать – по баснословным ценам, вместо того, чтобы раздавать народу. Три года продолжается голод.

Московская пара.
Худож. Криспейн ван де Пасс.
XVII век

Далее, вследствие голода начинается восстание Хлопка, огромная крестьянская война. Она, в общем, продолжается на большой территории Московского княжества, но потом правительственные войска, в данном случае царские войска, бунт этот подавляют, самого Хлопка казнят. И вот в этот момент появляются слухи о том, что невинно убиенный Годуновым сын Грозного, Димитрий, не погиб в Угличе, а каким-то волшебным образом выжил. Появляются слухи о том, что он собирает войска, что он воцарится, он собирает верных ему людей, что он свергнет Годунова, что потомки собственно Рюриковичей опять сядут на московский престол. Безусловно, это слухи, ведь, как вы понимаете, ни газет, ни телевизора в то время нет, а русский человек, да и вообще любой средневековый человек – человек темный: он верит в песиглава, в Сифер, в людей с тремя ногами, и, собственно, в то, что отрок Димитрий в Угличе не погиб, а выжил, он тоже охотно верит.

Русские православные похороны.
Мастерская Бернарда Пикара. 1732

Как известно: для России начало XVII века – это еще и время возможностей, большинство торговых ограничений, введенных Иваном Грозным, оказались снятыми, и за московский рынок, за рынок Московского княжества, начинается борьба. Борются между

собой в основном голландцы и англичане. Голландский купец и дипломат Исаак Масса пишет примерно следующее: «Дайте нам, голландцам, дожить до того, чтобы явиться в наших черных бархатных длинных кафтанах с золотыми цепями, и, насколько я знаю русских, мы произведем лучшее впечатление и привлечем их к себе. Англичане же нарядны были словно комедианты, они всячески старались приобрести особое уважение двора Московского, действительно умели поддержать честь его, во всем подделываться под русских, они получили бы уже значительный успех, если бы не встретили с нашей стороны противодействия».

Русские женщины XVII столетия в церкви.
Худож. Андрей Рябушкин. 1899

Годунову ужасающим образом не везет: голод; тяжелая экономическая ситуация; крестьянские восстания; дичайшее расслоение российского общества (разница между боярами и крестьянами катастрофична, крестьяне влачат просто чудовищно нищее существование, боярство купается в роскоши); непростая внешнеполитическая ситуация. Россия, в общем, находится в кольце врагов: Польша, Швеция, Литва, крымские татары. Попеременно все пытаются откусить кусок от Московского княжества. Чувствуют слабость власти, чувствуют слабость государства и, конечно, пытаются что-то урвать, что-то утащить. И последний момент – это боярские амбиции. Бояре считают себя равными Годунову, и проблема состояла в том, что действительно

равны были Годунову. Он же не Рюрикович, а обычный знатный боярин, но ведь и они тоже знатные бояре. Они пытаются плести против него заговор, и Годунов ведет себя как Иван Васильевич Грозный – становится дико подозрительным, рвет людям языки, щеки и глаза. В таком количестве, как при Грозном, конечно, не рвет, ведь нет опричнины, нет этого огромного количества тюрем и застенков, где пытали без суда и следствия, но тем не менее… Годунов награждает холопов, которые «стучат» на своих бояр или докладывают об их преступных замыслах. Например, таким влиятельным боярам, как Шуйскому и Мстиславскому, Годунов запрещает жениться, чтобы у них не появились наследники мужского пола, чтоб они впоследствии не могли перехватить трон, потому что наследовать должен сын Годунова. Романовы, влиятельный клан, который через несколько лет даст начало династии Романовых, вообще отлучены от Годунова: одни заточены в монастыри, другие высланы, третьи брошены в яму. То есть Романовы при Годунове подвергнуты жесточайшей опале, но Годунов тем не менее дико подозрителен и никому не верит. Он находится в очень сложной ситуации – он непопулярен, он чувствует, что зреет бунт, в ужасном экономическом положении находится страна, враги внутри, враги снаружи… Одна из версий смерти Годунова – он принял яд от отчаяния.

Лжедмитрий I.
Гравюра Лукаса Килиана.
1606

> Лжедмитрий гарантировал боярам какие-то привилегии, и русская элита в очередной раз предала народ. И будет предавать еще много раз на протяжении российской истории…

В 1604 году появляется слух о первом Лжедмитрии, затем Лжедмитрии действительно появляются, причем совершенно разные. Есть легенды, откуда взялся первый. Объявился он впервые в Литве.

Прием польских послов у Лжедмитрия I в Грановитой палате 3 мая 1606 года.

Хромолитография, копия с оригинала 1606 года. Вторая половина XIX века

Выдал себя за волшебным образом воскресшего сына Ивана Грозного и прямиком пошел к польскому королю Сигизмунду III. Надо отдать должное, Лжедмитрий был парень умный, он пришел к полякам и сказал: посмотрите, я сейчас выдаюсь за отрока Дмитрия, вы даете мне войска и свергаете Годунова. Я же вам отдаю какие-то земли, например Смоленск, Псков, что-то еще; в общем, мы всегда договоримся. Сигизмунд, как опытный политик, поддерживает его, выдает ему казаков, польских авантюристов, польских наемников. Ко всему прочему, Лжедмитрий принимает католичество. По другим данным, он не принял католичество, остался православным, тем не менее женился на Марине Мнишек, дочери польского воеводы, некоего очень влиятельного магната. В общем, он с поляками породнился и двинулся собственно на Москву. Лжедмитрия поддерживает очень много простого люда – крестьяне, казаки, беглые солдаты примыкают к войску Лжедмитрия. Он движется на Москву, и в 1605 году внезапно умирает Годунов. Весь 1604 год он болеет, но смерть его действительно была довольно неожиданной.

В день смерти, согласно свидетельствам, он очень много ест, шутит. Он необычайно весел, он поднимается в терем, где оборудована смотровая площадка с видом на Москву, проводит там какое-то время, потом спускается, резко требует к себе

священнослужителей, пастырей, принимает постриг, надевает клобук и через несколько часов умирает. Отсюда версия, что от депрессии и безысходности он принял яд потому, что Дмитрий уже находился под Москвой. Ситуация тяжелейшая, и, не находя выхода, он решает отравиться. Лжедмитрий вступает в Москву и объявляет себя московским царем. Я, впрочем, допускаю, что Годунов мог пойти на самоубийство, если действительно по его приказу убили царевича Дмитрия. Понятна причина отчаяния Годунова: он-то точно знает, что настоящий Дмитрий убит по его приказу, что Лжедмитрий действительно самозванец, но он видит, какая у того поддержка среди народа, среди бояр, и понимает, что ему не удержаться. В этом прочтении, наверное, можно допустить его самоубийство.

В Москве – восстание против Годунова, его жену и его сына убивают, его дочь Ксению «милуют», и Лжедмитрий делает ее своей наложницей, а через пять месяцев – отпускает в монастырь. Лжедмитрий I тайно венчается с Мариной Мнишек в Москве. Тайно потому, что она католичка. Поляки расселяются на территории Москвы, начинают, в общем, чинить самоуправство, отбирать имущество, обращаться с людьми как со скотом. Что ж бояре-то русские? – спросите вы. Увы, бояре очень легко признали Лжедмитрия I царем. Какая им разница: прежде они Годунова признали. Лжедмитрий гарантировал им какие-то привилегии, охранные грамоты, и русская элита в очередной раз предала народ. И будет предавать еще много раз на протяжении российской истории, но нынешняя ситуация с поляками это просто потрясающая лакмусовая бумажка… Будто состояние государства Российского не грозит распадом, будто ничего страшного: мол, ну что Лжедмитрий, будут еще Лжедмитрии, ничего, а впоследствии мы и польскому королю присягнем… Но давайте обо всем по порядку.

Гравированый портрет Марины Мнишек.
Новое Время

Все-таки Лжедмитрий пытается проводить самостоятельную политику, пытается каким-то образом ограничить бояр, и бояре поднимают бунт против Лжедмитрия, его убивают. Уже в следующем, 1606 году бояре выбирают царем Василия Шуйского. Это влиятельный боярин, бывший в опале при Годунове. Что он делает первым делом? Он принимает так называемую крестоцеловальную грамоту. По сути, это, конечно, конституция, но это такие конституционные документы, которые ограничивают его власть как самодержца и гарантируют боярские привилегии. Одномоментно с избранием Шуйского начинаются боярские

распри. Бояр можно понять, их позиция: мол, слушайте, мы такие же, как он, но почему-то он правит, а мы не правим. Боярские кланы начинают сопротивляться, они начинают готовить против него заговор, бунт, в общем, совершенно ему нелояльны. При Василии Шуйском происходит еще одна важная история: канонизируют невинно убиенного царевича Дмитрия. Все должны знать, что царевич Дмитрий, сын Грозного, был убит в Угличе по приказу Бориса Годунова. Но вы спросите: что это за восстановление исторической справедливости, что, Шуйский – такой хороший справедливый человек? Конечно же, нет. Этой канонизацией Шуйский всем показывает: только что убили Лжедмитрия I, какого-то непонятного самозванца, какого-то вора, который хотел у нас оттяпать престол, а настоящий царевич Дмитрий был убит, и мы будем его почитать.

При Василии Шуйском канонизируют невинно убиенного царевича Дмитрия: все должны знать, что царевич был убит по приказу Бориса Годунова!

В 1606 году начинается еще одно очень крупное крестьянское восстание, восстание под предводительством Ивана Болотникова. Автор этой книги не знает, что сейчас творится в учебниках по

истории государства Российского. В моем детстве там было написано, что имела место народная война Ивана Болотникова против бояр – читай: против дворян – и это была первая народно-освободительная война за восстановление справедливости. Но на самом деле, конечно, все было не так. У Ивана Болотникова довольно витиеватая биография. Он был военным, попал в плен к туркам, его продали в рабство на галеры, затем он оказался в Венеции, вернулся каким-то образом на территорию Московского княжества, примкнул к Лжедмитрию I, служил воротником и, по некоторым слухам, даже воеводой. И теперь он поднимает восстание и фактически объявляет себя крестьянским царем. К нему еще подтягивается «царевич» Петр Федорович. И этих «сыновей Грозного» насчитывалось в тот момент довольно много, и крестьянская война шла в тот год очень успешно. Многие города поддерживают Болотникова, у него в войсках беглые крестьяне, солдаты, какая-то часть польских интервентов, которые остались от Лжедмитрия, и эти войска, в которых все смешалось, движутся на Москву.

Надпись на портрете: «Действительный портрет Великого Князя Московии, убитого своими же подданными 18 мая 1606 года». Под портретом: «Дмитрий, Великий Князь Московский». Лжедмитрий изображен в шубе, накинутой на парчовый кафтан с большим сложным меховым воротником. На голове меховая шапка с заломом, украшенная спереди бриллиантовым пером. В левой руке скипетр, правой он взялся за рукоятку меча. Борода обрита, усы длинные, завитые с концов кверху.

Гравюра. 1606

В 1606 году войска Болотникова терпят поражение, силы Шуйского их разбивают в пух и прах, бунтовщики отступают в Тулу и в Коломну, держатся там еще год, и в следующем, 1607, году, Болотникова убивают, и восстание терпит поражение. Войска Шуйского одерживают победу, Шуйский удерживается на

троне. Очевидно, эта крестьянская война могла бы закончиться свержением Шуйского. А бояре на протяжении всего Смутного времени будут демонстрировать только, какие они гады и бесчестные подлецы, готовые вступать в альянсы с кем угодно…

Василий Шуйский.
Из книги: *Царский титулярник. XVII век*

В 1608 году наступает самая черная полоса в нашей с вами истории. Потом каким-то невероятным чудом – и я даже склонен допустить, что Божьим промыслом – страна наша вытащит себя за

волосы из пропасти, в которую она погрузилась благодаря нескольким царям-самозванцам, предательству бояр и какому-то чудовищному стечению всех этих обстоятельств… Только что закончилось восстание Болотникова, кровопролитная крестьянская война. Крымские татары поднимают голову, стоят практически под Москвой; поляки осаждают Тверь, а это двести километров от Москвы; ногайская орда тоже пытается устроить пожар на юге России, занимаясь разграблением русских городов… Все хищники, почуяв слабину, моментально набрасываются на нас и пытаются отожрать, кто сколько может. Никакой русофобии, как сейчас бы сказали, обычная средневековая война: чуть ослаб твой сосед, надо моментально угнать его население в рабство, разгромить его города, присвоить его земли…

Татарский всадник.
Гравюра А. де Брейна.
1577

Каким-то невероятным чудом страна вытащила себя за волосы из пропасти, в которую она погрузилась благодаря нескольким царям-самозванцам,

предательству бояр и каким-то чудовищному стечению всех этих обстоятельств…

В 1607 году появляется еще один Лжедмитрий – Лжедмитрий II, и – в это сложно поверить – его поддержало огромное количество городов. Пятнадцать больших городов переходят под его контроль, он успешно движется на Москву. А царь Василий Шуйский с верными ему войсками контролирует все меньше и меньше территории государства Российского, которое через некоторое время просто сжимается до размеров Москвы. В 1609 году Шуйский понимает, что можно и не выжить… У нас не хватает солдат, у нас не хватает войск, нам нужна помощь, мы нуждаемся в союзниках. В тот момент идет польско-шведская война, и, поскольку поляки уже наши враги, мы обращаемся к шведам. В 1609 году Шуйский подписывает со шведской стороной Выборгский договор, мы становимся союзниками, и шведы присылают нам десять тысяч солдат, которые начинают воевать на стороне Шуйского. У Шуйского есть очень талантливый полководец, его близкий родич, Скопин-Шуйский. Ему 23 года, и это блестящий молодой человек, в которого влюблена вся Москва. Он невероятно хорош собой, он очень талантливый военачальник. Он несколько раз наносит поражение превосходящим силам Лжедмитрия II, он вместе со шведами бьет поляков. Король Сигизмунд III на том основании, что мы подписали соглашение со шведами, объявляет нам войну. Это официальное объявление, но мы с вами помним, что Польша уже некоторое время и так ведет с нами войну. Объявление войны дает им возможность легитимно вводить все больше и больше войск на территорию Московского княжества. Мы с переменным успехом пытаемся защищаться, пытаемся обороняться, пытаемся воевать, и мы воюем на несколько фронтов. Я не буду сейчас опять возвращаться к крымским татарам и Ногайской орде. Мы воюем главным образом с войсками Лжедмитрия II, поддержанного Польшей, и мы воюем с Речью Посполитой, с ее официальными войсками. У нас единственный союзник, шведы, и мы, с переменным успехом, пытаемся каким-то образом отбиваться. Скопин-Шуйский на одном из пиров у царя Василия Шуйского выпивает вина и умирает. Бояре немедленно распространяют слух по Москве, что этого популярного молодого военачальника, конечно же, отравили по приказу царя Василия Шуйского. Это еще не сигнал к восстанию, но это последняя капля: бояре окончательно показывают, что они нелегитимны Шуйскому, что он слабый царь, который не может удержать страну в своих руках, в то время как целых два вражеских войска двигаются на приступ Москвы.

Происходит Крушинская битва, и я бы назвал ее Крушинской катастрофой: русские и шведские войска совместно бьются с поляками. У нас есть какая-то часть немецких наемников, и вот немецкая пехота в разгар битвы переходит на сторону поляков, что и решает исход битвы. Мы катастрофически проигрываем это сражение, путь на Москву с запада открыт, поляки с запада идут на Москву, с юга на Москву идет Лжедмитрий II. Ситуация в Москве: в Хорошеве стоят поляки, а в Коломенском стоит лагерем Лжедмитрий II. Собственно, власть Василия Шуйского лежит в пределах Бульварного кольца. В Москве вспыхивает переворот, Шуйского хватают, поляки вступают в Москву, Шуйского с родственниками выдают полякам и отправляют в Польшу, где он впоследствии умрет в заточении под Варшавой.

Русскиивсадник.
Гравюра А. де Брейна. 1577

Московский всадник.
Гравюра А. де Брейна. 1577

А что же Лжедмитрий II? – спросите вы. Отвечу: два года, в 1608–1610 гг., Лжедмитрий II стоит лагерем под Москвой, в Тушино, где сейчас стадион московского «Спартака». Именно поэтому Лжедмитрий II получит прозвище «Тушинский вор». Он стоит там два года, но взять Москву не может. Он венчается с Мариной Мнишек… как и его предшественник. В самом деле, он же не говорил: здравствуйте, я Дмитрий II. Он просто говорил: я царевич Дмитрий. Но подождите, ведь царевича Дмитрия недавно убили в Москве! Да нет же, это я настоящий Дмитрий, поэтому давайте я опять буду венчаться с Мнишек, потому что

она все-таки моя законная жена… Он подписывает союзный договор с поляками, они его всячески поддерживают, но никоим образом он Москву взять не может, более того, его от Москвы оттесняют, а Москву поляки берут в 1610 году. Дмитрий погибает совершенно не так, как он должен был погибнуть: он ругается со своими охранниками-татарами, и они убивают его во время охоты. В общем, Лжедмитрий II погибает. Забегая вперед, заметим, что это не последний Лжедмитрий на Святой Руси.

Лжедмитрий II (Тушинский вор).
XIX век

Итак, 1610 год, наверное, пиковая точка на пути России в пропасть. Страна под властью банд интервентов, польские войска в городе. Что делают русские бояре? Они собираются и говорят, что надо бы избрать царя. Ах, как здесь проявляются боярские «ум и смекалка»!

Два польских знаменосца.
Гравюра А. де Брейна. 1577

1610 год. Страна под властью банд интервентов, в столице – польские войска. Что делают русские бояре? Они выбирают своим царем Владислава, сына польского

короля Сигизмунда III…

Эти твари, по-другому их назвать нельзя, размышляют так: Годунова тогда мы из своей среды исторгли и сделали царем, затем сделали царем Шуйского, но нам все время мешают какие-то заговоры, потому что принцип «первый среди равных» не работает на Святой Руси. Поэтому давайте выберем русским царем Владислава, сына Сигизмунда… И эти люди выбрали своим царем сына Сигизмунда III. Произошло это 17 августа 1610 года, и после этого возникает семибоярщина. Тогда, конечно, это еще не называлось семибоярщиной, но все же это было правлением бояр, которые назначали царей, свергали царей, а в итоге просто легли под интервентов.

Польский всадник.
Гравюра А. де Брейна. 1577

Итак, 17 августа 1610 года русским царем становится сын польского короля Сигизмунда III, которого звали Владислав. Бояре легко ему присягнули, и возникла так называемая семибоярщина. Кто входил в ее состав? Это Голицын, это Трубецкой, это могущественный клан Романовых, это князь Мстиславский и группа вокруг Патриарха Московского Гермогена.

На клане Романовых и патриархе Гермогене мы остановимся подробнее. Патриарх Филарет, Федор Романов, был воеводой еще во время Ивана Грозного, и впоследствии, при Годунове, когда Годунов впал в безумие и начал расправляться с Романовыми, Федор был насильно пострижен в монахи. Таким образом, он стал Филаретом. Освободили его войска Лжедмитрия I. И при Лжедмитрии I, и при Лжедмитрии II он оставался священнослужителем. В общем, отсюда его прозвище – Тушинский патриарх: он служил и при тушинском дворе Лжедмитрия II, и при дворе Василия Шуйского.

Вторая фигура, на которой хочется остановиться, это Патриарх Московский и Всея Руси Гермоген. Он был единственным противником бунта против Шуйского, и впоследствии, после свержения Шуйского, он был противником воцарения сына Сигизмунда на русском престоле. Под давлением бояр он обратился к полякам, мол, он согласен на то, чтобы Владислав занял русский престол, но на двух условиях: немедленный вывод всех интервентов из Москвы и с территории Руси и принятие Владиславом православия. После того как Владислав не вывел войска и не принял православия, Гермоген начал призывать к восстанию. Этот человек сыграет важнейшую роль и в первом, и во втором ополчении.

В ту пору создается так называемая семибоярщина – орган боярского управления при Владиславе. В нее входили представители кланов, которые сыграют огромную роль в истории России и в восемнадцатом, и в девятнадцатом веке…

Что в этот момент делает Филарет? Федор Романов, будущий

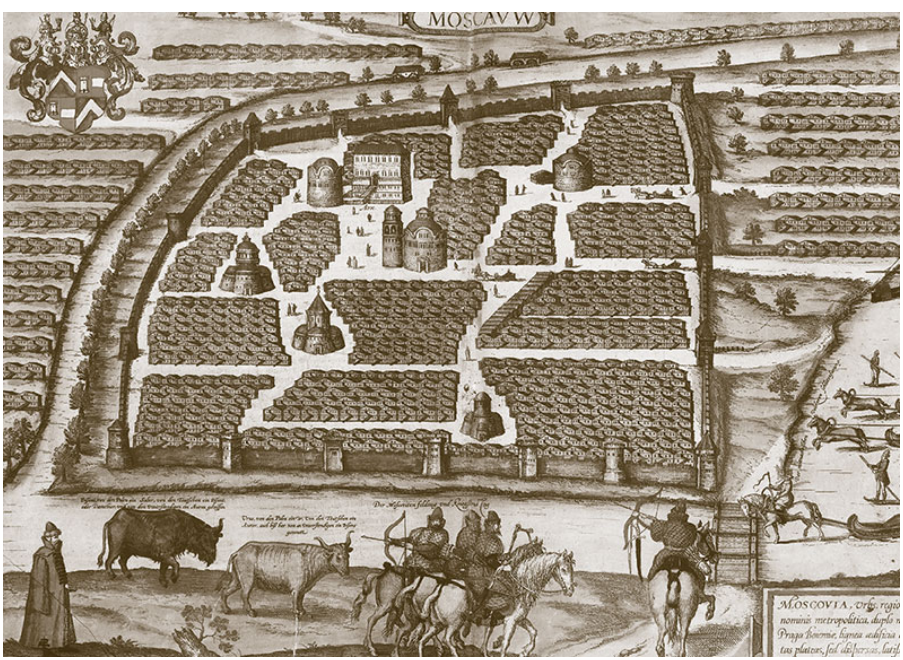
отец первого русского царя из рода Романовых, тоже выступает с призывом к Владиславу принять православие и вывести войска. Многие в тот момент считают его коллаборационистом за то, что он сотрудничает с поляками, и, в общем, имидж его так себе, в отличие от имиджа патриарха Гермогена. «Отмоется» отец будущего русского царя, только когда поляки бросят его в темницу после того, как он скажет: «Раз вы не принимаете православия, Владислав, вы не русский царь». Его бросят в темницу, и на этом основании он свой имидж кое-как подправит. Как же так, мол, вы меня называете коллаборационистом, а я при поляках сидел. Вот и Гермоген сидел, его сгноили в 1612 году, и автор этих строк тоже сидел, но ему просто повезло выжить. В общем, бояре легко признают Владислава своим царем и начинают при нем управлять.

Итак, создается так называемая семибоярщина – орган боярского управления при Владиславе. В нее входили представители кланов, которые сыграют огромную роль в истории России и в дальнейшем… Кто же это такие, эта пресловутая семибоярщина? Это князья Мстиславский, Воротынский, Трубецкой, Голицын, Лыков, Оболенский, кланы бояр Романовых и бояр Шереметевых. Не правда ли, все эти фамилии мы уже слышали? Вы их услышите и в семнадцатом веке, и в восемнадцатом, и в девятнадцатом. Отпрыски этих фамилий будут выходить на Сенатскую площадь, они же будут играть первые скрипки при всех Романовых, эти кланы фактически будут управлять страной следующие триста лет. Конечно, в стране будут царствовать Романовы, но именно эти ребята, вернее, их отпрыски всегда останутся при власти. И эта семибоярщина сейчас соглашается на польского царя.

Упомянутый патриарх Гермоген, о котором я уже сказал, многое сделал для того, чтобы страна наша не распалась. Из моих юмористических передач вы знаете, что я достаточно часто троллю представителей РПЦ. Но давайте отделять все-таки зерна от плевел и говорить о том, что в истории России были действительно выдающиеся священнослужители, которые порой играли роли более важные, чем сами русские государи. Патриарх Московский Гермоген – именно такой человек. Поляки бросают его в темницу, а он рассылает грамоты во все российские города и призывает народ русский восстать и скинуть к чертовой матери поляков…

Первое ополчение начинается 27 марта 1611 года. Полякам кажется, что собравшиеся на Рыночной площади Китай-города жители Москвы начинают бунтовать, и польские войска устраивают натуральную резню. Семь тысяч человек были убиты в

один день поляками в пределах Китайгородской стены. Липунов и Тарусский, эти два лидера первого ополчения, поднимают восстание, собирают московский и окрестный люд и начинают воевать с интервентами. Что происходит вокруг? Татары разоряют Рязанскую область, поляки после многолетней осады берут Смоленск. Шведы, которым больше не платят, свергают Шуйского. Договор у нас вроде как существует, но мы по этому договору должны кормить и поить шведское войско. Никто ничего не платит, шведы занимают Новгород. Россию продолжают растаскивать по частям, и здесь появляется Лжедмитрий III. Первое ополчение собирается в Рязани и движется на Москву. Поход на Москву заканчивается неудачей. Пожарский, этот будущий герой второго ополчения, ранен; Липунова, голову ополчения, убивают казаки. Причем убивают на казачьем кругу во время распри, и злые языки говорят, что во время дележа какого-то отнятого у поляков добра либо во хмелю. В общем, факт остается фактом, Липунова убивают, и в отсутствие компромиссов ополчение распадается. Патриарх Гермоген сидит в польской тюрьме, в Москве, но и из темницы он продолжает через верных ему людей рассылать грамоты и подвигать русский народ на второе ополчение. Лжедмитрий III не такой талантливый полководец и политик, но на севере России он что-то пытается делать. Но, в общем, даже разрозненные польские отряды он победить не может.

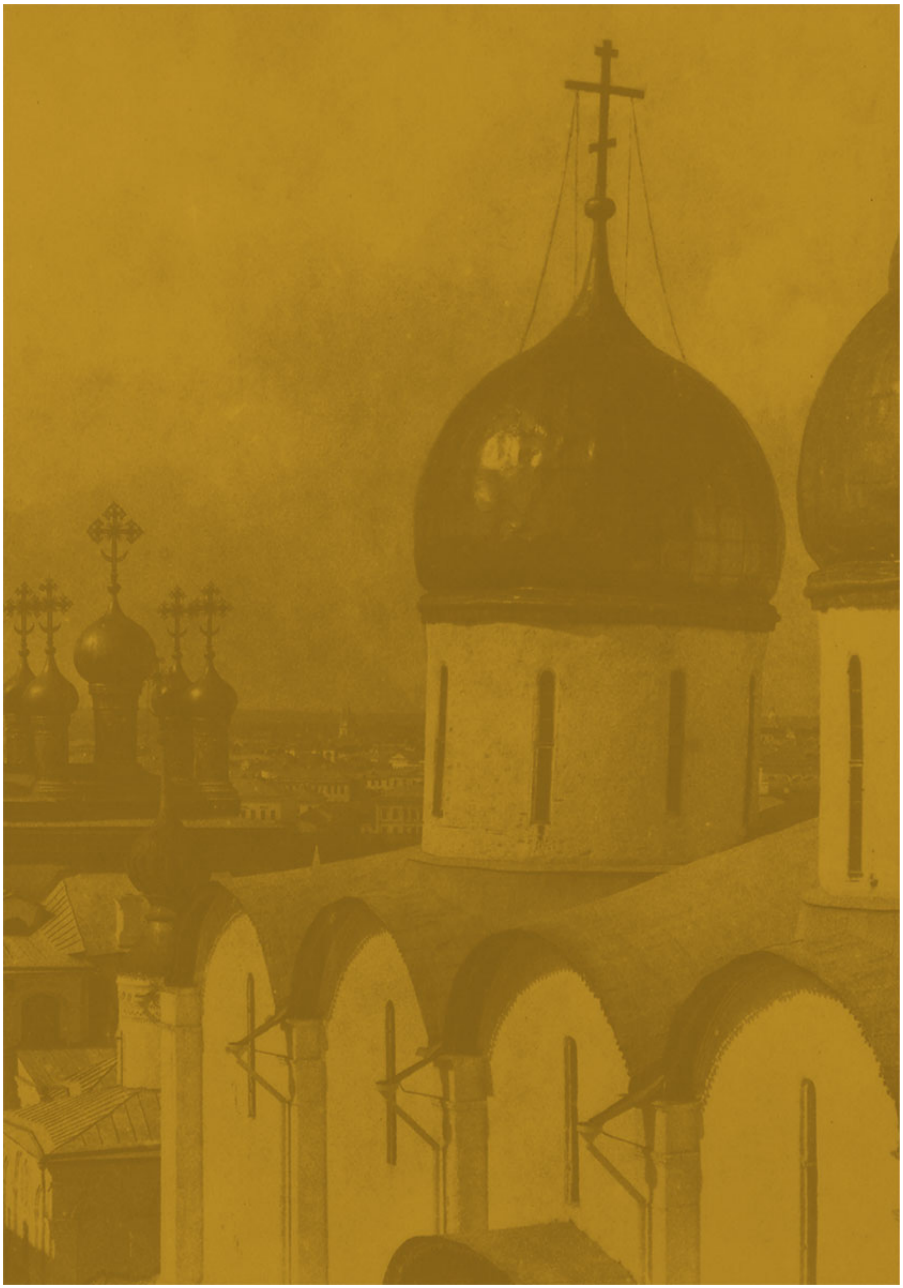


Гравированный план из книги Сигизмунда Герберштейна

«Записки о московитских делах».

1556

В 1611 году в Нижнем Новгороде возникает второе ополчение. Я не стал опрашивать людей в Москве и других городах, что они думают о «днях народного единства», что для них значат Пожарский и Минин и почему им на Красной площади воздвигли памятник. Ответ на этот вопрос я знаю: 60 % будут улыбаться, 20 % будут глупо хихикать, 10 % будут говорить какую-нибудь ересь. Лишь 10 % знают, что за день такой «народного единства», почему, откуда пошел. И многие не знают Минина и Пожарского, хотя это национальные герои России.

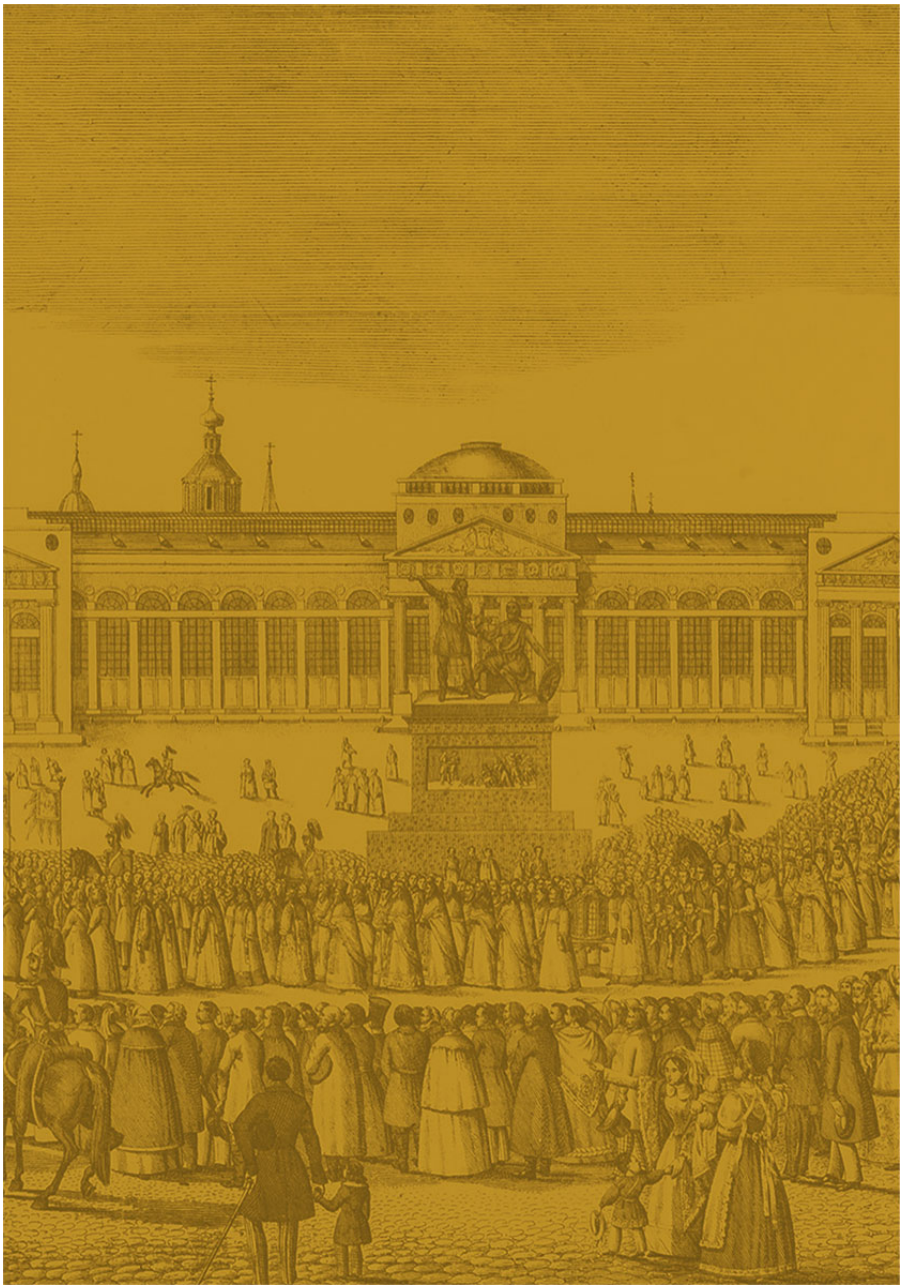


Патриарх Московский Гермоген – выдающийся священнослужитель. Поляки бросают его в темницу, а он рассылает грамоты и призывает народ русский восстать и скинуть к чертовой матери поляков…

Карта России голландского картографа Гесселя Герритса 1613 года.

Копия

Косьма Минин и князь Пожарский – два человека, которые собирали народное ополчение в Нижнем Новгороде. Пожарский – талантливый воевода и князь, а Минин – талантливый менеджер, который собирал деньги. Да-да, вот какова история о том, что русский народ восстал, взяли кто дубину, кто кол, кто меч и пошли поляков и шведов выгонять с территории Святой Руси… Однако без денег никто не воевал. Русский человек на тот момент уже десяток лет жил в состоянии смуты – цари менялись, в стране интервенция и авантюристы всех мастей, доверия государству – никакого, князь и правитель – тот, у кого больше наемников, страна лежит в руинах, экономическое положение ужасающее, голод, холод… и, собственно, теперь надо идти и вот это все защищать… Но кого защищать, неужели этих бояр? Недавно у них был царем Шуйский, до этого Годунов, сейчас вообще польский царь. Кого мы идем защищать и от кого? Так что бессребреников было мало, людям надо было платить. Косьма Минин и князь Пожарский – два человека, которые собирали народное ополчение в Нижнем Новгороде. Бессребреников было мало, людям надо было платить.



Пожарский и Минин…

Первый – талантливый воевода и князь, второй – талантливый менеджер, который собирал деньги. Бессребреников было мало, людям надо было платить.

В общем, из Нижнего Новгорода ополчение под руководством Пожарского и Минина передвигается в Ярославль. В Ярославле

собирается Совет Всея Земли, где выступает патриарх Гермоген. Он напоминает, что даже в самые тяжелые времена на нашей территории оставались светлые головы и добрые люди. И эти добрые люди находятся снова, они шлют деньги, они шлют войска, кто-то идет сам, кто-то собирается в поход – в общем, в Ярославле собирается очень сильное воинство, где князь Пожарский осуществляет военное руководство, а Косьма Минин осуществляет административно-хозяйственную, как сказали бы сегодня, деятельность. Ополчение выдвигается из Ярославля в Москву, и уже 1 сентября отряды ополчения разносят в пух и прах польские войска под руководством гетмана Ходкевича. Путь на Москву открыт, дальше начинается довольно долгая осада Москвы, и польский гарнизон находится в тяжелейшем положении. В Москве начинается голод. По свидетельствам очевидцев, поляки до такой степени доведены голодом, что начинается каннибализм: сначала едят русских людей, когда русских людей не остается, начинают есть друг друга. Я не знаю, преувеличение это или нет, но осталось довольно много свидетельств о том, что среди польского гарнизона имели место случаи каннибализма.

Первого ноября ополчение берет Китай-город, через несколько дней все заканчивается, польский гарнизон капитулирует, наши победили, мы отстояли свою государственность. И здесь хотелось бы остановиться вот на чем: у нас довольно непростая история отношений с Польшей, они и сейчас не самые лучшие, насколько вам известно, но корни наших непростых отношений лежат, конечно, там, в Смутном времени. По свидетельствам очевидцев, русские поляков просто ненавидели, и было за что: несколько лет поляки здесь грабили, убивали, насиловали и, в общем, делали что хотели; они были основной поддержкой Лжедмитрия, их войска стояли на русской земле и брали русские города. Ненависть была ужасающей, и я смею предположить, что эта ненависть затем жила в веках. Если мы вспомним Суворова, да и вообще подавление русской армией польских восстаний, станет ясно, что наши действовали тоже с особой, отчаянной жестокостью. Поэтому, в общем, корни всех наших проблемных отношений с Польшей, конечно, лежат в далеком прошлом и не начинаются со страшной трагедии самолета президента Кочиньского, что разбился под Смоленском. История отношений у нас, мягко говоря, непростая.

И теперь кажется, что мы победили, мы начинаем постепенно освобождать свою землю от интервентов, но нет самого главного: нет в России царя. Народом никто не управляет, и это основная проблема. Непонятно, кто и каким образом будет наследовать

престол. Рюриковичей больше нет, их прямых потомков больше не осталось. И в январе 1613 года собирается земский собор. Земский собор, в котором представлены все сословия, от крестьян до бояр. Цель этого собора – выбрать следующего русского царя. Первый вопрос, который я себе задаю, который и вы, наверное, мне бы задали: а чего выбирать? Да вот же, Пожарский, он только что войну выиграл, князь, достойный благородный муж, из хорошей фамилии. Только что победил поляков, пользуется любовью в войсках и в народе, наверняка отличный будет царь. И я тоже, честно говоря, так и посчитал бы, но в сложные моменты истории зачастую случается так, что выбирают не самого лучшего, не самого достойного, а самого компромиссного. В данном случае должны были выбрать фигуру, которая устраивала все боярские кланы. Пожарский такой фигурой, конечно же, не был. Он, безусловно, являлся одним из претендентов на престол, но он очень многих не устраивал. Во-первых, у него начались бы моментально противоречия с московской элитой, особенно с той ее частью, которая поддерживала Лжедмитрия II, Тушинского вора. Кстати, отец будущего царя, Михаила Романова, патриарх Филарет, вообще был Тушинским патриархом.

Московская империя.
Копия карты 1600 года

Второй претендент – это сын Марии Мнишек и Лжедмитрия II, Иван, по кличке Воренок. Да, воренок, потому что отец его был Тушинский вор, что стоял лагерем в Тушино. Рассматривались иноземцы: а давайте пригласим шведского царя? Ну, а что, польский был же у нас? Правда, поляки – враги, а шведы вроде бы как наши союзники выступали, так и давайте пригласим шведа?

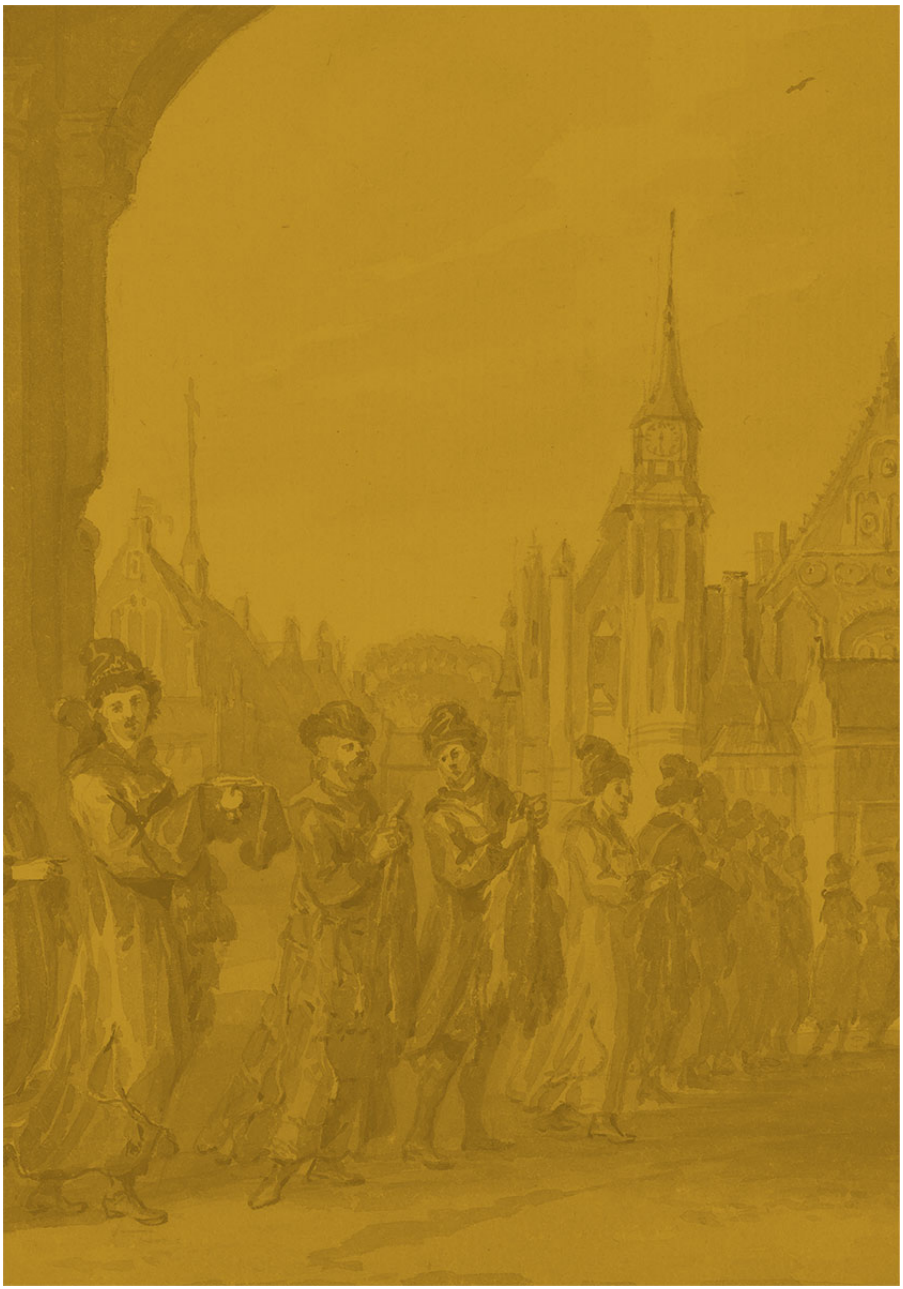
Итоги Смутного времени печальны: Россия выходит с ужасающими территориальными потерями. Таких потерь мы больше никогда, слава богу, не увидим.

Но в конечном счете возникла фигура Михаила Федоровича Романова, сына патриарха Филарета, и эта фигура всех устроила. Тихий, не имеющий врагов, неопытный в политике, очень компромиссный… Он не будет никому мстить, отец его – тушинский воевода, патриарх, и с ополчением у него тоже нет никаких противоречий. То есть он всех устраивает, его поддерживают все кланы, и его выбирают на царство.

Москва. Купола церквей в Кремле.
Фото Роджера Фентона. XIX век

Здесь есть важный момент. Очень часто стороны, которые собираются, чтобы выдвинуть кого-то на престол или выбрать главу какой-то организации, рассуждают так: «Давайте возьмем какого-то малозаметного человека, который будет нашей марионеткой; мы будем управлять за его спиной государством, компанией, да чем угодно, и т. д.». Но чаще всего этот сценарий в силу разных причин срывается. И я думаю, что главная причина во власти. Как только человек получает всю полноту власти, он моментально забывает, кому он должен, какие договоренности были прежде достигнуты, и начинает действовать

самостоятельно. Так же получилось с Михаилом Федоровичем – он не был самым жестким русским царем, но он был царем вполне самостоятельным. На Земском соборе 17 февраля 1613 года его избирают русским правителем. Таким образом, он становится первым царем в династии Романовых, которые будут править нашей страной триста с лишним лет и закончат свое правление лишь в 1917 году. Но это уже совсем другая история.



Вот и закончилось Смутное время. Россия не только выжила и продолжила существовать как государство, но и начала «прирастать Сибирью».

Итоги Смутного времени печальны: Россия выходит с ужасающими территориальными потерями. Таких потерь мы больше никогда, слава богу, не увидим. Действительно, вот что получилось: шведам отошел Великий Новгород, они уйдут оттуда лишь в 1617 году, когда там останется несколько сотен жителей. Великий Новгород, который сжег Грозный, Новгород, который только-только вроде бы воспрянул при Годунове, опять разорен и больше никогда не поднимется. Шведы получили контроль над всем Финским заливом, над всей территорией, которую они назвали Ингерманландией, и мы там вновь укрепимся только лишь при Петре I, с началом строительства Санкт-Петербурга. По Деуленскому перемирию 1618 года смоленские и черниговские земли мы потеряли, польский король сохранил свои претензии на русский престол, с крымскими татарами вопрос оставался нерешенным, и они продолжали свои нападения, Ногайская орда продолжала свои набеги. Россия потеряла очень много людей, очень много территорий. Экономическое положение было ужасающим. Но, и это самое главное, Россия сохранила свою государственность, мы остались единой страной, и обрели народное единство, которое ввели скорее вопреки конъюнктуре, чем благодаря ей. Конечно, единство определялось суммой всех векторов, так же как до того наша разобщенность определялась суммой всех отрицательных векторов: слабости государственной власти, ошибок в управлении, голода, плохой экономической политики и предательства элит, поставивших страну на грань катастрофы…

Вот и закончилось Смутное время. Россия не только выжила и продолжила существовать как государство европейского масштаба, но и начала экспансию на восток, или, как впоследствии скажет Д.И. Менделеев, начала «прирастать Сибирью».

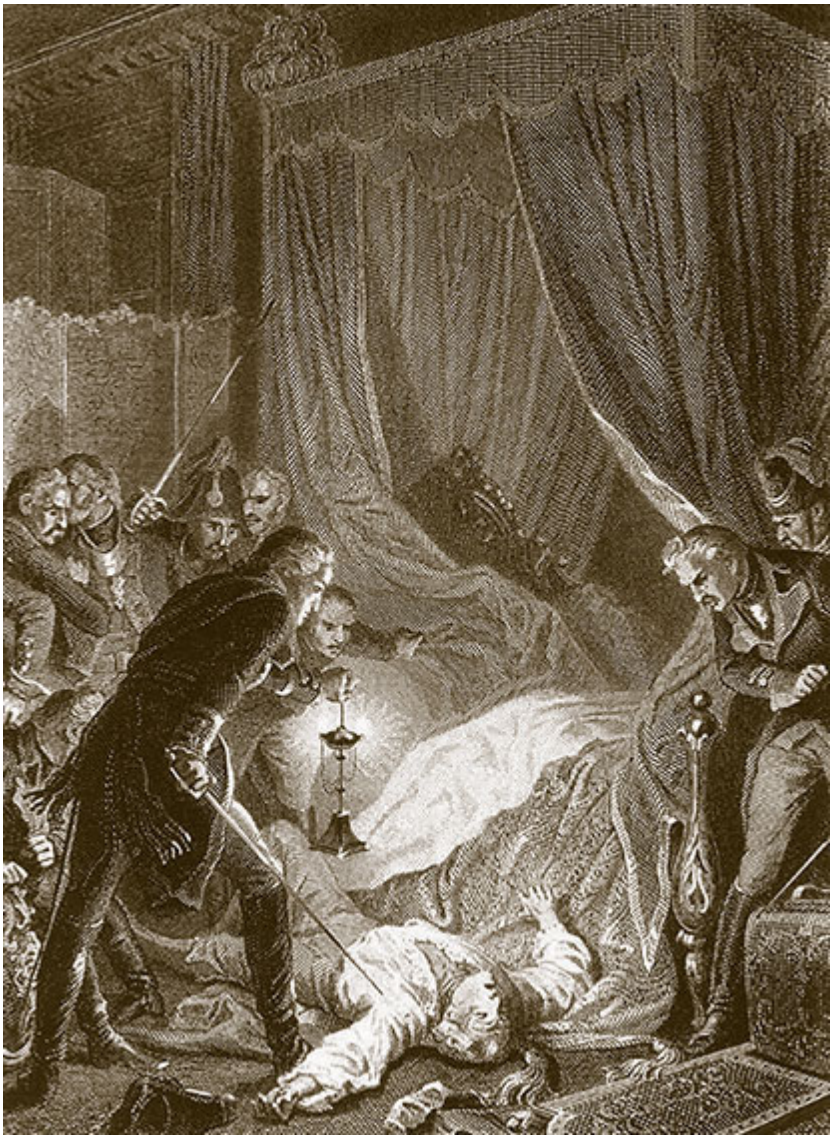
Глава 3
Декабристы

Поговорим о восстании декабристов 26 декабря 1825 года. Я буду I рассказывать эту историю так, как я рассказываю своим друзьям, то есть так, как я вижу это событие. Ведь когда ты начинаешь изучать историю в школе, то совершенно не понимаешь, зачем тебе рассказывают про восстание декабристов. Действительно, это то событие, после которого история России изменилась бы, будь декабристы чуть более удачливыми. У нас не было бы, конечно, самодержавия, мы раньше отменили бы крепостное право и, конечно, потом не наступила бы никакая революция 1917 года. То есть мы, натурально, жили бы в другой стране. Жаль, старуха-история сослагательных наклонений не любит. А автор этой книги любит. Но давайте разберемся, с чего же все началось.

Декабристы были дворянами, но советская пропаганда называла их первыми революционерами. Декабристы вообще были удобны, они олицетворяли собой дух свободы и т. д. Но это неправда, что они были революционерами! Это были образованные дворяне, в том числе три князя. Я даже не знаю, с кем можно их сравнить. Это были настоящие сливки общества, его лучшая часть, передовая, образованная.

Царь Александр I заступил на царство после того, как убили его отца, Павла, которого, согласно источникам, табакеркой в висок приложили. Александр вступил на престол, начал править. Он был молодым, довольно либеральным парнем, который начал целый ряд интересных реформ, да таких, что казалось: сейчас Российская империя изменится, и мы начнем жить в другом государстве. Но после первых десятилетий Александру I все эти реформы надоели, он понимал, что все они носят половинчатый характер. Помещичьи крестьяне читать-писать не умеют, никто не горит желанием отменять крепостное право, ни помещики, ни сами крестьяне. Реформы начали потихонечку буксовать, и в 1812 году, как мы помним, началась война с Наполеоном. Лучшие представители дворянства ушли на фронт. Наполеон терпит поражение в России. Дальше начинается великий поход российской армии за границу, который заканчивается в 1815 году. И поколение 1790–1796 годов рождения, молодые люди, которым на момент окончания войны где-то по двадцать пять лет, они возвращаются в Россию.

Портрет Павла I.
Худож. Владимир Боровиковский.
1796



Убийство Павла I.
Худож. Ф.-Э.-А. Филиппото. 1874

Давайте просто посмотрим на годы рождения: будущий император Николай I – 1790 года рождения, декабристы: Пестель – 1793, Каховский – 1799, Рылеев – 1795, Муравьев-Апостол – 1795, Оболенский – 1796, Трубецкой – 1790, самый старший из них. Ну и для сравнения, Александр Сергеевич Пушкин – 1799 года. Это все одно поколение, и оно заходит на политическую сцену, когда отцы и деды, которые тоже воевали, эти представители старой России, уже окончательно всем надоели. Они не давали никому развиваться, и представители молодежи

хотели получить то, на что, как казалось, имели право: они хотели перемен; они хотели руководить этими переменами. Они не хотели больше жить с этим рабством, которое называлось крепостным правом. У дворян были две идеи в голове: построить конфедерацию, по образу и подобию Соединенных Штатов Америки, или построить конституционную монархию, как в Англии. Других моделей у них не было.

Казалось: сейчас Российская империя проснется, и мы начнем жить в другом государстве.

Но в какой-то момент Александру надоели реформы…

Декабристы – это молодые люди, получившие блестящее образование. Кто-то закончил пажеский корпус или кадетский корпус, кто-то получил домашнее образование. В основном их учили иностранцы. Они видели, как живет Европа, они понимали, что во многих странах уже есть конституция, они знали, что права монархов могут быть ограничены, что никакого самодержавия в Европе нет, народ везде свободен. А у них дома почему-то продолжалось какое-то средневековье… Солдаты, которые были набраны из крепостных крестьян и вместе с ними умирали там, на Шевардинском редуте и в битве при Лейпциге, вернутся домой и продолжат влачить свое жалкое крепостное существование. В общем, было решено: что-то надо менять.

Наполеон. Ватерлоо. 14 июня 1815 г.
Худож. К. Фукс.
XIX век

Начали создаваться тайные общества. Надо сказать, что в ту пору тайное общество – это не то, что мы себе представляем: мол, какие-то люди собираются по подвалам. Под тайными обществами, как и масонские ложи, начиная с Павла I, потом дальше, при Александре I, понимались широко известные кружки,

в которых собиралось дворянство и о которых знала полиция. Ничего там особенного не обсуждалось, просто они назывались – тайные общества. Это не значит, что люди собирались и разговаривали о политике. Русский человек, понятно, пьяный, либо играет в карты, либо рассуждает о политике. Другого времяпровождения на Святой Руси никогда не бывало. Эти люди сидели и перетирали в тайных обществах, как им обустроить Россию. Такие общества имели место и до войны, и после войны.

Декабристы – это молодые люди, получившие блестящее образование. Они видели, как живет Европа. А у них дома почему-то продолжалось какое-то средневековье…

Но ситуация менялась, люди не хотели больше просто так

сидеть и обсуждать: мол, какой ужас, там просвещенная Европа, а здесь тьмутаракань. Они хотели что-то менять. В 1816 году образовывается Союз Спасения, который основывают Александр и Никита Муравьевы. К ним примыкает князь Трубецкой, люди здесь начинают обсуждать: неплохо бы, конечно, с самодержавием покончить, принять конституцию, освободить крестьян и вообще жить уже совершенно по-другому. Эти терки продолжаются в течение двух лет, и в 1818 году Союз Спасения распадается и образуется Союз Благоденствия, в котором состояло гораздо больше людей. Никакой особой конспирации не было, за столами сидели дворяне, выпивали, играли в вист. Как-то один другого спрашивал: «А ты готов положить жизнь на алтарь отечества?» Другой: «Готов!» «Ну, приходи, значит, в Союз Благоденствия, мы собираемся на Фонтанке, обсуждаем, что с Россией произойдет». Человек приходил и становился членом тайного общества. В Союзе Благоденствия состояли около двухсот человек, это была очень большая организация. И, по доброй русской традиции, все друг на друга начали стучать. Слухи об обществе доходят до царя Александра I. Представители высшего общества, представители дворянства, собираются, значит, обсуждают всякие вольнодумства. Обтирают, как, вообще, надо Русь-матушку поменять. Но Александр, как человек достаточно либеральный, на это смотрел сквозь пальцы. Обтирают, говорил, и пусть обтирают. И никаких репрессий не было, поэтому до 1818 года люди так и продолжали сидеть, собираться, и никакой программы действий у них не имелось. Все обсуждали совершенно разные вещи, и было непонятно, что со всем этим делать.

Крестьянин.
Русская школа. XIX век

Солдаты, набранные из крепостных крестьян и умиравшие вместе с господами на Шевардинском редуте и в битве при Лейпциге, вернутся домой и продолжат влачить свое жалкое крепостное существование…

И вот наступает 1821 год, крайняя дата. Союз Благоденствия распадается на два общества, Северное и Южное. В рамках этих обществ родилось настоящее большое движение декабристов. В Северном союзе – Никита Муравьев и Кондратий Рылеев, там же князь Трубецкой. В Южном союзе – Пестель, тоже дворянин, сын сибирского генерал-губернатора, тоже фигура. Начиная с 1821 года будущие декабристы начинают обсуждать, как переходить к действиям. Появляются два документа: «Русская правда» и «Конституция» Муравьева. Эти довольно большие тексты подтверждают разброд и шатание среди заговорщиков. В то же время это два документа, которые пытаются описать судьбу будущего страны после переворота, после свержения монарха. Что будет с Россией-матушкой? Многие историки, Ключевский в частности, обращали внимание, что никакой политической программы у декабристов не было, и они, положа руку на сердце, не знали, что делать с Россией. В общем-то, они ничем не отличались от современных политиков, те тоже никогда не знают, что им делать. С момента образования Северного и Южного союзов до момента восстания проходят четыре года…

Наступает 1825 год, и что мы имеем? Мы имеем поколение людей, вернувшихся с войны, поколение, которое получило блестящее образование, многие получили домашнее образование, кого-то воспитывали иностранцы… Ключевский, кстати, на этом делает особый акцент: вот, мол, иностранцы подготовили таких людей, воспитали их в таком духе, и, видимо, с этого момента на Руси начинаются неприятности. Иностранцы нам подложат вольтерьянство, вольнодумство, потом космополитизм и так далее и тому подобное. Вот в чем дело, это иностранцы подготовили этих повстанцев!

Царь Александр I и русские офицеры.
Акварель. 1815

Кончина Александра I.
Литография. XIX век

Но мне кажется, проблема декабристов была в том, что – и в школах нам так рассказывали! – декабристы допустили очень страшную ошибку: их движение не было народным. Советская историография тоже акцентировала внимание на том, что декабристы страшно далеки были от народа. Но они, безусловно, были далеки по рождению, по принадлежности к социальному слою. Многие по-французски говорили лучше, чем по-русски, они народ даже близко не допускали к управлению страной, в их планах этого не было. Даже армия для них не была народом, потому что армия это все-таки военные, которые подчиняются приказам. А крестьян привлекать – упаси господь, как бы это потом не сыграло с нами злую шутку! В 1825 году восстание могло не произойти, и спокойно так же сидели бы эти милые люди по Северному и Южному обществам, радели бы о том, как обустроить Россию. Но случается важное событие. 19 ноября по старому стилю (1 декабря по новому стилю) в 1825 году умирает император Александр I. Он поехал в Таганрог и там скончался. Весть о том, что император умер, достигает столиц, то есть Москвы и Питера, через 8 дней. И начинается главная закавыка. Дело в том, что после смерти Александра наследовать престол должен был его брат, Константин Павлович. Константин Павлович был военачальником, воевал с Наполеоном. Он был безумно популярен в армии и в гвардейских частях. И поэтому, когда весть о том, что Александр I умер, достигла столиц, все начали, конечно, присягать Константину. Более того, будущий император Николай I тоже присягнул Константину, своему брату, написал ему письмо, но… В 1822 году, то есть за три года до описываемых событий, Константин пишет Александру письмо о том, что не будет наследовать престол. Есть разные точки зрения на этот счет, кто-то говорил о том, что Константин боялся судьбы своего отца Павла I, постоянно приговаривал, что если будет править, то его задушат, потому что гвардейские перевороты весь прошлый век сотрясали Русь-матушку, да и табакеркой в висок можно было просто, как здрасьте, получить. В общем, он испугался и уехал в Варшаву. Там у него случился роман с графиней Грузинской, это был неравный брак, которым он как бы дал понять, что не будет наследовать престол. Об этом было составлено три документа, один документ был отправлен в Успенский собор Москвы, два других были в конвертах направлены в Сенат и Государственный совет в Санкт-Петербурге, и на конвертах было написано: «Вскрыть после моей смерти». После смерти императора Александра I никто об этом не знал, кроме, по некоторым слухам, Николая I. Но что внутри, Николай совершенно не подозревал, и именно этим объясняется, почему

он присягнул Константину. Константин присягу не принимает, он сидит в Варшаве, в прекрасном Бельведерском дворце, со своей графиней Грузинской; он счастлив. Он управляет Польшей и наслаждается жизнью в Европе. Он пишет, что он отрекается от престола в пользу Николая Павловича, повторяет еще раз, и все это продолжается двадцать дней. Представьте себе: двадцать дней междуцарствия в России… Когда нет верховной власти, сразу начинается брожение, бурление… Ну, слава богу, Интернета тогда не было, все-таки Русь была по-настоящему Святой: нельзя было нигде узнать никаких новостей, нельзя было забаламутить народ, газет крестьянство читать-то, слава тебе Господи, не умело… Поэтому бурление имело место только среди дворянства. Уже присягнули императору Константину, более того, чеканили монету. С той поры осталось некоторое количество серебряных рублей с изображением Константина I. Это жуткий нумизматический раритет, цена на этот рубль на одном из аукционов была в районе полумиллиона долларов США. Это в наши дни большая нумизматическая редкость. Три экземпляра отправили в Варшаву показать Константину. Потом все формы для литья разбили, и рубли эти чеканить перестали. Началось брожение умов, и декабристы решают выходить на площадь, потому что лучшего момента для того, чтобы свергнуть власть, не найти…

Николай I.
Литография П. С. Смирнова с работы Крюгера.
1850

Потом некоторые допросы Николай I проводил лично. Он хотел понять, почему его сверстники вышли на площадь…

Все четко сходятся на том, что надо выйти на площадь: мол, пока Сенат будет «переприсягать» Николаю I, мы захватим власть, все разбегутся, и после этого, значит, будем решать, что делать с

этой страной. Каховский должен был прийти в Зимний дворец и застрелить Николая Павловича, но он боялся это сделать. Солдатам ничего не говорили, то есть утверждения, согласно которым солдаты были участниками восстания, это полная ерунда. Декабристы, как образованные люди, говорили солдатам, что случилось жуткое злодейство, император наш Константин Павлович узурпирован и от власти отстранен женой своей Конституцией; он заперт в Варшаве, а узурпатор Николай I хочет править нами. Мы должны прийти защитить своего императора. Солдаты слушают, а ведь большая часть этих солдат войну прошли с этими Оболенскими и Муравьевыми… И, подчиняясь своему начальству, они вышли на площадь. Вот наступает утро, и начинается восстание декабристов.

«Русская правда» и «Конституция» Муравьева только засвидетельствовали разброд и шатание среди заговорщиков…

Как оно происходило? Сенатская площадь города-героя Санкт-Петербурга, вот куда вышли декабристы… Сейчас сюда выходят в основном китайские делегации туристов, а в 1825 году

именно сюда вышли декабристы. Многие думают (я надеюсь, что вы не в этой категории, но правда, многие из опрошенных мной так думают), что декабристы вышли к Зимнему дворцу, на Дворцовую площадь. На самом деле они вышли на Сенатскую площадь. Ранним утром они построились здесь в каре. Каждый человек, который будет читать о декабристах, полезет в «Википедию» и начнет интересоваться, где все это находилось. Я много раз бывал на этом месте, я много раз здесь ходил и совершенно не осознавал, что именно здесь все и происходило.

Сенатская площадь. Санкт-Петербург.
Русская школа. XIX век

Выйдя на Сенатскую площадь, бунтовщики стояли и не понимали, что делать дальше…

А что, собственно, происходило? Во-первых, восстание с самого утра не задалось потому, что Рылеев попросил Каховского проникнуть каким-то образом в Зимний дворец и убить императора Николая. Каховский отказался. Второй сбой произошел, когда Якубович отказался вести матросов гвардейского экипажа и Измайловский полк брать штурмом Зимний дворец. И третий, наверное, самый главный, сбой – объявленный диктатором князь Трубецкой просто не приехал. Он был объявлен главой восстания, и восстание осталась без лидера.

И все же в одиннадцать часов утра примерно восемьсот человек выстроились в каре. Около Адмиралтейства, у Сената,

отчего и название – Сенатская площадь, они выстроились вокруг памятника Петру I. Исаакиевского собора еще не было, только шло строительство… Как только все офицеры и солдаты вышли на площадь, моментально стал скапливаться народ, ведь не каждый день в государстве переворот, тем более в такой близости. Народа собралось огромное количество, зеваки стали наблюдать за тем, что происходило. Стоит отметить, Николай, в отличие от Александра I, не знал ничего о тайных обществах, он за этим не следил, и, когда мы говорим, что царь Николай I – грузный мужик с усами, надо понимать, что этому мужику было около тридцати лет. То есть это был молодой человек, и люди, которые вышли против него, были такими же молодыми людьми, людьми одного с ним поколения. Потом некоторые допросы Николай I проводил лично. Он хотел понять, что на самом деле произошло, почему элита, его сверстники, которые должны были, в общем-то, исповедовать те же ценности, которые исповедовал он сам, вышли на площадь… Лидера не было, плана действий не имелось никакого, что следовало делать, никто не знал, и, по воспоминаниям декабристов, кто-то говорил: ну, давайте, вышли уже, что-то да произойдет. А что произошло дальше?

Сначала государственные органы охватила паника, как это всегда и бывает на Руси. Впоследствии Николай писал своему брату Константину: удивительно, как нас не перестреляли в тот день. И правда, удивительно. Один из декабристов, прогуливался, положив два пистолета себе в сюртук, и когда Николай со свитой приехал, он подошел, собираясь убить императора, но в последний момент не смог этого сделать. И это тоже удивительная вещь! Все-таки дворянство было суперлояльно к царю, суперлояльно к императору, и покушение на жизнь императора все-таки считалось ужасающим преступлением и перед Богом, и перед людьми. Это были люди чести, прежде всего, что отличало декабристов от всех последующих восставших на Руси. Это были люди чести, это были люди слова, это были романтики. И вот, эти романтики не знают, что делать, вот они стоят на площади, и через два часа их собирается здесь около трех тысяч человек…

Каре – это квадрат, воинское построение. Частями этого каре управляли Бестужев, Щепин-Ростовский, Панов. Вокруг стояла цепь, которой руководил Оболенский. Цепь охватывала каре. Люди стоят, никто не понимает, что дальше делать, руководители восстания не понимают, куда идти. Николай I не понимает, как освободить площадь. Сначала начинают присылать переговорщиков, потом приходит митрополит, который начинает говорить: «Ну, господа офицеры, вот вы подняли восстание, вы

покусились на государя, вы покусились на Отечество, ну-ка, немедленно расходитесь, моментально». Декабристы стали с митрополитом говорить: «Слушайте, митрополит, какой государь? Вы буквально неделю назад еще присягали Константину, а сейчас вы присягаете Николаю! Давайте вы, батюшка, святой отец, идите к себе в Синод».

На площадь приезжает генерал-губернатор Милорадович. Это уникальная личность, это герой войны 1812 года, это генерал-губернатор Санкт-Петербурга. Он говорит: «Господа офицеры, вы знаете, я бы тоже всем сердцем хотел, чтобы нашим императором был Константин, но им стал Николай, видите, так уж вышло…» Надо сказать, и многие декабристы об этом знали, что Милорадович симпатизировал Константину, и вообще в гвардии Константин был гораздо популярнее Николая. Но когда все узнали об отречении Константина, когда утром Сенат начал присягать новому императору Николаю, Милорадович моментально переобулся. Он выехал на площадь и стал говорить: мол, господа офицеры, вы должны разойтись. Ну, среди господ офицеров начался ропот, потому что Милорадович был очень популярен в армии, он был настоящим боевым офицером. Но к Милорадовичу подошел Оболенский; он сказал: «Сударь, вы должны покинуть эту площадь!» Между ними завязалась словесная перепалка, и тогда Оболенский штыком ранил Милорадовича. По разным источникам, он пытался ударить по лошади (Милорадович был верхом), а попал в самого генерал-губернатора. И в этот же момент Каховский, который должен был убить государя, стреляет в Милорадовича. Милорадович падает. Он сидел не на своей лошади: эту он взял у какого-то офицера, вскочил в седло и прибыл на площадь… И теперь лошадь понесла его обратно к дому того офицера, где он ее взял. Через четыре дня Милорадович умер. По слухам, когда из него извлекли пулю Каховского, он посмотрел и сказал: «Ну, слава Богу, не солдатская». Он был доволен, что его убили не солдаты, а офицер: с солдатами у него были хорошие отношения.

Николай все еще колеблется, он не понимает, что делать, а тем временем на город надвигается вечер. В этот момент народ, который стоит по периметру, начинает роптать, разбирает поленницу у строящегося Исаакия и начинает кидать поленья и камни в государевых людей, в войска, которые император сумел стянуть к площади. Кажется, в три раза был перевес у государственных сил, то есть у частей, верных государю императору.

По прежнему ничего не происходит, декабристы стоят и не понимают, что делать. Солдаты ждут приказа, но Николай

никаких приказов не отдает. И в какой-то момент конница начинает идти на штурм этого каре. Конница под управлением Орлова, и понятно, что конницей штурмовать каре как-то глупо, и люди ощетинились штыками и начали стрелять по лошадям, сбивать их с ног, всадники стали падать, и, в общем, ничего не получилось.

Медный всадник.
Худож. (предп.) А. К. Беггров.
Конец XIX – начало XX века

> Официально погибло сто пятьдесят человек; по другой версии, погибло триста человек; по версии очевидцев, погибло до пятисот человек.

Ситуация накалялась, и Николай понимал, что дальше будет самое страшное: начнется, возможно, смычка восставших и черни, то есть простых людей, и тогда жди бунта. На город наступает ночь, народ, естественно, отправится грабить, и, соответственно, должно произойти что-то ужасное. И в этот момент Николай отдает приказ артиллерии, и из-за адмиралтейства, выкатываются артиллерийские расчеты и дают холостой залп над головами декабристов. Никто не реагирует, более того, декабристы открывают ответный огонь из ружей, они не боятся. Второй приказ отдается «на поражение картечью», и после первого же залпа каре рассыпается. Этого запуска оказалось мало, он дает еще два залпа вдоль Невы, и это сметает оставшихся с площади. На площади остаются лежать убитые и раненые, и в этот момент оставшиеся декабристы начинают разбегаться кто куда. Солдаты бегут в основном на лед Невы и устремляются к Петропавловской крепости. Посмотрим на карту: от Сенатской до Петропавловки очень далеко, солдаты начали рассыпаться на льду. И Михаилу Бестужеву удается собрать солдат, построить их в боевой порядок и повести штурмовать Петропавловскую крепость. Это армейские офицеры, они знали все о фортификации, они все знали о боевых действиях. Понятно, что в те времена никто из них в госпереворотах и восстаниях на улицах не участвовал. И теперь они пошли к Петропавловской крепости. Понятно, в Петропавловской крепости сидели простые русские люди: они зарядили пушки ядрами и стали бить по льду. Они даже не попадали по солдатам, но разбили невский лед, и люди начали тонуть, раненые и убитые… все. В тот момент восстание закончилась, дальше начинаются слухи.

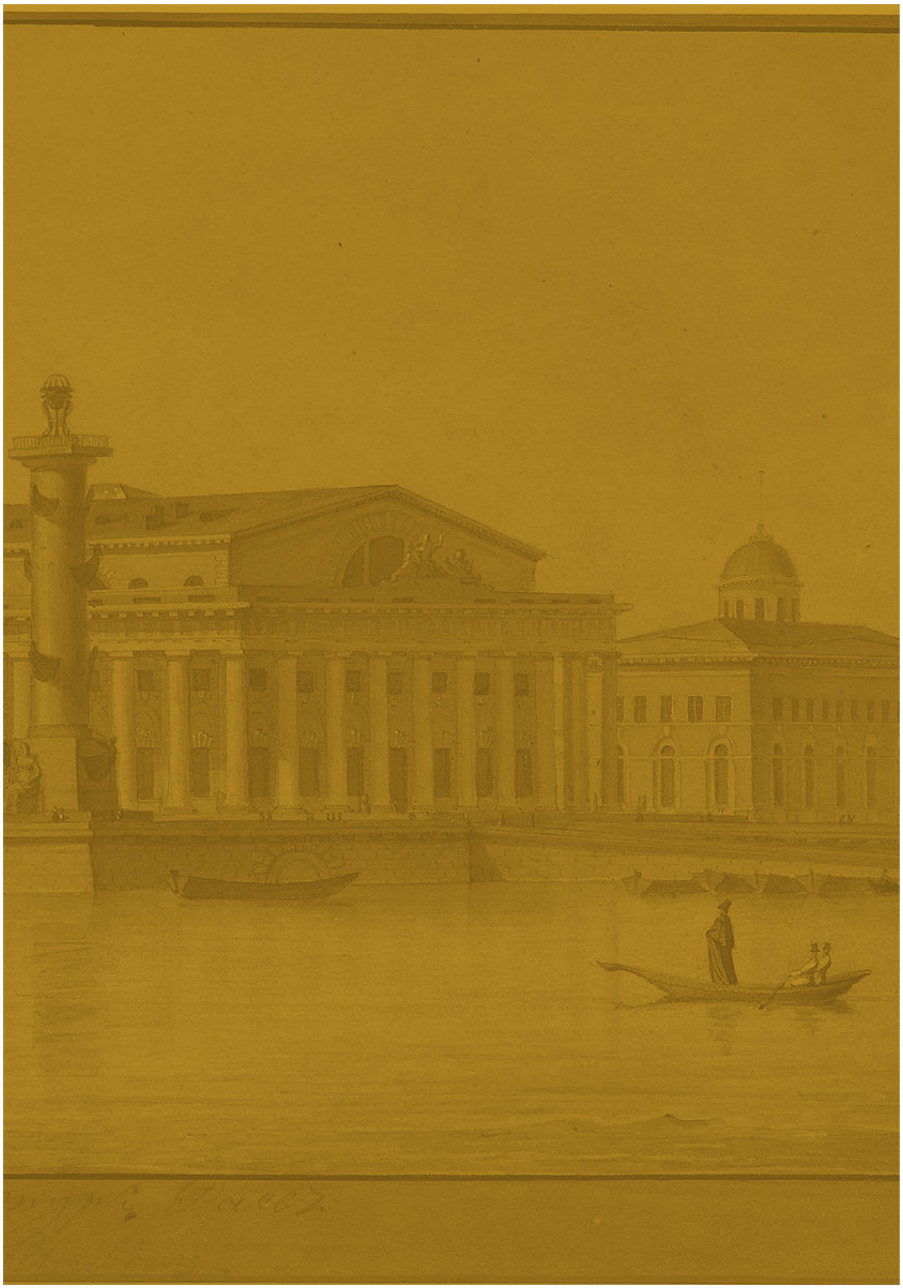
Официально погибло сто пятьдесят человек; по другой версии, погибло триста человек; по версии очевидцев, погибло до пятисот человек. Потом царь приказал смыть кровь и расчистить Сенатскую площадь от трупов. Естественно, трупы по старой русской традиции кидали куда попало, в основном, в Неву. Циркулировали совершенно ужасные слухи, согласно которым даже раненых, еще живых, кидали под лед. С одной стороны, в это верится, потому что русское людоедство не знает никаких границ, а с другой стороны, все-таки многие склоняются к тому, что было не более ста погибших. В этот момент восстание закончилось. Петр Великий, отвернувшись, смотрел на Петропавловскую площадь, здесь еще корчились раненые, лежали

убитые. Жандармы устали разгонять людей. Народ не расходился: ведь для него практически поставили вживую марвеловский комикс. Продолжали работать жандармы, людей начали вытеснять с площади, артиллеристы грозились развернуть пушки в сторону простого народа, и тогда простой народ сказал: «Простите, извините, пожалуйста; хватит с нас, мы пойдем по домам». Восстание закончилось, живых декабристов похватали, и в эту же ночь начались допросы в Зимнем дворце. Многих лично допрашивал государь император Николай.

Помимо выхода на Сенатскую площадь произошло еще одно событие. 30 декабря 1825 года под руководством Сергея Муравьева-Апостола восстал Черниговский полк. 30 декабря восставшие заняли город Васильков, 31 декабря заняли Мотовиловку, вечером 1 января восставшие роты выступают из Мотовиловки. Из Василькова повстанцы двинулись на Житомир, стремясь соединиться с частями, где служили члены Общества Соединенных Славян, но, избегая столкновений с превосходящими силами правительственных войск, повернули на Белую Церковь. Гренадерской роте под управлением капитана Козлова в полном составе удалось ускользнуть от восставших. При селе Устимовке 3 января 1826 года Черниговский полк был разбит правительственными войсками под командованием генерал-майора барона Федора Геймера. Подпустив полк на расстояние выстрела, артиллерия открыла огонь ядрами без предупреждений, Сергей Муравьев-Апостол, руководитель восстания, был в этом бою тяжело ранен, а его брат, Ипполит, убит картечью. Были взяты в плен 895 солдат и шесть офицеров. Декабристов похватали, а кого не схватили, тот сдался сам, и начались допросы. Николай лично допрашивал некоторых декабристов. Здесь надо сделать особый акцент на том, что он лично допрашивал. Некоторые полагают, что он был кровопийцей и садистом, впоследствии он даже получил прозвище Николай Палкин. Но я думаю, что этим он хотел сказать: «Парни, мы с вами тут одного поколения, практически с одного двора, и я понимаю, нам хочется разных дворов, но все же вы хотели меня убить. А мы же с вами… вот-вот, мы же одно и то же…»

В общем, дальше началось то, что всегда начинается на Святой Руси. И свою собственную трусость и нерешительность государь император и государственные органы теперь компенсировали. Процесс развивался очень быстро. Возникли вопросы: а что вообще нужно следствию установить, о каком преступлении идет речь? Декабристы, по мнению следствия, должны были раскрыть планы цареубийства, связи с другими тайными обществами, причастность к этим планам

высокопоставленных лиц. Отдельное внимание уделялось зарубежному влиянию. Вот она, пятая колонна, понимал Николай I. Следствие развивалось довольно быстро, и к высшей мере были приговорены пять человек. Точнее, шесть: Пестель, Рылеев, Каховский, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и князь Трубецкой, который, как мы помним, на площадь не явился. Причины его отсутствия так толком и не выяснены. Он в мемуарах писал так: не пошел, чтобы не способствовать чрезмерному кровопролитию. Кто-то считал, что он струсил, но ведь на Бородинском поле Трубецкой 14 часов стоял под картечью неприятеля. Так что вряд ли он был трусом, скорее всего, он действительно понимал, что без кровопролития не обойдется. Декабристов можно было уличить во многом: в романтизме, в наивности… но это были люди чести, и едва ли среди них были трусы. Трубецкого тоже приговорили к высшей мере, потом государь предложил ему написать жене письмо: «Я буду жив». Трубецкой получил двадцать лет каторги, впоследствии приговор был смягчен. Три князя – тоже в хорошей русской традиции, – Трубецкой, Оболенский и Волконский, не были приговорены к высшей мере.



Процесс развивался очень быстро. Отдельное внимание уделялось зарубежному влиянию. Вот она, пятая колонна, понимал Николай I.

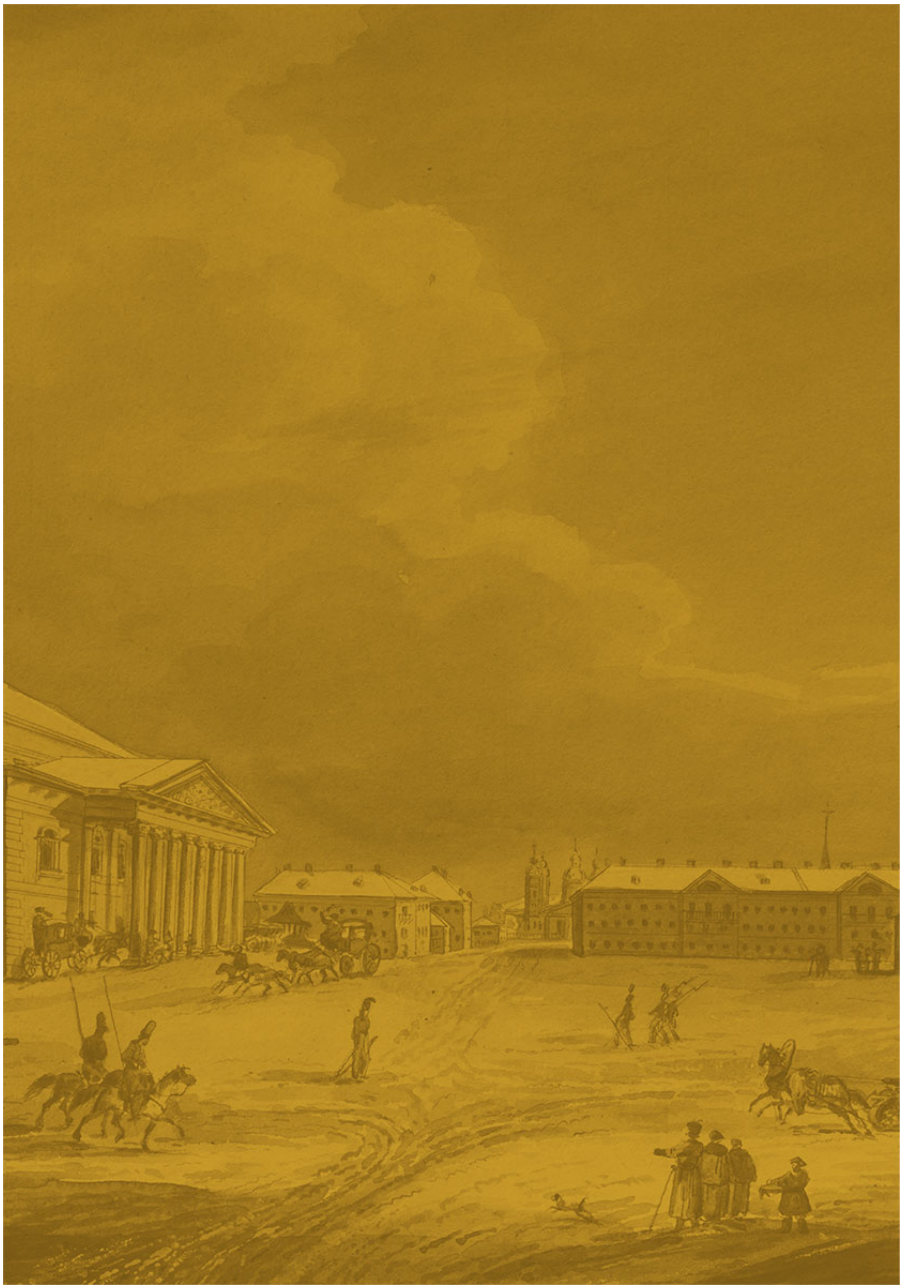
Следствие развивалось очень быстро, как это всегда бывает. Репрессивный аппарат у нас хорошо работал во все эпохи; это единственное, что в России всегда безотказно работает. К лету

следующего года уже все было понятно. Триста человек было задержано, осуждено на разные сроки каторги и ссылки на Кавказ – сто двадцать человек. Бестужев-Рюмин на допросе говорил следователю: «Благоволите сделать мне исключение, чтобы я отвечал по-французски, потому что, к стыду своему, я по-русски говорю не так хорошо». Вот как декабристы были далеки от народа. Следователь поблажек не сделал и сказал: ты, мол, у нас здесь на Святой Руси, так что будешь говорить со мной по-русски. Спустя семь месяцев, 25 июля несколько человек были приговорены к высшей мере, и, когда их вывели во двор Петропавловской крепости, Пестель сказал: «Неужели мы не заслужили того, чтобы нас расстреляли?» Их не стали расстреливать, их стали вешать, но в какой-то момент виселица рухнула. Казнь декабристов состоялась в ночь на 13 (по старому стилю), или 25 (по новому стилю) июля. Рылеев твердым голосом сказал священнику: «Батюшка, помолитесь за наши грешные души, не забудьте моей жены и благословите дочь» – и взошел на эшафот, за ним последовали прочие. Два палача надели петли на шеи, и началась казнь. И в этот момент помост упал, трое сорвались, Рылеев, Пестель и Каховский упали вниз. Считалось, что два раза вешать на Руси не принято и что, раз они сорвались из петли, надо бы их отпустить. Но происходит следующее: никто их отпускать не собирается, и Бенкендорф командует продолжать казнь. Каховский, обращаясь нему, говорит: «Подлец, опричник, сними свои аксельбанты, удуши нас своими аксельбантами, может, они окажутся прочнее». Эшафоты тоже делали из говна и палок, и порой даже не могли нормально людей повесить. Рылеев, оправившийся от удушья, добавил, обращаясь Бенкендорфу: «Ну, что, генерал, приехали посмотреть, как мы умираем? Обрадуйте своего государя, что его желание исполнено, мы умираем мучениками. Но я счастлив, что второй раз умираю за Отечество!» Выслушав это, Бенкендорф распорядился продолжить. Всех пятерых повесили.

А дальше начинается история ссылок. Всем известно знаменитое выражение «жена декабриста». Оно как раз посвящено женам декабристов, которых, в общем, государь не отправлял в ссылки, а оставил в Санкт-Петербурге. Ни у кого, как вы понимаете, не забрали никаких имений, у всех оставались средства для жизни, но эти женщины тем не менее просили у государя разрешения отправиться за мужьями в ссылку. Сначала Николай отказал, но поскольку в пределах высшего класса все были друг другу родственниками, друзьями, кто-то с кем-то бухал, кто-то с кем-то играл в карты, здесь любовник, любовница, в какой-то момент царя уломали, и женам декабристов

разрешили отправиться в ссылку, но это уже другой разговор. Кто и чем занимался в ссылке, это уже история, которая относится к развитию регионов России…

Что было дальше? Дальше, как это заведено на Святой Руси, начался период реакции. Николай I понял, что никаких реформ на матушке-Руси проводить нельзя, потому что иначе Русь собирает лучших людей, выстраивается в каре и выходит свергать государя императора. О любом проявлении вольнодумства государь до самой смерти говорил, намекая на декабристов: это, мол, такие же мои друзья по 14 декабря. В этой истории берут свои корни и борьба с космополитизмом, с иностранными учителями, с иностранным влиянием и так далее и тому подобное. По словам современников, один из друзей обратился к князю Оболенскому и сказал: «Сударь, что же вы наделали своим восстанием, вы же отбросили Россию на пятьдесят лет назад!» Но надо сказать, что любимый мой историк Ключевский пишет следующее: за все эти годы Россия сделала не так много шагов вперед, чтобы быть отброшенной назад. Ключевский очень и очень скептически относился к тому, что могло быть дальше. Он считает, что восстание декабристов было очередным гвардейским переворотом. Гвардия на протяжении всего XVIII века, как вы помните, на Руси меняла царей, как хотела. Но единственным отличием было то, что прежние гвардейские перевороты были устроены, чтобы свергнуть одного монарха и поставить другого. Здесь же люди выходили во имя нового порядка, они хотели конституцию, они хотели отмены монархии, они хотели какой-то совершенно другой страны.



Николай I понял, что никаких реформ на матушке–Руси делать нельзя, потому что иначе Русь строится в каре и выходит свергать государя императора.

А если бы, например, Каховский пришел бы в Зимний дворец и убил Николая I? Вот он с матросами заходит на территорию Зимнего дворца, охрана им сдается. Каре с Сенатской площади

движется к Зимнему дворцу, и начинается настоящий военный переворот… Дальше повстанцы хотели собрать временное правительство. Пять членов временного правительства были уже определены. Диктатором временно мог бы стать Трубецкой, который, как мы помним, на площадь не пришел. Временное правительство могло заседать, пока не собралась бы Земская дума, в рамках которой можно было бы обсуждать новое государственное устройство.

Портрет Александры Григорьевны Муравьевой.
Худож. П. Ф. Соколов. 1825

У декабристов было два пути. Они хотели построить федерацию или конфедерацию, по примеру Соединенных Штатов Америки, или конституционную монархию, как в Англии. Но ничего у них не получилось – к сожалению или к счастью. Поэтому мы можем рассуждать о предполагаемых последствиях их удачи, но должны помнить: у декабристов не было никакого плана, они не понимали, что делать дальше. Вполне возможно, как водится во всех переворотах, они бы друг с другом

перессорились, ничего не построив, а потом отколовшаяся часть призвала бы какого-нибудь черта из дома Романовых и устроила реставрацию. И тогда повесили бы не пятерых, а сотню человек, часть страны утопили бы в крови, и началась бы страшная гражданская война. Могло быть и так, а может быть, мы бы выстроили конституционную монархию, не было бы потом никакого бунта, никаких разночинцев, никаких петрашевцев, никакого Сталина. И у нас была бы прекрасная Англия, от Владивостока до Дублина.

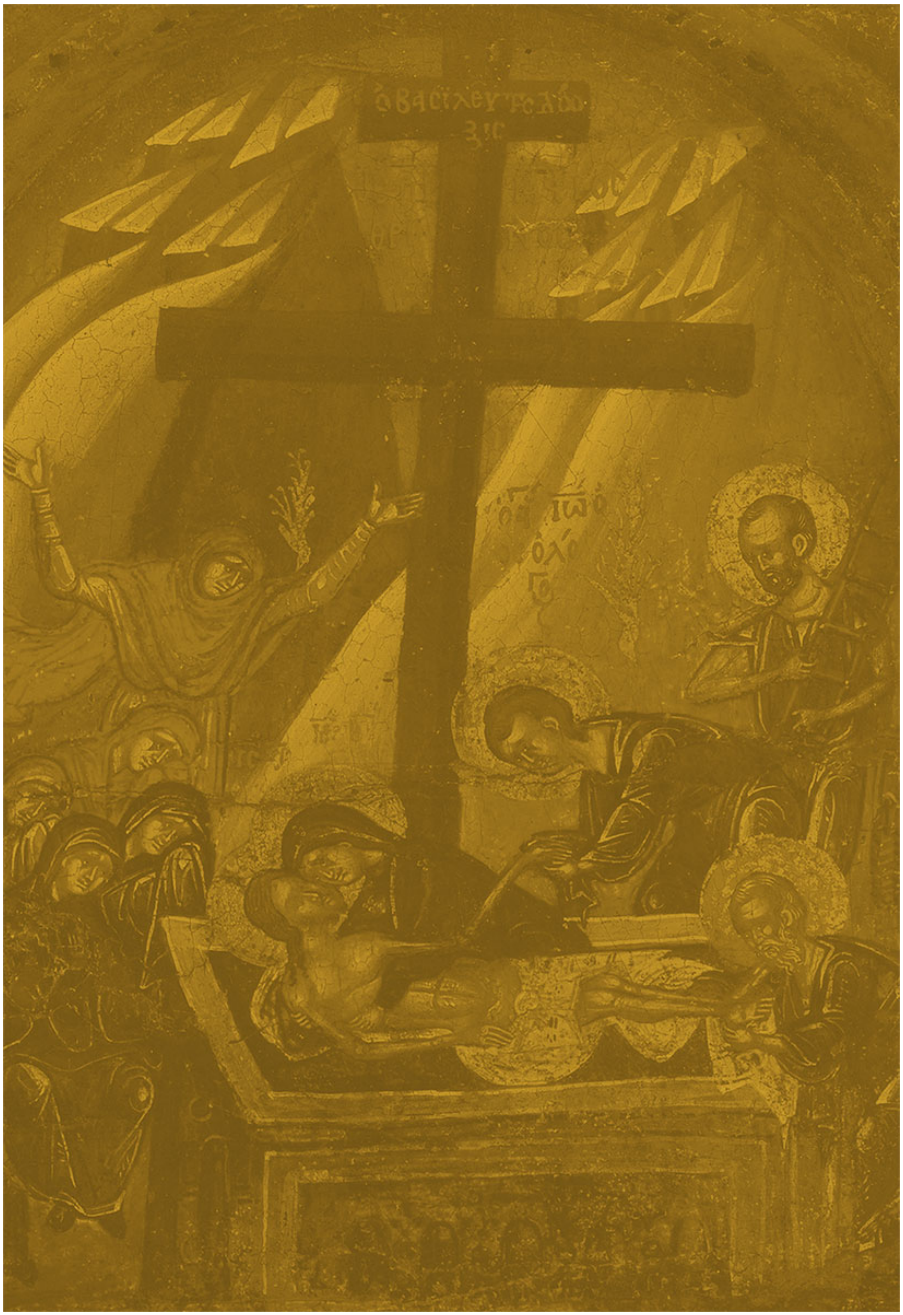
Читая про декабристов, удивляешься одному: если бы они сейчас вместе с нами сидели бы в уютном YouTube, обсуждали бы все те же проблемы коррупции, что мы обсуждаем и сегодня: а посмотрите, как на Западе; а вот здесь надо все переделать; а вот здесь надо все переустроить и т. д. Вспоминаются слова моего любимого Столыпина: «В России за десять лет меняется полностью все, а за двести лет – ничего».

Глава 4
Распутин

Вечером 1 января 1917 года в Санкт-Петербурге, в реке Малая Невка, под Петровским мостом, было обнаружено тело мужчины – лет пятидесяти с большой черной клыкастый бородой, со следами не то падения, не то побоев на лице; руки его были связаны. После того, как тело выловили, приехали полицейские. Через некоторое время в утопленнике опознали любимца императорской четы Григория Распутина.

Биография Распутина – одна из самых легендарных, самых мистических историй периода Российской империи. Распутин – один из брендов отечественной истории, известный далеко за рубежом. В чем только не обвиняли этого человека, в чем только его не подозревали и чего только о нем не говорили! Ему посвящены десятки, сотни научных исследований и книг в жанре исторического расследования. Были сняты фильмы, сыграны спектакли, написаны книги. Разговор о Распутине – это разговор о последних днях великой империи, о последних днях Дома Романовых, о том, как страна разваливалась на куски и летела ко всем чертям.

Что такое был Распутин? Его называли «божьим человеком», «старцем». Но сразу оговоримся, монахом он не был. То есть сам он не принимал пострига и не планировал этого. Он родился не то в 1864, не то в 1865 году в селе Покровское Тобольской губернии. Он сам о себе несколько раз говорил как о крестьянине. Называл несколько раз разные даты своего рождения. В общем, обычный русский мужик, крестьянин, который был, безусловно, наделен артистизмом, мистицизмом, хитрецой и колючим взглядом. Все, кто описывал Распутина, говорили о пронзительном, колючем, пронзающем тебя взгляде. Его голос был таков, как будто он вслух читал по душе человека. И действительно, императрица Александровна посылала Распутина к людям, которых предполагалось назначить министрами, чтобы он читал в их душах.



Его называли «божьим человеком», «старцем». Обычный русский мужик, крестьянин, Распутин, безусловно, был наделен артистизмом, мистицизмом, хитре-цой и колючим взглядом.

Распутин стал в 1893 году странствовать, посетил Афон,

Иерусалим, многие святые места. Странничество было довольно популярным образом жизни в конце XIX и начале XX века, и Распутин стал одним из таких странников, несмотря на то, что за три года до первого своего паломничества он женился; он оставит троих детей.

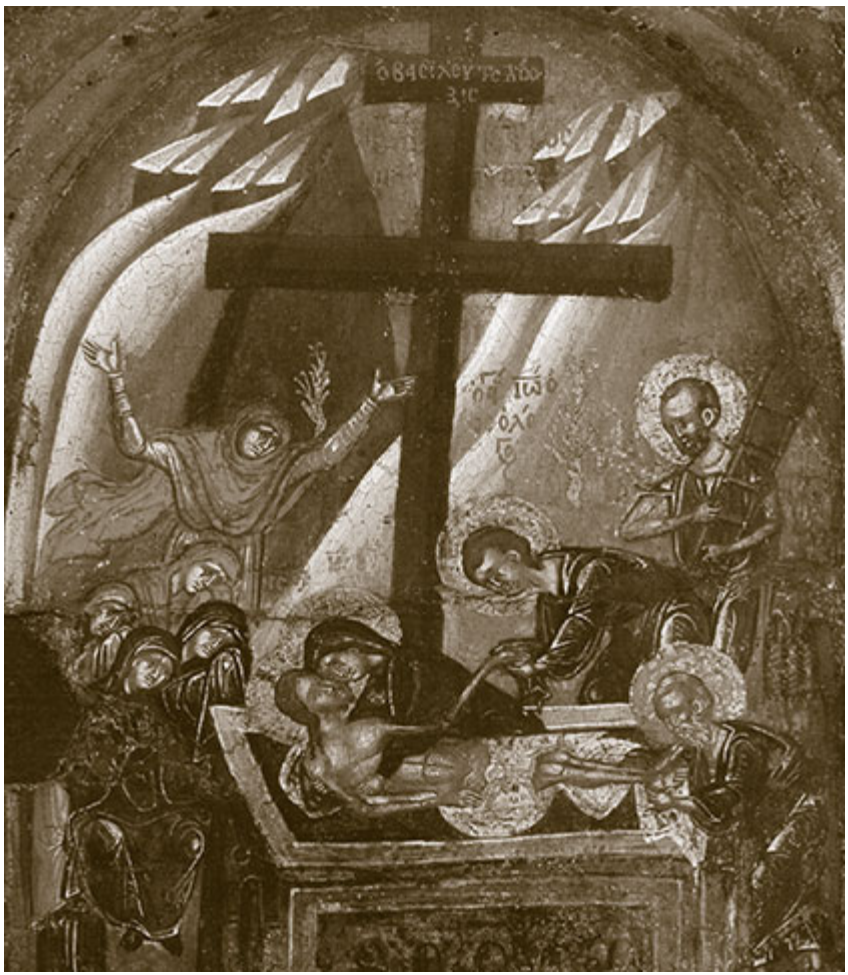
Весь конец XIX века он проводит в странствиях, заводит знакомства среди священнослужителей, знакомится с церковной иерархией. В 1903 году, за два года до революции 1905 года, Распутин приезжает в Санкт-Петербург. Столица Российской империи в начале XX века находится в стадии индустриализации. В Санкт-Петербург, в столицу империи, едут иностранные предприниматели, промышленники, торговцы, люди искусства. Академик Лихачев пишет: «Все лучшие музыканты, певцы и исполнители ждут признания требовательных слушателей. Пройти через Петербург означает выдержать самый строгий экзамен. Все лучшее мировое – на российской земле, в ее столице…» Таким образом, Петербург становится колыбелью слияния двух культур, западной и отечественной. Здесь Распутин составляет самые важные знакомства его жизни. Самое важное – знакомство с императрицей. Другие важные карьерные знакомства – с ректором Духовной академии епископом Сергием (впоследствии Патриархом Всея Руси), инспектором академии архимандритом Феофаном и легендарным епископом Гермогеном. Распутин очень нравится этой троице, он «божий человек»: то ли предсказывает судьбу, то ли изрекает какие-то интересные философские рассуждения. Начинается пресловутая слава «старца Распутина», слава человека, который посетил очень много святых мест. Этакий святой из народа, человек, который предсказывает будущее. Поговаривают, что он целитель, и всем в Санкт-Петербурге это очень нравится. Вообще высший свет в конце XIX и начале XX века захвачен модой на мужика, на крестьянина. С одной стороны – Серебряный век и расцвет культуры, с другой стороны – начало упадка империи: мистицизм, оккультизм, Блаватская, Рерихи, народные целители, калики перехожие, какие-то французские лекари, тибетские травники; всего этого в Питере очень много. Эти люди посещают чайные, салоны, кружки, все они что-то вещают. Это сделалось чрезвычайно модным, и в какой-то момент Распутин знакомится даже с черногорскими принцессами, дочерями черногорского князя Николая, который впоследствии станет черногорским королем, Милицей и Станой. Одна из них оказалась замужем за внуком Николая I, Петром Николаевичем, они были очень красивой парой при дворе. Они имеют власть, очень близки с императрицей, и вот их знакомят с Распутиным. «Старец»

производит неизгладимое впечатление на Милицу и Стану.

Появляется этакий святой из народа, человек, который предсказывает будущее. Поговаривают, что он целитель, и всем в Санкт-Петербурге это очень нравится.

Все говорят об удивительном артистизме Распутина. Он

моментально понимает, что при дворе надо вести себя скромно, и создает образ блаженного, человека не от мира сего. Он подолгу молчит, проникновенно смотрит и потом что-то изрекает. Безусловно, это на всех производило неизгладимое впечатление. Вспомним знаменитый фильм «Собачье сердце», в частности – сцену в цирке, в которой Шариков спрашивает «прорицательницу»: «Какое самое главное событие в моей жизни?» Та отвечает: «Самое главное событие в вашей жизни еще впереди». Примерно в такой манере действовал и Распутин. Может быть, и не был он целителем, но какими-то способностями наверняка обладал. «Божий человек», деревенский старец Григорий, становится невероятно популярным человеком при дворе.



Икона «Положение во гроб».
XIV век. Афон. Ватопедский монастырь

У императорской четы была проблема – одна за другой рождались дочери, не было наследника. И какие только обеты они не давали, в какие только монастыри не ездили, каких только лекарей и знахарей не приглашали. Нет, царица не могла родить наследника. В народе ходила байка: рассказывали, что Господь не дает царской чете наследника из-за того, что Николай Романов, будучи сам наследником престола, путался с балериной Матильдой Кшесинской. Понятно, все это слухи и бред, но в самом деле, ситуация была тяжелой.

И вот наследник рождается: в 1904 году появляется на свет Алексей! Кого только не молили… Вот неполный список людей, которые в ту пору были привлечены к царскому двору и которых посещала царская чета для того, чтобы царица счастливо забеременела и разродилась мальчиком. Матронушка-босоножка, женщина, в любое время года ходившая босиком, известная как прорицательница; Паша Саровская, слабоумная крестьянка; некая Дарья Осипова; блаженный Митенька Козельский – вот пул персонажей, которые населяли Петербург. Они были приближены ко двору. Кого-то царская чета посещала лично: кажется, Паша Саровская жила в «пещере», которую собственноручно выкопала в земле. Все эти потрясающие калики перехожие встречались с царской четой, и каким-то образом – может быть, звезды сошлись – царица понесла и родила.

Наконец-то родился наследник, долгожданный наследник. Но у него была серьезная проблема со здоровьем: от своей матери Александры Федоровны, немки и родственницы, кстати, английской королевы Виктории, он унаследовал недуг, передающийся по женской линии, гемофилию, и это стало очередной колоссальной проблемой. Никто ничего не мог сделать. Царевич плохо спал, он страдал. Родители, конечно, готовы были все отдать, чтобы исцелить собственного сына. И 1 ноября 1905 года происходит первая встреча Распутина и императора Николая II. Николай запишет в своем дневнике: «Встретил Божьего человека Григория Распутина…»

Царевич Алексей со своей матерью Александрой Федоровной. *Альбом Романовых. 1908*

> Распутин действительно лечил царевича Алексея. Однажды старец Григорий постоял рядом с постелью царевича, помолился, и Алексей заснул с безмятежной улыбкой.

Надо сказать, что у Николая II в какой-то момент времени появилось желание – быть с народом. Он одержим этим: «Мы народный царь, Мы понимаем народные чаяния и в народ ходим, Мы слушаем, что народ говорит, Мы к нему прислушиваемся…» Когда Распутин попадает ко двору и начинает льстивыми речами располагать к себе императорскую чету, им это очень нравится. Вот что говорит крестьянин, этот Божий человек Григорий: «Живите, русский народ весь так думает!» Народ, мол, вас любит, а какие-то либералы распространяют слухи, что императорская жена – немка: на самом деле и ее народ любит. Распутин удовлетворял, таким образом, скрытые и явные запросы царской четы, и, наверное, в этом был главный секрет его успеха. Он умел входить в контакт с людьми, манипулировать информацией, которую получал и «зеркалить» собеседников – говорить то, что

от него желали слышать.

«Прорицательницу» спрашивают: «Какое самое главное событие в моей жизни?» Та отвечает: «Самое главное событие в вашей жизни еще впереди». Примерно в такой манере действовал и Распутин.

При всем при этом было одно «но». Распутин действительно лечил царевича Алексея. В первый раз это случилось, когда императрице доложили, что старец Григорий постоял рядом с постелью царевича, помолился, и Алексей заснул с безмятежной улыбкой. В дальнейшем, когда начинались проблемы у наследника, телеграфировали Распутину. Тот телеграфировал в ответ: «Молюсь!» И становилось лучше. Враги, недруги, самые алые языки, которые говорили самые ужасающие вещи о Распутине, друзья – все объединялись вокруг этой истории: никто, ни один не сомневался в даре Распутина. Главный вопрос – как же этот темный мужик из Тобольской губернии смог вознестись столь высоко? – получает ответ. Можно выделить три фактора успеха Распутина. Первый: связи с духовенством, которые он приобрел во время своих странствий по святым местам. Распутин действительно был религиозным человеком, при этом не связанным с официальной церковью, он был человеком из народа, способным говорить правду. Любые правители любят «народную правду», и Распутин эту «народную правду» им транслировал, и это второй фактор. Ну и третий, самый важный фактор – он лечил царевича Алексея.

Крестьянские дети.
Альбом Романовых. 1912 или 1913

Царевич Алексей.
Альбом Романовых. 1912 или 1913

Вспомним, что происходило в начале XX века на Святой Руси: революция 1905 года; террор; необходимость модернизации; образованные люди хотят если не демократии, то хотя бы конституционной монархии, как в Великобритании. Самая яркая и самая бурная политическая жизнь начинается с созыва Первой Государственной думы и продолжится при Второй Государственной думе. Эти события в России можно сопоставить только с тем, что происходило в начале 90-х годов того же века, когда рушилась другая империя, Советский Союз.

Возьмем двух поэтов, Брюсова и Блока. Они прославляли революцию, ждали революцию. Когда Брюсов писал: «Славлю вас, грядущие гунны!», он обращался к революционным массам, которые сметут к чертовой матери старый строй. Это было очень модно в среде интеллигенции, ну, как сегодня в Интернете, – призывы быть совестью в России. Как правило, к этому призывает сборище не самых далеких людей, которые в своем «междусобойчике» возносят себя на олимп. Этот олимп может быть разным, кинематографическим, литературным, общественно-политическим. И там, в своем профессиональном сообществе, они определяют «судьбы родины», никак, в общем-то, на них не влияя. Но вокруг этих «судеб» – бурные разговоры.

Александра Федоровна с Распутиным, детьми и гувернанткой.

Начало XX века

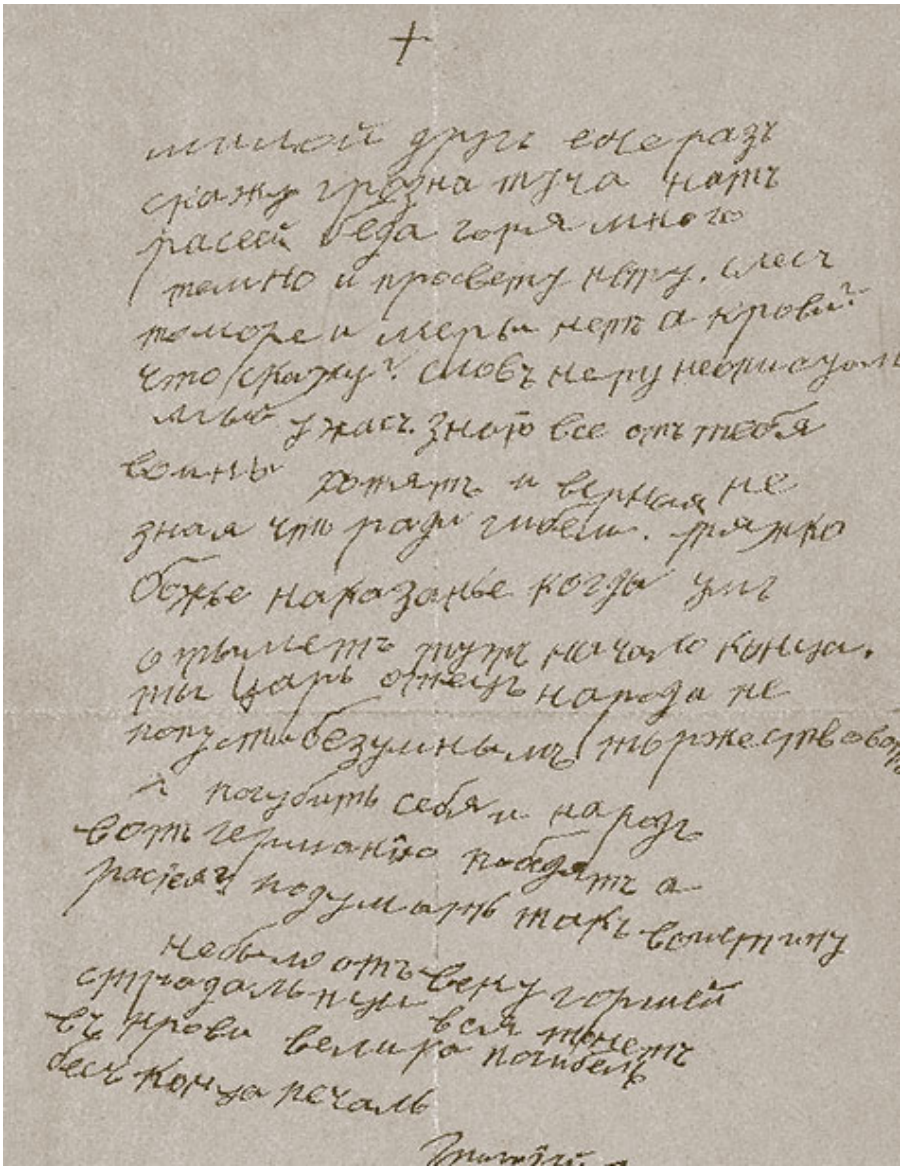
> Одна дама петербургского полусвета, приехав на квартиру к Распутину, обнаружила там дамский кружок его обожательниц. Он очень любил лобызать дам, хватать их за мягкие места. Эта женщина пишет, что ей было неприятно находиться там, она хотела убежать, но Распутин поймал ее взгляд и сказал: «Что смотришь так, осуждаешь? Видишь сорочку? Сашка вышивала!» Он имел в виду императрицу Александру Федоровну.

Интеллигентские кружки того времени пропитаны одновременно: мистикой, религиозностью, ожиданием надвигающейся катастрофы, модой на крестьянство. Появляются крестьянские поэты: Клюев, Есенин, Клычков и другие… И весь этот котел скоро взорвется, потому что страна не может так дальше жить, и Распутин оказывается апогеем этого кошмара. Мы несемся на поезде в бездну, у нас царица – немка, у нас слабый

царь, которого уже презрительно зовут Николашкой, и ко всему прочему – этот косматый Распутин. Пока еще не говорят, что он правит Россией, пока только 1905–1906 годы, нет-нет, но он влияет на политику, и влияет очень сильно, и об этом начинают судачить. Распутин, естественно, этому способствует. Конечно, в своей квартире на Гороховой улице, в салонах, в борделях, которые он посещает, он не говорит о том, что близок с царской четой. Это будет позже.

Царевич Алексей Николаевич с медсестрой.
Альбом Романовых. 1916

Одна дама петербургского полусвета, приехав на квартиру к Распутину, обнаружила там дамский кружок его обожательниц. Он очень любил лобызать дам, хватать их за мягкие места. Эта женщина пишет, что ей было неприятно находиться там, она хотела убежать, но он поймал ее взгляд и сказал: «Че смотришь так, осуждаешь? Видишь сорочку? Сашка вышивала!» Он имел в виду императрицу Александру Федоровну.



Письмо Распутина императору Николаю II.
Начало XX века

> В 1912 году Михаил Новоселов выпускает брошюру «Григорий Распутин и мистическое распутство». Понятно, о чем там шла речь. Брошюра была запрещена, тираж ее конфискован, а газета «Голос Москвы», которая напечатала выдержки из этой брошюры, – оштрафована.

Против Распутина начинается игра. В 1907 году, через два года после Первой русской революции, появляется первое дело,

которое потом назовут первой большой черной пиар-кампанией против Распутина. Это дело о хлыстовстве. Хлысты были очень популярной сектой, этакой смесью разнородного сектантства и староверия. Эти люди не признавали никаких попов, священнослужителей, монастырей: «Есть Бог, и есть люди. Господь может вселяться в каждого из нас, и по нескольку раз. Вот в этого вселился Бог Отец, в этого – Бог Сын, а в этого – Бог Святой Дух. И Святой Дух, вообще самая важная сущность на Земле, может несколько раз нисходить на тебя, на меня, на кого угодно. Самая большая проблема – это наша плоть, греховная плоть». Ночные бдения хлыстов были запрещены, но все же сектанты собирались – в банях, подвалах. Они коллективно хлыстали себя, истязали свою плоть, входя тем самым в религиозный экстаз. И впоследствии, были то злые языки или очевидцы, мы уже не знаем, поползли слухи, что эти мероприятия сопровождались оргиями, свальным грехом.

Распутин никого не стесняется и всем говорит: «Чем больше вы будете посылать на меня доносы императрице Александре, тем хуже вам будет».

И Распутина обвиняют в хлыстовстве. Распутина обвиняли также, что он не лекарь, а самозванец, одержимый поцелуями и объятиями с малознакомыми людьми, в особенности с

женщинами. Любил женщин Григорий, что тут говорить. Обвиняли его также в том, что он вместе с женщинами парился в бане. Тому был свидетель в Тобольске: он видел, как из бани распаренный Распутин выходил в дамском обществе. Распутин утверждал, что все было не так: «Я в баню зашел до того, как бабы туда пойдут. Значит, угорел, вышел, лег в снег. На тот момент бабы зашли, ну, тут я уж пришел себя, в сознание, и вышел вместе с ними. Вот что на самом деле в бане происходило». А вообще, грех и религиозность очень часто сожительствуют в человеке, часто прямо-таки идут рука об руку. То есть по ночам человек блудит, а днем бьет земные поклоны, и ничего удивительного здесь нет. Автора этих строк такие вещи совершенно не смущают.

Начинается первое дело, но оно разваливается, и развалили его не друзья, а – назовем их так – знакомые Распутина. Появляется слух, что дело развалили по прямому приказу императора. Опять же, почему? Потому, что Распутин лечил императорского сына. В 1909 году, еще через два года, полиция хочет выслать Распутина из Петербурга. Ходит много слухов, согласно которым у Распутина на квартире, скажем так, свой круг. Распутин пьяный в ресторане вышагивает без штанов, показывает половой орган кордебалету. Распутин посещает бордель, вызывает себе на квартиру проституток, никого не стесняется и всем говорит: «Чем больше вы будете посылать на меня доносы императрице Александре, тем хуже вам будет». Департамент полиции хочет его выслать из Санкт-Петербурга. Но Распутин – тонкий дипломат, знаток души человеческой, и он выезжает сам – с тем, чтобы его вернула в столицу сама императрица. Ведь как быть с наследником? Если наследнику плохо, то где Божий человек Григорий, где «старец»? А этому «старцу», кстати, на тот момент нет еще и пятидесяти. Он встретит смерть в сорок семь лет.

И в 1910 году императрица действительно возвращает Распутина в Петербург, и у него начинается размолвка с его вышеупомянутыми коллегами из Русской православной церкви, Феофаном и Гермогеном. 16 декабря 1911 года Гермоген вызывал Распутина, между ними была очень жесткая полемика, после которой Гермоген лупил его крестом со словами: «Ты, Гришка, охальник и блудник». Вспыхнула драка. Их еле растащили, а история стала известной в свете. Ничего хорошего к имиджу Распутина она не добавила.

Год 1911-й – зенит славы Распутина. С одной стороны, безусловно, налицо черный пиар вокруг его фигуры, но у пиара две стороны – черная и белая. Одни его ненавидят, других он привлекает. Он, конечно, распространяет вокруг себя слухи,

согласно которым решает вопросы при дворе, и в квартиру на Гороховой начинается паломничество. Просители, мелкие чиновники и чиновники покрупнее, предлагают деньги, предлагают связи: «решите этот вопрос», «дайте ход этому делу». Распутин становится известен как человек, который может влиять на расклады в правительстве и департаментах, как человек, который может назначать людей.

Распутин, генерал-майор Путятин и полковник Ломан.
1904

С 1912 года по распоряжению министра внутренних дел Макарова за Распутиным устанавливается наружное наблюдение. Впервые это пытался сделать Столыпин еще за два года до того. Об этом узнала императрица, доложила своему мужу. Николай II велел Столыпину немедленно снять слежку. Наружку сняли, и

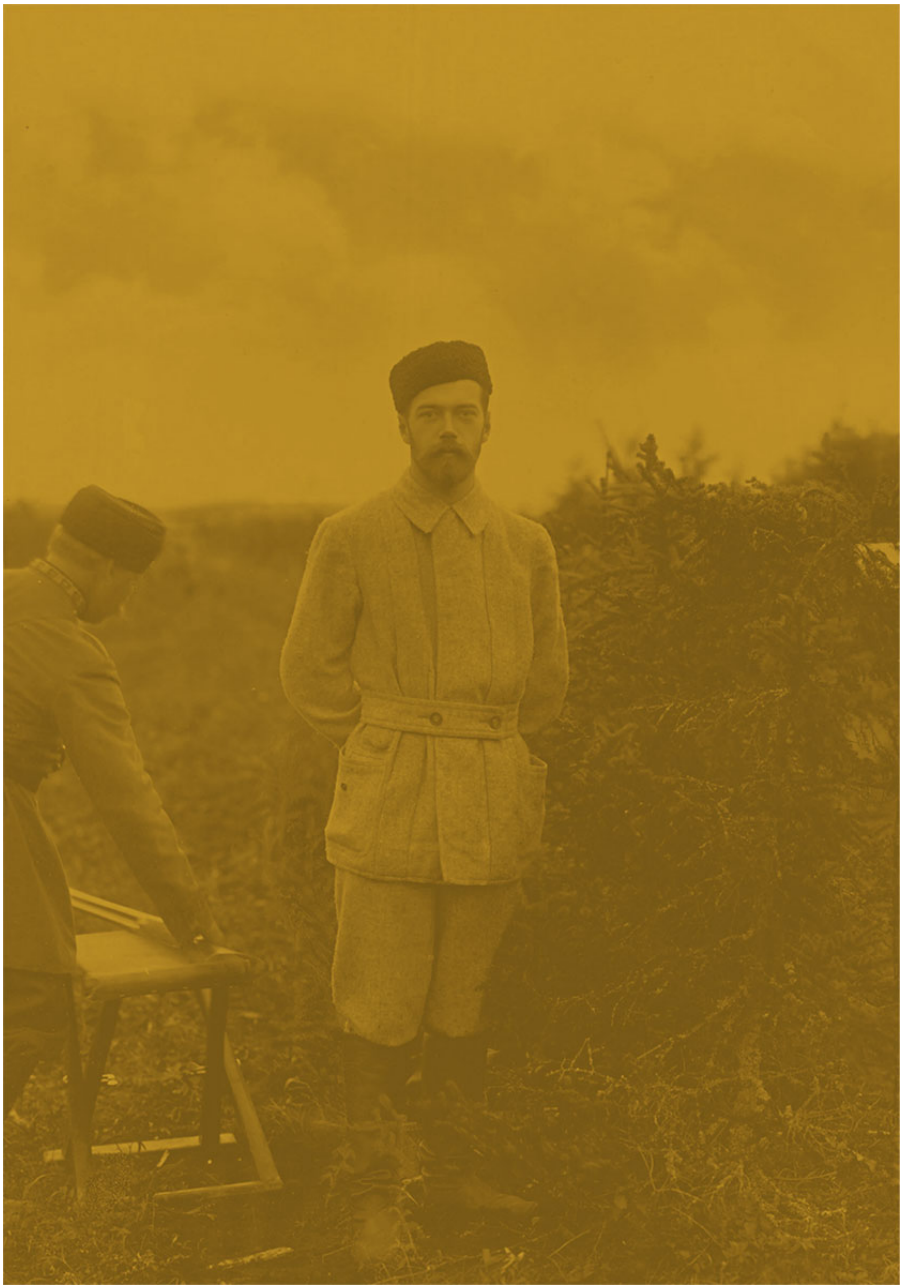
теперь Макаров, новый министр внутренних дел, вновь установил наблюдение. За Распутиным будут следить до его последнего дня. Наружное наблюдение будет вестись за Распутиным постоянно, но не по ночам. Хотя, казалось, что за бред, наружка имеет смысл только в режиме 24/7; зачем нужны были эти полумеры? Ведь, как мы знаем, самые интересные вещи происходят в ночи. Тем временем с усилением Распутина усиливаются и кампании против него. В 1910 году Михаил Новоселов в газете «Московские ведомости» публикует статью «Духовный гастролер Григорий Распутин». Через два года он же выпускает брошюру «Григорий Распутин и мистическое распутство». Понятно, о чем там шла речь. Все эти хождения к проституткам, хлыстовство, мутные романы с барышнями полусвета и даже императорского двора – все было в этой брошюре. Оная брошюра была запрещена, тираж ее конфискован, а газета «Голос Москвы», которая напечатала выдержки из этой брошюры, – оштрафована.

И в этот момент у антираспутинской кампании появляется новый голос, и этот голос – Государственная дума. Многие вспоминали, что Распутин был не люб либералам, поэтому либералы его заклевали, и это правда. Но в то же время Распутин был не люб ни анархистам, ни кадетам, ни октябристам. Все политические силы к 1916 году сплотились против Распутина. Дума посылает запрос о правомерности наказания газеты «Голос Москвы». Ее оштрафовали за то, что они опубликовали текст о Распутине? А разве о нем нельзя писать, он что, член царской семьи?

В январе 1912 года начинают новое дело о хлыстовстве, запрашиваются новые данные, новые свидетельства из Тобольска, и снова всплывает «банная история». Распутин в этом году – главная мишень для многих сил: его атакует дума, его атакует пресса, его пытаются осудить как хлыста. В Москве начинают распространять «письма императрицы к Распутину», впоследствии многие будут говорить, что эти письма – подделки. В «письмах» засвидетельствована романтическая связь между императрицей и Распутиным, они выступают любовниками, а это, дорогие друзья, пострашнее всего, что было прежде: пострашнее проституток, пострашнее танцев в ресторане неглиже, пострашнее взяток, которых в больших объемах еще и не было. Начнутся дела пострашнее этой шахматной игры с министерскими постами… «Распутин – любовник императрицы! Николашка, бездарный, слабый царь, который ничего не может, всего боится, сдал министра Столыпина за то, что тот стал возвышаться над ним. А теперь еще и жена его спит с этим мужиком…»

Имидж Николая II и без того уже был подточен революцией

1905 года, «кровавым воскресеньем», этим расстрелом рабочих без суда и следствия, а теперь еще и это – рогоносец: императрица, его жена, спит с мужиком-мистиком. Кстати, о мистике. Смех смехом, но… сегодня все это никуда не делось. Вспомним украинский майдан… В какой-то момент в прессе и Интернете появились фотографии из дома прокурора, из дома, в котором был найден золотой батон. Так вот, хозяин дома хранил номер телефона «целителя» с пометой «заговор от онкологии и сглаза». И это в наше время! А вспомним девяностые годы. Среди людей Коржакова был господин Рогозин (не нынешний Рогозин), который очень любил мистиков, прорицателей, составлял гороскопы и т. д. Как-то он собрал совещание, на котором сидели серьезные люди, силовики и рассуждали: «Луна в девятом цикле Меркурия, так что вот этого лучше не делать» и т. д. Можно насмехаться над Николашкой, презренным дурачком, который, чтобы Мусику было приятно, приблизил этого «старца» и верил во все его предсказания, но следует помнить и о том, что происходит сегодня.



Имидж Николая II и без того уже был подточен революцией 1905 года, «кровавым воскресеньем», расстрелом рабочих без суда и следствия…

Автор этой книги уверяет дорогих читателей: на самом деле такие Распутины и сегодня в кругу олигархов, министров и бизнесменов. Они называются по-разному: китайские

прорицатели, мастера цигуна, мастера чайных церемоний, мастера нефритовых дел и т. д. Они предсказывают судьбу, они смотрят на луну в девятом цикле… Я не могу сказать, что это не работает, скорее всего, как-то и работает, потому что мир сложнее, чем мы с вами его себе представляем, но тем не менее… Впрочем, мы несколько отошли от основного повествования.

Второе обвинение в хлыстовстве ничем не заканчивается, дело разваливается, пиар-кампания по очернению Распутина никаких последствий для Распутина не имеет, императрица все так же обожествляет «старца». Она постоянно говорит царю Николаю о том, что на «нашего друга», как она называет его в переписке, все нападают, никто его не любит, а ведь он Божий человек, молится за нас и желает нам только добра. И вот наступает 1914 год, будь он проклят, год, когда началась Первая мировая война, стоившая Европе миллионов загубленных жизней, а России стоившая государственности. Не вступи мы тогда в войну, бог его знает, чем бы оно все закончилось, но все закончилось, как мы знаем, революцией. Скорее всего, и не было бы революции, а если бы и была, то позже и не большевистская. Возможно, построили бы конституционную монархию. Впрочем, все это разговоры в пользу бедных: история сослагательных наклонений, как известно, не терпит…

Наступает 1914 год. За два года до этого, по различным свидетельствам, Распутин удерживает Николая II от вступления в войну на Балканах: он стоит чуть ли не час перед ним на коленях и умоляет, чтобы государь император не двигал войска, не вступал в войну, ведь это закончится крушением страны и смертью фамилии. В общем, по свидетельствам, опять же, очевидцев, от участия в Балканской войне Распутин Россию уберег, уберег от гибели и Романовский дом.

Выступал Распутин и против участия в Первой мировой войне, об этом тоже многие говорили. Поэтому появилась версия, согласно которой Распутина убили англичане – за то, что он готовил выход России из войны. И в 1916 году выход из войны России, этой самой большой наземной армии континента, англичанам был весьма неудобен: русские войска должны были «добивать» Германию: без нас бы не справились..

По различным свидетельствам, Распутин удерживает Николая II от вступления в войну на Балканах: он стоит чуть ли не час перед ним на коленях и умоляет, чтобы государь император не двигал войска…

«Г. Е. Распутин с развратницами». Открытка.
1910-е годы

Еще один исторический миф связан с тем, как Россия вступила в эту войну. 29 июня 1914 года крестьянка Хиония Гусева совершает покушение на Распутина, она его бьет кинжалом, но ему удается спастись. Он бежит от нее, Гусева бежит за ним, Распутин где-то достает оглоблю, бьет эту безумную женщину по голове… и, в общем, счастливо избегает смерти. Гусеву судят, признают невменяемой, запирают в сумасшедший дом, а Распутин возвращается в Санкт-Петербург. Он лежит, он болен… Итак, 29 июня происходит покушение, в июле Распутин в тяжелом состоянии, а 1 августа Россия вступает в Первую мировую войну…

Иными словами, у Распутина не было сил, и потому он не мог отговорить царя Николая вступать в войну. Образ Распутина, таким образом, весь соткан из противоречий. Даже в том, что говорили злопыхатели и ненавистники Распутина: «грязный мужик» – и в то же время: «любил с бабами в бане париться». Но это не живет вместе – грязный мужик и баня. А вот логика, подчеркивающая положительную роль Распутина: он влиял на императрицу; императрица была немка; она хотела затянуть Россию в войну на стороне Германии; Распутин ей этого не давал сделать. Более того, это Распутин отговорил царя от вступления в войну.

Когда Распутина убьют, чрезвычайная комиссия Временного правительства, уже после Февральской революции, начнет расследование, допросы всех действующих лиц, придворных, людей, которые каким-то образом были близки с убитым. Из

одних этих допросов можно создать полотно, которое рассказало бы о том, как принимались решения в империи, как все воевали со всеми. Дума ненавидела царя, царь ненавидел думу; он не хотел давать никаких свобод, а Россия в свободах нуждалась; не был решен еврейский вопрос, из-за чего еврейская молодежь шла в террористы и убийцы; сословия с трудом сосуществовали друг с другом; промышленность требовала модернизации; столыпинские реформы не были закончены… И посреди этого – слухи: косматый мужик спит с императрицей и, таким образом, управляет страной один бог знает в чьих интересах. Придворный врач Боткин сформулирует впоследствии гениальную мысль: если бы Распутина и не существовало, придумали бы миф о Распутине. Так много столь разных сил сошлись в ненависти к императорской семье, продолжает Боткин, что они бы сделали Распутина из Вырубовой, любимой фрейлины и подруги императрицы, или даже из самого Боткина.

Многие понимали: так дальше продолжаться не может. А кто был виноват в этом «так дальше»? В том, что разваливается царская семья? Распутин! Возьмем допросы Вырубовой. Ее спрашивают: «Вы такого-то знали? А вот записку в вашем доме нашли, такой-то просит вас о том-то…» И Вырубова говорит: «Я не помню, но мне со всей России писали, чтоб я у императрицы за этого похлопотала и за того похлопотала, здесь решила вопрос с делом, тут по займам, здесь банкиры какие-то…» И мы понимаем, что эта империя, пусть не во многом, но в какой-то части, управлялась «записочками», которые приносили Вырубовой и которые она потом отдавала Александре Федоровне… И такая же тусовка выросла вокруг Распутина, ему тоже носили «записочки»… А вот Матильда Кшесинская, о которой великий князь Николай Николаевич писал: «Вы меня обвиняете в том, что у нас не решен вопрос с артиллерийским заказом, что артиллерия стоит без снарядов, подвоз не осуществляется вовремя, но вы же знаете, в чьих руках распределение артиллерийского заказа, в руках Матильды…» Матильда была любовницей двух великих князей. Но проблема состояла не в этом, а в том, что все эти романтические свидания оплачивались из русской казны. Взяточничество, откаты, распилы, все это имело место с давних пор…

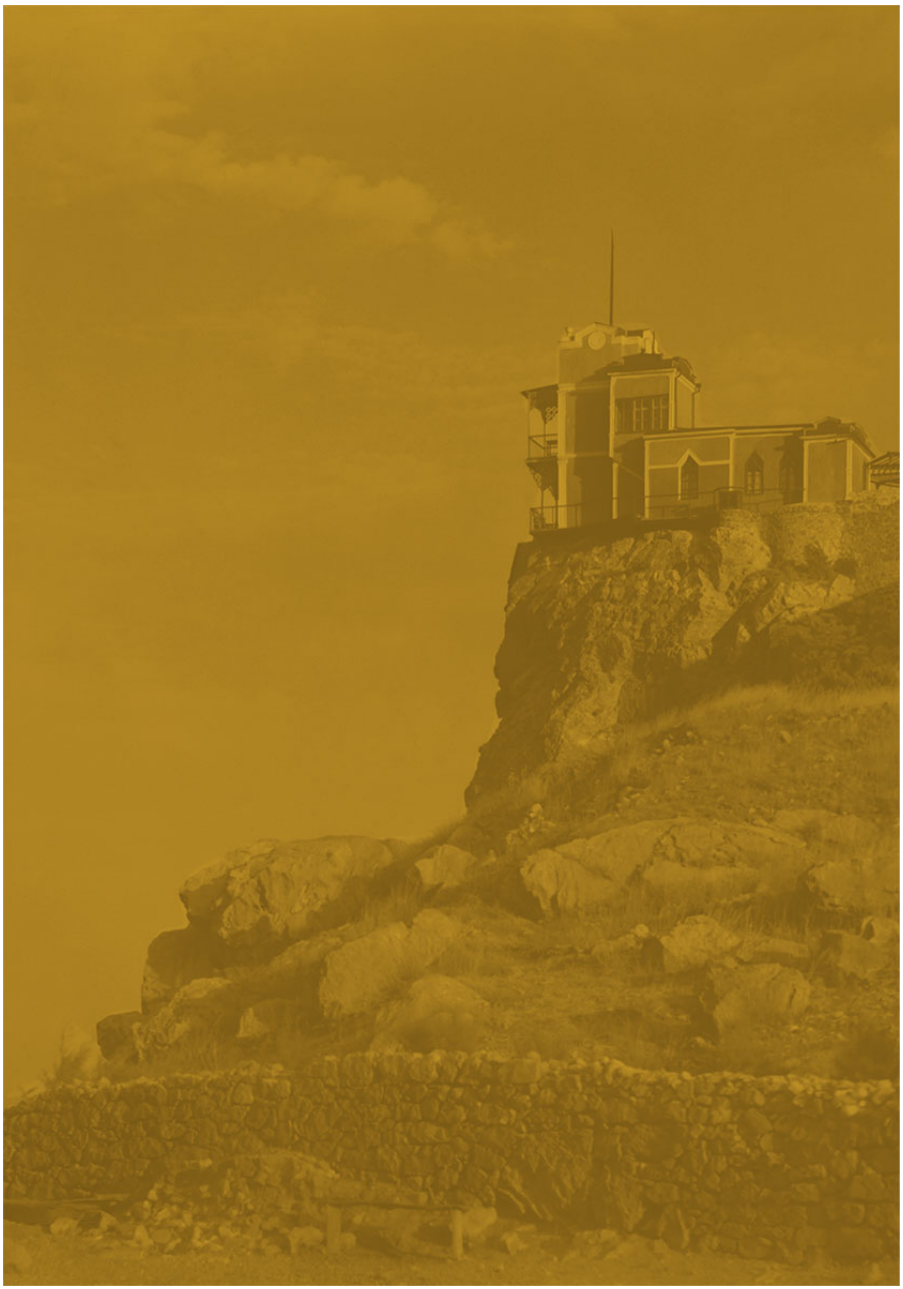
Анна Вырубова на прогулке в инвалидной коляске с великой княжной Ольгой Николаевной,

Альбом Романовых.

1915 или 1916

А ведь идет война, война насмерть, люди гибнут. Немцы прут, мы теряем фронт, и в армии ползет слух об измене: мол, немка-императрица и косматый черт специально делают так, чтоб наши проигрывали, стучат немцам, все сообщают о наших планах. Николай Николаевич, управлявший войсками, дядя государя Николая II, смещен. Ходят новые слухи: мол, императрица его сместила, чтоб не было оружию российскому побед; сам бездарный Николашка возглавил армию, в Ставку приехал… И Николай II действительно переезжает из Санкт-Петербурга в Ставку. Он проводит здесь очень много времени; оттуда он ведет переписку с императрицей Александрой Федоровной. И снова слухи: мол, эти люди, императорская чета, сдают Русь; Распутин – агент Германии, в сговоре с императрицей; Распутин влияет на императрицу, чтобы она отставила популярного в войсках дядю

Николая II, Николая Николаевича, и сам император возглавил бы армию…



Дума ненавидела царя, царь ненавидел думу, Россия нуждалась в свободах… И посреди этого: косматый мужик, который управляет страной один бог знает в чьих интересах.

С этого момента начинаются поражения, хотя новые назначения имели место и прежде. Распутин ни одно назначение не пропускает: все через записочки, все через подношения, а люди в окружении Распутина – какие люди, просто бриллианты! Какой прозорливый мужик, какая удивительная крестьянская хитреца! Он действительно умел читать людей! Императрица просит его встречаться с людьми, которых она будет предлагать своему мужу назначать на важные посты. Она постоянно просит Распутина, чтобы он приезжал, «душу читал» – и докладывал ей, насколько адекватен тот или иной человек.

Царица Александра Федоровна и ее сын царевич Алексей на яхте «Штандарт».

Альбом Романовых.
Начало XX века

В 1914 году, как только начинаются проблемы на фронте, начинаются вспышки антисемитизма. Россия в начале XX века

вообще в какой-то степени антисемитская страна: во всем «виноваты» евреи, даже в пособничестве кайзеру Вильгельму. Это они «сдают» Русь Православную и шпионят. Евреи обитают на особых территориях, существует черта оседлости, им запрещено жить в больших городах, в частности в Москве и Питере. И теперь их сгоняют с мест, куда, предположительно, будут входить немецкие войска, а также с прифронтовых территорий, которые занимает русская армия, чтобы они не шпионили, не сообщали ничего немцам. На сборы евреям дается от 24 до 48 часов: берите, мол, самое необходимое и валите отсюда. И эта «пиар-кампания» была так потрясающе проведена, что евреи, как русские в 1812 году, сжигали свой скарб и уходили с насиженных мест. Вот только вранье, что уезжать их заставляли.

Впрочем, вся эта антисемитская кампания прекращается в 1915 году, евреев прекращают сгонять с мест проживания, но черта оседлости исчезнет. Евреи начинают жить где придется, и злые языки говорят, что Симонович торгует справками: к нему приходят евреи, представители диаспор; они дают ему деньги; он подходит к Распутину; Распутин – к императрице. И все вместе они торгуют разрешениями на проживание около столицы, в столице, в Москве и зарабатывают баснословные барыши. Вот тебе и Аарон Симонович. Если это дело повесить на Распутина, то набежит многое: он окажется и немецким шпионом, и сионистским пособником…

Был еще Рубинштейн, пройдоха, банкир и мошенник, которого чуть не посадили за биржевые махинации, но освободили по прямому требованию императрицы Александры Федоровны. Появляется слух, согласно которому она этого банкира Рубинштейна освободила потому, что через его банк отправляла своим немецким родственникам деньги во время войны. Как же это так, мол, мы не можем вывезти посольство, нам немцы не дают, а она своим родственникам бабки отправляет. Банкир Рубинштейн тоже был человеком из тусовки на Гороховой улице.

И наконец – Манусевич-Мануйлов. О нем сегодня можно сериал снимать, он контрразведчик, человек, который во время Русско-японской войны расшифровал японские коды. Он чем-то занимался в Риме, вроде бы политическими убийствами, был нечист на руку, занимал деньги и не отдавал… А теперь он в игре и становится как бы вторым секретарем у Распутина.

Ходят слухи, что он подкупает фельдъегерей и узнает, кому отправляет письма сам государь. Однажды он выясняет, что по вторникам царь награждал и посылал именные письма. Например, там – Ивана Ивановича наградить орденом, там –

«Красного Знамени», там – «Анну» на шею повесить и т. д. Письма попадали фельдъегерю, которому накануне давали справку, по каким адресам в понедельник поедет царская почта. А наш герой связывался с этими адресатами. «Здравствуйте, Манусевич-Мануйлов вас беспокоит. Поздравляю вас с наградой!» Человек ни сном ни духом, с какой наградой… «Увидите, милейший, и когда увидите – вы меня тогда не забудьте». И потом приходило письмо о том, что человека награждают. Создавалась ложная видимость, что Мануйлов весьма влиятельный человек. И в ту пору начинает бродить слух, что Мануйлов, Рубинштейн и Распутин вертят министерскими постами, как хотят.

К этому же времени относится слух (а может быть, и не слух), согласно которому Распутин вместе со своей кликой, Симоновичем, Рубинштейном и Манусевичем-Мануйловым, вертит императрицей России. В мае 1915 года поговаривают о том, что князь Шаховской благодаря знакомству с Распутиным получает пост министра торговли и промышленности. В сентябре 1915 года Хвостов получает пост министра внутренних дел… А потом публикуется переписка императорской четы. Царь Николай II – в Ставке, императрица – в Питере. Она его закидывает письмами; эта бомбардировка продолжается с 29 августа по 25 сентября, по момент назначения Хвостова. Она ему пишет: «Наш друг рекомендует на эту позицию Хвостова, этот человек предан тебе, он тебя любит, он верен монархии». В письмах все время встречаем: «наш друг с ним говорил», «наш друг посмотрел к нему в душу»; в итоге 25 сентября Хвостова назначают министром внутренних дел. Потом что-то происходит, и у Хвостова каким-то образом рушатся отношения с Распутиным. Поговоривают, что в одном из салонов, а то, может быть, и у себя на квартире Распутин сказал так: «Ну, Хвоста того я поменяю, потому что он меня не слушает и Мамке служить не хочет». Мамке – значит императрице Александре Федоровне.

В общем, куда ни плюнь в 1916 году, везде Распутин. И в этот момент нет более скандального человека в Российской империи. Все силы сошлись в ненависти к нему.

Начинается кампания против Хвостова, и доходит до того, что Хвостов в 1915 году публично обвиняет Распутина в

шпионаже в пользу Германии. До этого Хвостов поручает своему подчиненному Белецкому, еще одному ставленнику Распутина, убийство «старца». Белецкий отказывается, и тогда Хвостов находит какого-то человека без определенного рода деятельности и платит ему за то, чтобы тот убил Распутина. Этого человека вычисляет Белецкий, и на допросе человек дает показания на Хвостова. Грандиозный скандал. Хвостов опять обвиняет Распутина в службе германской разведке, в дурном влиянии на императрицу, прежде всего, и на монархию в целом. В марте 1916 года Хвостов уходит в отставку, его место занимает господин Протопопов, и, согласно слухам, это тоже «записочка», поданная Распутиным императрице Александре Федоровне. Но здесь нюанс: этого человека, Протопопова, рекомендовал Родзянко, злейший враг Распутина. Король Великобритании, Георг V, пишет восторженные отзывы о Протопопове: какой правильный в общении, какой потрясающий человек!

Затем 16 сентября 1916 года Протопопова назначают министром внутренних дел, и все ждут действий Распутина. Протопопова потом будто бы объявляют сумасшедшим, – возможно, он действительно сходит с ума.

Незадолго до этого происходит еще одна важная история; Штюрмер, человек, чье назначение лоббировала maman, один из трех людей, самых близких к Распутину, становится председателем Совета министров. Состоялось это назначение 20 января 1916 года. Распутин пишет за него императрице, императрица – государю. Все по схеме.

В общем, куда ни плюнь в 1916 году, везде Распутин: Распутин – Хвостов, Распутин – Протопопов; везде Распутин, куда ни плюнь. И в этот момент нет более скандального человека в Российской империи, все силы сошлись в ненависти к нему. Очень разные люди объединились, объединились в своей нелюбви к Распутину.

Председатель III и IV Государственной думы и лидер партии октябристов Гучков, лидер партии кадетов Милюков, императрица-мать Мария Федоровна, бывшие друзья Распутина архимандриты Феофан и Гермоген – все они теперь в стане его врагов. Ну, еще бы, Гермоген Распутина крестом лупил по лбу, Хвостов, бывший министр внутренних дел, назвал его шпионом… В общем, лучшие люди двора объединились в мысли: Распутин – главное зло России, и его нужно убить.

Рассказывали о разных покушениях: Распутина хотели отравить, поручили это одной балерине, но она отказалась; подсылали человека с пистолетом, пистолет не выстрелил… И тьма мистических историй. Все прекрасно знали: империя

управляется записочками Вырубовой, просьбами Распутина или Матильды. Здесь и поражения на фронте, здесь и брожение, здесь же большевики, здесь же эсэры, все кипит, у всех предчувствие катастрофы.

Первого ноября Милюков выступает в Государственной думе. Перед этой речью – большие споры: говорить ли об измене, ведь тень упадет на императорскую семью? Милюков выступает и заканчивает свою речь примерно в таком ключе: мужик Распутин оказывает влияние на императорскую семью, на всю Россию; мы терпим поражение в войне, нам надо модернизировать промышленность, а здесь такое происходит! Что это, спрашивает Милюков, глупость или измена? Речь его производит эффект взорвавшейся бомбы! 19 ноября, практически следом, монархист Пуришкевич заявляет: «В государстве дурно пахнет». Пуришкевич был известен как жуткий скандалист, он постоянно орал, его не могли заткнуть, и каждый раз он дожидался, чтобы в здание Госдумы входил военный конвой и выносил его. Он садился на плечи солдатам, которые его выносили, скрещивал руки и в таком положении покидал зал заседаний.

Императорская семья после причастия Святых Христовых Тайн. Александра Федоровна, Николай II, великая княжна Ольга Николаевна, великая княжна Татьяна Николаевна, великая княжна Мария Николаевна, великая княжна Анастасия Николаевна, царевич Алексей.

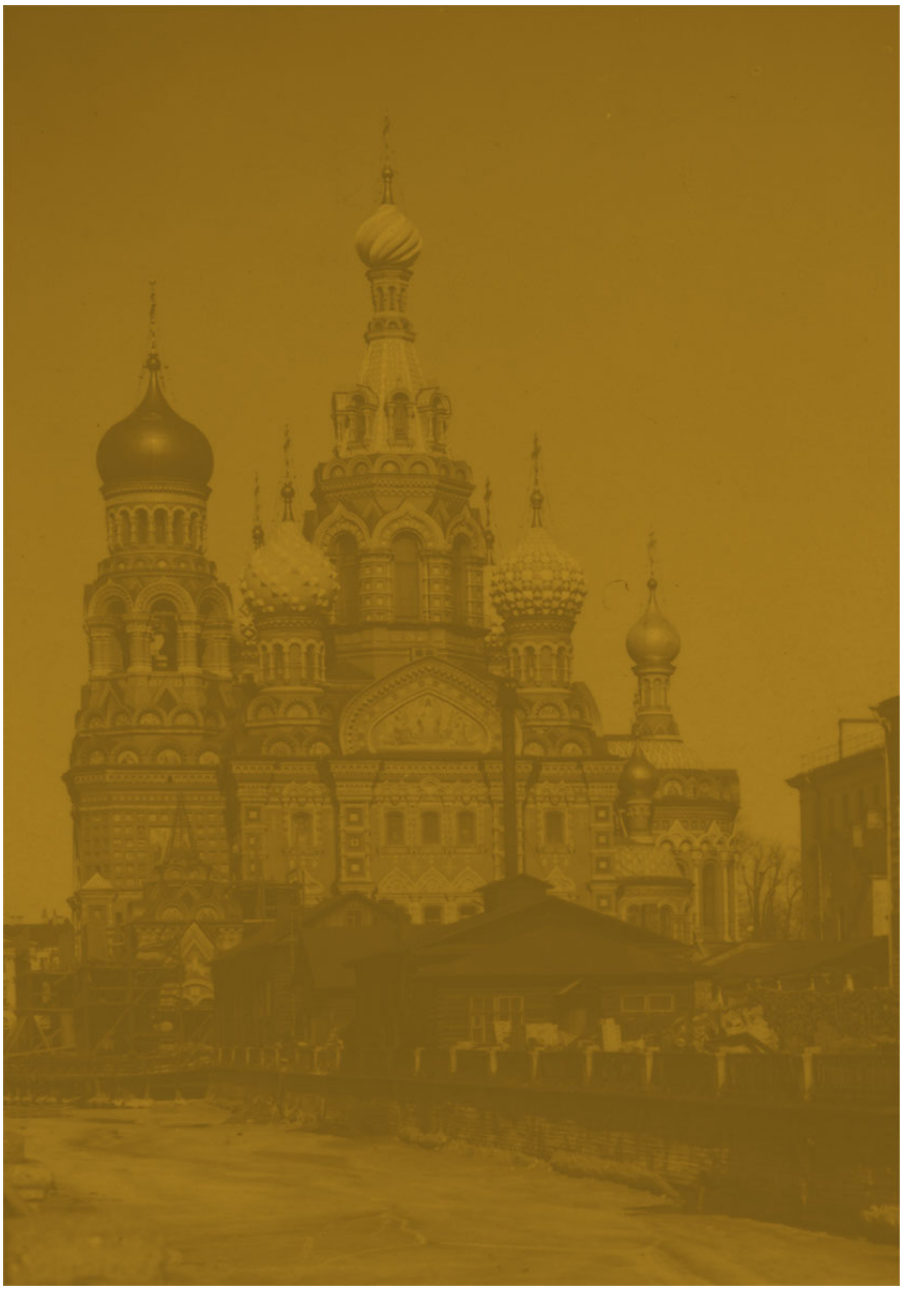
Крым, Ливадия, Ливадийский дворец.

Альбом Романовых. 1910-е годы

Как мог быть сильным Дом Романовых, если слаб был царь? Он был хорошим семьянином, но плохим руководителем. В думе находились люди, которые орали, верещали, занимались публичными скандалами, но вроде как все хотели счастья и какой-то новой судьбы своей стране. В итоге они получили революцию.

Итак, Пуришкевич – монархист Пуришкевич! – выходит на трибуну думы и напрямую обвиняет Распутина и императрицу в том, что они ведут Россию к гибели. Позже он запишет в своем дневнике, что впервые испытал чувство торжества справедливости, что два этих военных года он молчал,

малодушничал, а сейчас наконец сказал все, что нужно было сказать давно, и это может вызвать взрыв.



Рассказывали о разных покушениях: Распутина хотели отравить, поручили это одной балерине, но она отказалась; подсылали людей с пистолетом, пистолет не выстрелил… И тьма мистических историй.

Понятно, что императрица мечет в Ставку тревожные письма: мол, нападают на нашего друга, нападают уже на меня, прими меры! И так далее и тому подобное. И в этом «театре военного поражения», театре очень тяжелой, еще с 1916 года, экономической ситуации, театре политического кризиса, театре коррупции, местничества и договоренностей, играют финальный акт грандиозной драмы. После того как Пуришкевич заканчивает свою речь, с ним связывается Феликс Юсупов, единственный на тот момент оставшийся в живых младший сын не просто известной и богатой, а самой богатой семьи России. Он и его жена – самая красивая пара, и не Петербурга, а Европы. Денег у Юсупова столько, что он не знает, сколько у него денег. Позже, то ли в его мемуарах, то ли в воспоминаниях его матери, можно будет прочесть: бывало, управляющий в какой-нибудь год подойдет к Юсуповым и скажет: «Милостивые государи, в этом году вы потратили несколько больше, чем заработали»; ну, ничего страшного, заработаем в следующем году. Везде у Юсуповых есть имения, от Крыма до Петрограда, это самая богатая, самая влиятельная семья. И теперь Феликс Юсупов ищет встречи с Пуришкевичем. И Пуришкевичу сообщают, что с ним ищет встречи Феликс Юсупов. Встреча происходит, и Юсупов говорит Пуришкевичу: «Вы истинный патриот, вы друг монархии, вы радеете за государя императора и за Россию. У нас есть общий враг: имя его Григорий Распутин». Юсупов посвящает Пуришкевича в детали грядущего покушения, Пуришкевич соглашается на это мероприятие, и 30 декабря 1916 года по старому стилю Распутина убивают. На самом убийстве подробно останавливаться не стоит, очень много написано и снято на кинопленку, очень много всего вы найдете на YouTube.

Ласточкино гнездо. Крым.
Фото С. М. Прокудина-Горского.
Начало XX века

Очень коротко: в убийстве участвуют Юсупов, Пуришкевич, доктор Лазоверт, который, по одной из версий, подсыпает в любимые Распутиным пирожные яд (который «старца», впрочем, не возьмет), поручик Сухотин и великий князь Дмитрий Павлович. Этот последний, по одной из версий, добьет Распутина выстрелом из пистолета. В общем, это была совершенно потрясающая ночь.

Напрашивается вопрос: как Юсупову удалось заманить Распутина к себе во дворец? Юсупов успел втереться в доверие к Распутину, они начали общаться. За Распутиным круглосуточно велось наблюдение, а этой ночью наблюдение, то есть наружная охрана, вдруг исчезает, и Юсупов привозит Распутина к себе во дворец под предлогом знакомства со своей женой Ириной. Ирина – красавица, и под предлогом знакомства с ней Распутина вводят во дворец…

Автор этой книги, когда лет в пятнадцать-шестнадцать впервые ознакомился с этой версией событий, посчитал, что это полный бред! Мужик под предлогом знакомства со своей женой привозит другого мужика, какого-то косматого деда, к себе во

дворец, и дальше начинается самая грязь.

Юсупов, и об этом многие писали, как минимум, был бисексуалом, а скорее всего, гомосексуалистом. Говорили, что он ходил по Невскому, наряженный в женское платье, в компании со своим братом, пока тот еще был жив. Они выдавали себя за проституток, заходили в ресторан, и там, в мехах, заказывали шампанское и т. д. В общем, какие только сплетни о нем не ходили. Есть мнение, что похотливый Распутин мечтал познакомиться с женой Юсупова, и тот использовал ее как приманку. Жены Юсупова в доме не было, она находилась в Крыму.

В общем, Распутин приехал во дворец, и с этого момента все версии событий одна другой противоречат. Ему насыпали мышьяк в пирожные, он съел гору этих пирожных, все сожрал, но ничего с ним не произошло. Тогда в него выстрелили из револьвера, он упал, и подумали уже, что он умер, но вдруг «старец» выбежал во двор, и в него выстрелили еще два или три раза… В общем, было озвучено много разных версий событий. Так или иначе, означенная компания Распутина убивает, и это происходит 30 декабря по старому стилю.

А 1 января вылавливают труп. Весть об убийстве Распутина распространяется очень быстро и встречена всеобщим ликованием, особенно в армии. Армейские чины, и младшие, и старшие офицерские чины, и рядовые солдаты, приветствовали новость громогласным «ура!», так как в вооруженных силах были уверены: именно благодаря Распутину, его дрянным советам в свое время сместили с должности дядю царя, Николая Николаевича, после чего царь сам возглавил армию, что и привело к катастрофическим последствиям.

Распутин убит. Интеллигенция ликует, либералы ликуют, монархисты ликуют. Повержен всеобщий враг. Следствие начинается моментально. Юсупов, Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович начинают давать показания, и следствие моментально заканчивается по распоряжению Николая, потому что в материалах стоит фамилия Романовых. Великий князь Дмитрий Павлович, всеобщий любимец, который вел вперед сборную России на Олимпийских играх, блестящий стрелок, потрясающий всадник – палач, он участвует в убийстве. По одной из версий, именно его выстрелы стали роковыми. Почти все члены семейства Романовых, кроме, конечно, императрицы, подают бумаги на имя царя – просьбы о снисхождении к великому князю Дмитрию Павловичу и к Феликсу Юсупову. Николай отвечает: «Что же вы мне подаете бумаги, нет такого закона, который мог бы оправдать убийство, даже если они члены

царской фамилии. Ну, помилуйте».

Но тем не менее история заканчивается более-менее безболезненно: Дмитрия Павловича отправляют на персидский фронт, Юсупова с женой – в ссылку в поместье, о поручике Сухотине, который участвовал в убийстве, никто ничего не говорит, потому что если уж князя отослали в ссылку, то неизвестно что сделали бы с простым поручиком. Но поручика выгораживают, а доктор Лазоверт тем временем стремительно и загадочно исчезает. Пуришкевич уезжает на фронт… В общем, никого из этих людей кара не настигла.

Распутин убит. Интеллигенция ликует, либералы ликуют, монархисты ликуют.

Но начавшееся было следствие моментально заканчивается.

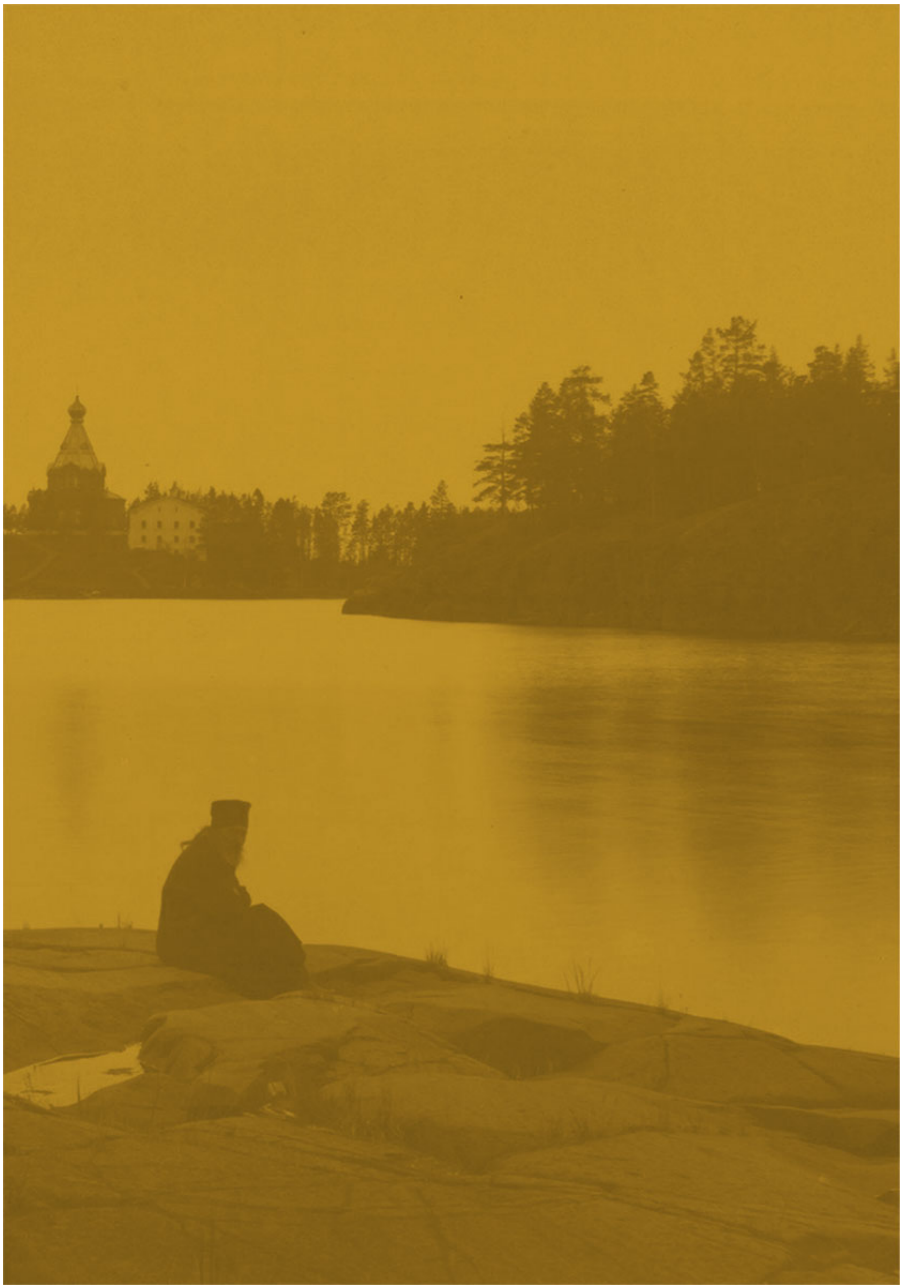
Январь 1917 года ознаменовался всеобщим консенсусом в отношении убийства Распутина: все рады и довольны, и никто не

знает, что буквально через месяц все эти люди с совершенно разными взглядами на устройство России, а с ними и вся Россия, полетят в тартарары, что сначала случится Февральская революция, потом – Октябрьская, половину перевешают, другую половину расстреляют, кто-то, впрочем, уедет в эмиграцию, и все разговоры о том, как строить Прекрасную Новую Россию, закончатся в карцерах большевистского ЧК. Страна, которая существовала прежде, будет уничтожена.

Нужно сказать два слова о том, как сложилась дальнейшая судьба убийц и семьи убиенного Распутина. Семья Юсуповых съехала за границу и счастливо прожила там до 70-х годов XX века. Денег у них было не то чтобы достаточно. В России их состояние оценивалось, по разным оценкам, от 10 до 16 миллиардов долларов, это были богатейшие люди России, Европы и мира, но с собой они почти ничего не увезли. Были пара портретов, картины Рембрандта: их продали и купили дом в Булонском лесу; там семья Юсуповых и осела. Впоследствии Юсупов выпустил две книги об убийстве Распутина.

Дочь Распутина, Матрена, которой тоже удалось мигрировать, подала иск к Юсупову и великому князю Дмитрию Павловичу, иск на 800 тысяч франков за убийство своего отца, но французское правосудие ответило, что они неподсудны: мы-де не можем судить Юсупова и Дмитрия Павловича за убийство, которое имело место в Российской империи, в стране, которой не существует. Юсупов умер в 1970 г., а его жена Ирина пережила мужа на три года.

Великий князь-палач Дмитрий умер в Давосе в 1942 году. Поручик Сухотин остался в России и женился на внучке писателя Льва Николаевича Толстого, Софье Толстой, потом его чуть было не расстреляли большевики, и ему удалось, пользуясь своими связями, уехать за границу. Юсупов оказывал ему помощь до самой смерти. Сухотин умрет в 1926 году, умрет тяжело, в мучениях. Юсупов заплатит за похороны и за содержание его в больнице. Что примечательно, Софья Толстая после отъезда Сухотина разведется с ним и выйдет замуж за Сергея Есенина.



Январь 1917 года ознаменовался всеобщим консенсусом в отношении убийства Распутина: никто еще не знает, что все разговоры о том, как строить Прекрасную Новую Россию, закончатся в карцерах большевистского ЧК.

Вот как все оказалось переплетено, но это еще не конец

истории.

Согласно другой версии событий, не было никакого доктора Лазоверта, и Распутина убил не Юсупов и не великий князь Дмитрий Павлович, а агент английской разведки Освальд Рейнер, приятель Юсупова по английскому колледжу. В 1960–1970-х годах «Би-би-си» проведет собственное расследование, в результате которого окажется, что финальный выстрел, контрольный выстрел в голову Распутина, был сделан из английского револьвера, а само убийство подготовила английская разведка. Распутин влиял на императрицу в том смысле, чтобы Россия вышла из войны, и Великобритания теряла своего самого большого союзника, союзника с самой большой армией на континенте. И британская разведка устраивает убийство Распутина. Есть версия, что доктор Лазоверт и Освальд Рейнер это одно и то же лицо, что подтверждается некоторыми фотографиями…

С Юсуповыми связано много историй. В каждом фильме, где упоминаются исторические персонажи, в титрах указано либо что история вымышленная, а значит, не основана на реальных событиях, либо что история основана на реальных событиях. В свое время «Metro-Goldwyn-Mayer» выпустили кинокартину, по сюжету которой Ирина Юсупова была любовницей Распутина. Это вызвало огромный скандал, и Юсуповы подали суд и отсудили у кинокомпании 25 тысяч фунтов, по одним оценкам, 35 тысяч долларов – по другим. С тех пор кинокомпании не пренебрегают уточнениями в титрах.

И последняя версия: убийца Распутина – Пуришкевич. Он в 1920 году умрет от тифа в Новороссийске, находясь в расположении частей Белой армии. И еще штрих, чтобы закончить на мистической ноте. По легенде, Распутин говорил: если, мол, убьют меня, то и династии конец. Действительно, так и произошло.

А через много лет внуки Юсуповых и внуки Распутина познакомятся в Греции и будут играть буквально в одной песочнице…

Распутин озвучил и еще одно предсказание. Царь с царицей хотели посмотреть его родину, и у них все не получалось туда съездить. «Старец» сказал: перед смертью, мол, еще увидите.

Гувернер Романовых, Пьер Жильяр, рассказывал следующее: когда царская семья была отправлена в ссылку в Тобольск, они плыли на пароходе, и однажды Жильяр чувствовал себя неважно и лежал в каюте. Вдруг раздался голос одной из старших великих княжон: «Жилик, Жилик! Поспеши к окну!» Жильяр поспешил к окну и, отдернув занавеску, увидел на берегу огромное село. «Это родина Григория Ефимовича, село Покровское! – воскликнула великая княжна. – Он говорил нам, что мы увидим ее!» Вот таким чудовищным образом повернулось колесо истории, и царская семья, отправляясь в ссылку, увидела место рождения своего «друга».

Великие княжны Ольга и Татьяна Николаевны со своим преподавателем, Пьером Жильяром, в Ливадии в 1911 году.

Альбом Романовых

Но отойдем от мистики и вернемся к обычной жизни. Матрена, дочь Распутина, уедет в Европу. Она будет судиться с Юсуповым, потом она попадет в Америку, и перепробует массу

профессий: и дрессировщицей в цирке, и клепальщицей на корабельной верфи. А через много лето внуки Юсуповых и внуки Распутина познакомятся в Греции и будут играть буквально в одной песочнице. Вот такая удивительная история жизни Григория Распутина и его отношений с царской семьей. Хотя, как мы уже решили, в сущности эта история не о Распутине, эта история о последних днях империи.

Под занавес истории о Григории Распутине можно вспомнить дневники Тэффи: «Он весь словно выдуманный, в легенде жил, в легенде умер и в памяти легендой облечется: полуграмотный мужик, царский советник, греховодник и молитвенник, оборотень с именем Божьим на устах».

Глава 5
Февральский переворот

«На выборгской стороне произошли беспорядки из-за хлебных затруднений. Надо только удивляться, что они до сих пор не происходили. Рабьен видел из окон посольства, как толпа рабочих на Литейном мосту повалила вагон трамвая и стала строить баррикады, навстречу им поскакали жандармы и произошла свалка. Разобрать дальнейшее было трудно…» Это пишет мужчина 46 лет, великий русский художник Александр Бенуа.

«Толпа разгромила кондитерскую Крюзи на Каменноостровском, там стоит громадная толпа. Сами видели, как какой-то очень прилично одетый молодой человек, шедший с барышней, тащил под мышкой четыре свежих булки. Говорили, что на чердаках расставлены пулеметы, из которых городовые стреляют в народ. Еще в декабре Миша, мой двоюродный брат-офицер, рассказывал, что жандармов и городовых обучают стрельбе из пулеметов. Суммирую все – ясно, что провокация…» Это из дневника русского инженера Юрия Ломоносова.

«В библиотеке консерваторский сторож сказал мне, что на Литейном, у Арсенала, происходит настоящее сражение, с ужасной стрельбой. Так как есть солдаты, перешедшие на сторону рабочих, на многих главных улицах тоже стреляют, но в консерватории занятия были, репетиции…» Это уже Сергей Прокофьев, великий русский и советский композитор.

Рабочая депутация на Дворцовой площади 1 мая.

1917

Это строчки из дневников разных людей, которые своими глазами видели Февральскую революцию 1917 года.

Где-то до пятнадцати или шестнадцати лет я думал, что единственная революция, имевшая место в России, – Великая Октябрьская социалистическая революция. Жил-был царь, потом Ленин с большевиками его свергли, и больше у нас не было никакой монархии. Дальше шла Гражданская война, в которой красные побили белых, а там уже началась история СССР… Так нас учили. Потом, уже в старших классах, где-то стала мелькать Февральская революция, какие-то там ребята ее организовали, но это все было никому не интересно. Все знали об одной, но главной революции, которая положила конец Дому Романовых.

Однако революция, которая положила конец российской монархии, произошла именно в феврале 1917 года. Когда мы говорим об этой революции, то начать следует, наверное, и вовсе с 1905 года, с Кровавого воскресенья. А то и с середины XIX века. Все, что Романовы делают в России начиная с 1850-х годов, можно описать гениальной фразой нашего с вами выдающегося современника, блогера, известного как Стас Простокласс: «А надо было раньше».

Действительно, Романовым надо было раньше отменять крепостное право, проводить земельную и другие реформы, решать национальный вопрос, отменять черту оседлости, ослаблять цензуру, надо было… надо было… надо… Но они ничего не делали, и каждый раз, когда они действовали, было уже совсем поздно… Если в 1903 году сама мысль о том, что царь дарует России парламентаризм, Государственную думу, казалась чем-то очень выдающимся, из ряда вон выходящим, то в 1905 году этого было уже мало. И так во всем…

Матильда Кшесинская.
1896

Если мы начнем анализировать каждое политическое решение последних Романовых, в частности Николая II, то увидим, что они бесконечно опаздывали. Государь император Николай II, помимо того, что был человек мягкий, очень любил

жизнь и любил женщин. Он любил делать женщинам дорогие подарки, о его связи с известной балериной Матильдой Кшесинской мои читатели наверняка знают (а если не знают, то нагуглят). Он дарил ей очень много красивых вещей – помимо дворцов и экипажей. Более того, дарил ей подарки даже после того, как женился на императрице Александре Федоровне. Так, на двадцатилетие своей карьеры Матильда Кшесинская получила от императора бриллиантового двуглавого орла с розовым сапфиром, а немногим ранее царь вместе с супругой выбрали и подарили ей брошь – змею с сапфиром-кабошоном. Да-да, он выбирал ей подарок вместе с супругой. Впрочем, Александре Федоровне государь император тоже дарил дорогие подарки, в частности, известно о коллекции яиц Фаберже: на каждую Пасху он дарил своей супруге очень красивое яйцо Фаберже, из которых сформировалась удивительная коллекция.

Романовым надо было раньше отменять крепостное право, проводить реформы… Но они ничего не делали, и каждый раз, когда они действовали, было уже совсем поздно…

Но давайте поговорим о предпосылках революции, этой беды, вызвавшей крушение государства. Пиком экономического

развития Российской империи считается 1913 год: мы прокладываем железные дороги, выплавляем металл, торгуем пшеницей, у нас профицит бюджета. Этот год до сих пор очень показателен для сравнения с состоянием экономики в России в XX веке. Все в 1913 было очень хорошо, но только в министерских отчетах: страна находилась в состоянии тлеющего конфликта, войны «всех против всех», о которой мы говорили в прошлой главе.

Императрица Александра Федоровна.
Конец XIX – начало XX века

Принято считать, что главной проблемой, ускорившей приближение революции, стала Первая мировая война. Это и так, и не так: в 1914 году, когда еще нет никакой войны, уже начинаются стачки, бунты… В Санкт-Петербурге рабочие

переворачивают трамваи, разбирают рельсы, устраивают стачки, озвучивая различные требования, от сокращения рабочей недели до повышения жалованья. Интеллигенция их поддерживает, дума тоже частично поддерживает, и общество лихорадит. Но вскоре начнется война, которая все это обнулит.

Принято считать, что главной проблемой, которая ускорила приближение революции, стала Первая мировая война.

Но в 1914 году, еще до войны, начинаются бунты…

В 1914 году был отмечен невероятный рост патриотизма и общественного единения: «Мы должны пойти надрать задницу Вильгельму за наш славянский народ, за Святую Русь! Мы должны выиграть эту войну, это наш священный долг перед нашими союзниками по Антанте, Англией-Великобританией и Францией. Наш священный долг – защитить Балканы, славян, да кого угодно, мы должны выиграть эту войну…» «Царь-батюшка, веди нас на фронт, мы за шесть месяцев (такие были прогнозы) закончим к чертовой матери войну с Вильгельмом, возьмем Берлин. Да мы его уже брали, и ничего страшного, зайдем туда еще раз, ну, и покажем заодно этим европейцам, как воюют бравые русские люди».

Петроград. Телега, запряженная парой лошадей.
Фото Д. М. Прингла. 1917–1918

Ведь действительно, русские люди всю историю хорошо воюют. Но уже в 1915 году от этого единения не остается практически ничего. Война идет не в нашу пользу, обнажая разом огромное число проблем: непрофессионализм военных, разрыв между тылом и фронтом… Мы не успеваем налаживать снабжение нашей армии, начинается знаменитый «патронный голод», у нашей артиллерии не хватает снарядов. А люди, которые отвечают за снабжение… Один великий князь пишет начальнику Генерального штаба: «Батюшка, что я могу поделать?

Вы сами знаете, у кого артиллерийский подряд: у Матильды Кшесинской». Матильда – любовница великих князей, которой, вместе с гобеленами, дворцами и бриллиантами, вот так, запросто, дали порулить одним из подрядов…» Известная балерина, естественно, на ситуации наживалась.

Война идет плохо, это тягостно отражается на жизни столиц. Конечно, можно возмутиться: разве происходившее тогда в столицах – это тяготы? Тяготы начнутся, после революции, в Гражданскую войну… Но разве может человек сравнивать свое настоящее с не наступившим еще будущим, разве всегда умеет предугадывать, что будет только хуже? Как правило, не умеет человек делать такие выводы. Поэтому не будем винить москвичей и петербуржцев 1915–1916 годов.

Что же происходит в 1916 году? В городе проблемы со снабжением, появляются «хвосты» (так называются очереди): люди стоят в булочных, в мясных и овощных лавках. Начинаются перебои с поставками хлеба, мяса и другого продовольствия. Это главная проблема. Вслед за этим – перебои с углем и дровами: они тоже не поставляются. С одной стороны, они нужны фронту, а с другой стороны, и на фронте проблемы с логистикой.

Вся логистика нацелена на фронт. Туда везут провиант, патроны, снаряды, еду, уголь и дрова, обратно везут раненых, обратно везут покалеченных, обратно едут беженцы, и все это плохо функционирует.

При этом железные дороги в имперской России отлично работают и оснащены, в сравнении с тем, как они будут работать буквально через год, в канун Октябрьской революции и Гражданской войны. Идет война, но, понятно, люди, которые сидят в кабаках, в кафешантанах, операх и всевозможных увеселительных заведениях Москвы и Петербурга, этой войны не ощущают: они пьют, гуляют, у них цыгане, медведи… У них все хорошо, и у них есть время говорить о том, что происходит. Но их все равно не устраивает, что их быт нарушен, не устраивают эти перебои с дровами, и углем, и едой, не устраивает нарушение обычной динамики.

В Санкт-Петербурге начинаются проблемы с внутренней логистикой. Трамваи начинают ходить не по расписанию. Кроме того, в городе появляется очень много новых людей. Во-первых, это беженцы, которые бегут потому, что русская армия отступает: люди бегут, и некоторые добегают до столицы. Во-вторых, солдаты: одни приезжают в отпуск, другие передислоцируются, а третьи – просто дезертиры. Солдаты в столице лечатся в госпиталях: выздоравливая, они начинают ходить по Санкт-Петербургу… Наличие такого огромного количества войск в

городах – это одна из ошибок Николая II как военачальника. Петербург и крупные города не стоило делать перевалочными базами. В столице много войск, одни войска приезжают, другие войска выезжают. Естественно, солдаты видят, что здесь «жирует тыл». И в этом компоте родится огромное количество слухов, совершенно разных. Питер наводнен шпионами, повсюду немецкие шпионы, и одна из главных шпионок, самая главная шпионка – сама императрица. И, разумеется, шпионом является Распутин.

«Батюшка, что я могу поделать? Вы сами знаете, у кого артиллерийский подряд: у Матильды Кшесинской».

Распутин и императрица – это люди, которые Россию до добра не доведут. Они настраивают всех против императора, против Николая II, и они, это совершенно точно, существуют на немецкие деньги. И все это якобы знают, это все знают… Ходят

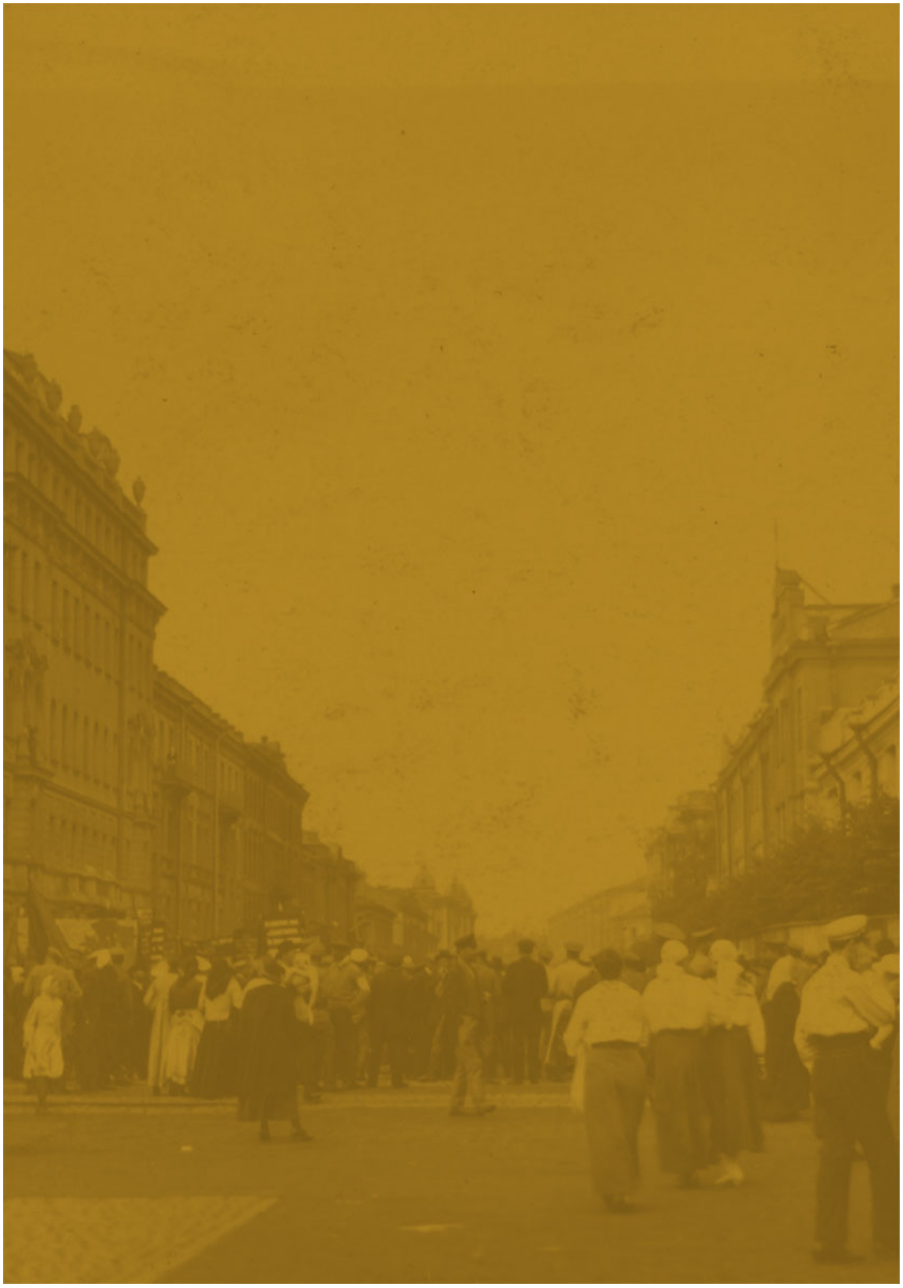
слухи, слухи беспочвенные, но почвы слухам не нужно, они на то и слухи. Но есть и факты: все дорожает, многие вещи становятся предметами спекуляции, кому война, а кому, знаете ли, мать родна. На спекулятивных ценах наживаются всевозможного рода барыги, совершенно новый тип людей. Они быстро зарабатывают большие деньги: кому-то надо сына от армии «отмазать», кому-то надо получить часть оборонного заказа, кому то, кому се… У нас были проблемы с медикаментами. За XX век мы решили эту проблему, но, как и тогда, так сейчас огромное количество медикаментов великая Россия получает из-за рубежа. Тогда одним из основных поставщиков медикаментов была Германия. С Германией мы воюем. Где взять медикаменты? Их переправляют через Швецию и Финляндию и с восьмикратной наценкой продают в Москве и Санкт-Петербурге. Кому такое могло понравиться? Никому, кроме тех, кто на этом наживался.

Далее. Интеллигенция сидит в ресторанах и кафе и рассуждает о том, что надо бы, конечно, отправить царя в отставку. Лучше бы повесить, но можно и расстрелять, хотя вообще – мы же интеллигентные русские люди, не кровожадные. Блок, Брюсов и вся тусовка Серебряного века приветствуют революцию: «Славлю вас, грядущие гунны…» и так далее. Эти прекраснодушные люди не понимают, что многие из них потом уйдут на эшафот, многие – в питерские Кресты, многих расстреляют в сыром подвале… Об этом еще никто не думает, но все утомлены царизмом. Середина 1916 года: надоел этот царь, и вообще невозможно так жить.

Появляется новый социальный слой – фабричная молодежь. Как мы уже выяснили, в 1913 году Россия находилась на пике своей экономической мощи; очень много заводов строилось в Москве и Санкт-Петербурге; вчерашние крестьяне приезжали работать в города в качестве сезонных рабочих (до весны, когда пора будет возвращаться возделывать землю). Некоторые приезжали и оставались, формируя класс рабочей интеллигенции или рабочей аристократии. У них хорошие деньги, их дети учатся в гимназиях. Но эта рабочая молодежь живет в бедных кварталах, и, естественно, как это заведено испокон веков, бедные кварталы ведут войну с богатыми кварталами. Молодые фабричные пареньки едут в центр Санкт-Петербурга будить местных жителей – кого-то, может быть, пограбить, у кого-то что-то отнять.

Самая главная забава – кинуть гайкой в полицейского: полицейских на Руси не любят. Пассионарная фабричная молодежь хочет распоряжаться своей жизнью, хочет уважения, хочет себя манифестировать, хочет какой-то «движухи». Воздух вокруг накаливается, что-то грядет, и эта молодежь хочет принять

участие в грядущих событиях. И, безусловно, примет.



Блок, Брюсов и вся тусовка Серебряного века приветствуют революцию. Эти прекраснодушные люди не понимают, что многие из них потом уйдут на эшафот, кого-то из них потом расстреляют в сыром подвале…

Еще один интересный социальный слой – еврейская молодежь. У этих людей нет социальных лифтов, их родителей только что выгнали в результате отступления Русской армии за линию фронта, и теперь они пытаются устроиться в России. Нарушена их черта оседлости, их права попраны, карьеры им не сделать, образования не получить – поэтому они идут в «бомбисты». Не все, конечно, но многие: а все потому, что они пассионарные, умные ребята, но реализоваться у них никак не получается.

Большая проблема в то время – нехватка полиции. Откуда эти казаки с нагайками? Полицейских заменяли военными. Правда, полицейских учили ловить, заламывать руки, отводить в околоток, допрашивать. А чему учили солдат? Колоть штыком и в крайних случаях стрелять. И казак колет и стреляет, как следствие – насилие и трупы. Этот маховик насилия всегда раскручивается с двух сторон, и именно этот процесс характеризуется сухой фразой из учебника: «конфликт между властью и обществом».

С плебсом понятно, а что же с элитами? Без брожения умов в элитах никакой революции никогда не получается. Начнем с буржуазии. Она представлена среди многочисленных партий Государственной думы; у буржуазии есть деньги; во время войны буржуазия организовала несколько союзов, и самые большие – Всероссийский земский союз, Городской союз и Центральный военно-промышленный комитет.

Эти союзы собирают деньги, помогают фронту провиантом и снабжением, устраивают госпитали. В госпиталях работают, помимо обычного персонала, жены богатых людей. В госпиталях, например в Крыму, работают члены царской семьи. И это не зазорно, даже считается хорошим тоном.

Большая проблема в то время – нехватка полиции. Полицейских заменяли военными. Но чему учили солдат? Колоть штыком и стрелять…

В чем плюсы и минусы этих союзов? В Москве, например, эти союзы контролируют рабочие комитеты, и, когда начинаются стачки на предприятиях, они, через рабочие комитеты, решают

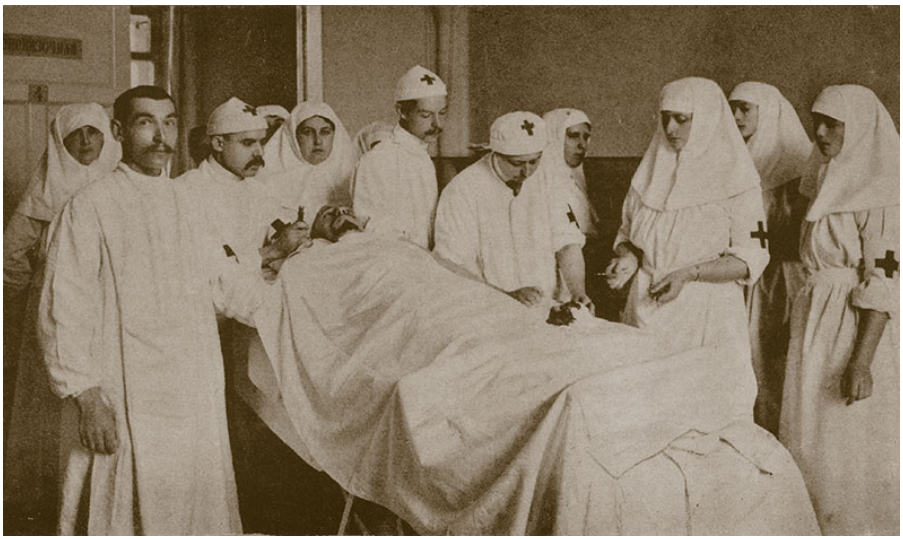
вопросы стачки деньгами. В Питере, наоборот, большинство этих союзов промышленников считают возможным влиять на власть иным образом, а именно – угрозами: «За нами работники, их много, если мы сейчас не будем сдерживать их, мы выпустим их на вас, уважаемые самодержавные товарищи». К концу 1916 года ситуация становится все тяжелее, и Гучков, глава Центрального военно-промышленного комитета, позднее напишет, что уже в то время готовился заговор против царя. В общем, члены буржуазных общественных организаций, союзов, готовы были «заходить деньгами» в решении разных вопросов и действительно планировали свергнуть царя.

Великие княжны Ольга и Татьяна в перевязочном пункте в лазарете.

1914

В Государственной думе были представлены следующие силы: октябристы, националисты, правые, кадеты, прогрессисты,

центристы, социал-демократы, трудовики, беспартийные. Дума полностью оппозиционна правительству и государю императору. Чем хуже дела на фронте, тем больше растет авторитет думы. Эта тенденция проявляется в конце 1915 года и продолжается весь 1916 год.



Александра Федоровна с дочерями ассистирует княжне Вере Гердойц в операционной. Анна Вырубова у изголовья.

1915

И осенью 1916 года в умах российских элит, буржуазии, думы, а впоследствии и царской семьи появляется идея «ответственного министерства». О чем же шла речь? Прежде правительство несло ответственность только перед одним человеком – перед государем императором. Теперь в чрезвычайных ситуациях правительство должно было давать отчет в своих действиях парламенту, то есть Государственной думе. И эта идея захватывает умы, все чувствуют, что найден спасательный круг: кажется, воспользуйся им сейчас, и все срастется, все снова станет хорошо. Некоторые участники этого великого брожения воспринимают идею «ответственного министерства» для чрезвычайной ситуации как панацею, другая часть общества считает, что это первый шаг к конституционной монархии. Кто-то еще, например государыня императрица, считает, что дело пахнет изменой. Повторимся, дума полностью оппозиционна Романовым, дума оппозиционна Николаю, и это только начало.

Многие историки считают истоком Февральской революции события 1 ноября 1916 года: речь главы прогрессистов Милюкова,

направленную против царицы и против премьер-министра Штюрмера. Эта речь называется «Глупость или измена?» В этой речи Милюков приводит данные, согласно которым Петербург наводнен немецкими шпионами. Ходят слухи, что триумвират – царица, премьер-министр и Распутин – хочет отдать Россию немцам. Ходят слухи о сепаратном мире с Германией, но помыслить о том, что дума наедет на царскую семью, до 1 ноября 1916 года, никто не мог. Впрочем, таково свойство истории: еще вчера невозможно было во что-то поверить, а сегодня это уже само собой разумеется. И пощечина, которую Милюков с думской трибуны нанес императрице и царю, не вызывает никакой обратной реакции. Штюрмера вскорости отправляют в отставку, и в обществе поселяется мысль: «Значит, Милюков прав, ну, конечно, измена! Не зря же нам отдали, скормили этого Штюрмера. А ведь на самом деле скормить нам следовало и императрицу с Распутиным». Впрочем, Распутина, как мы помним, позже «скормят»…

Еще одна важная сила – это сообщество, которое позднее назовут «великокняжеской фрондой». Великий князь Николай Михайлович, дядя царя Николая II, великий князь Александр Михайлович, мать государя Мария Федоровна и великий князь Павел Александрович напрямую потребуют от Николая II конституцию. Великий князь Дмитрий Павлович позже окажется одним из убийц Распутина, а пока «великокняжеская фронда» настроена против царя и царицы. Все понимают, что так жить дальше совершенно невозможно. Впоследствии, в марте 1917 года, три великих князя напишут проект полной конституции русского народа.

Многие историки считают истоком Февральской революции речь главы прогрессистов Милюкова под названием «Глупость или измена?» Милюков приводит данные, согласно которым Петербург наводнен немецкими шпионами.

Меня всегда занимал вопрос: почему, когда от престола

отрекся Николай, а следом – его брат Михаил, никто из великих князей, стоявших дальше в династическом порядке, не захотел взять власть в свои руки? Да, кто-то состоял в морганатическом браке, кто-то долго жил за границей, кто-то просто боялся ответственности… В общем, все эти великие князья отступили… А пока, в ноябре 1916 года, «великокняжеская фронда» тоже хочет «ответственного министерства» и устранения Распутина. Последний козырь в этой колоде – глава думы, председатель Родзянко, который тоже, вместе с «великокняжеской фрондой», требует «ответственного министерства». Общее мнение: господин Романов, дайте, мол, нам как минимум конституционную монархию, потому что так уже жить нельзя. В то же время среди «великокняжеской фронды», в думе, среди всех этих союзов промышленников возникают более или менее различные идеи устранения царя: свержение царя, создание ситуации для отречения царя, вплоть до убийства царя. Разные имена звучат в ответ на вопрос, кому предстоит передать власть. В частности, одно из таких имен – великий князь Николай Николаевич. Насчитывается более тридцати заговоров! Конечно, об этих заговорах знает царь, а потому уместно задать главный вопрос: «А что же Романов? А что господин Романов, Государь Всея Руси Николай II, он – что?»

К этому моменту он наделал уже массу кадровых ошибок: как мы уже говорили, он был плохим политиком. Он мог быть хорошим политиком и даже государем, может быть, в 1600 году, в 1700 году – уже с натяжкой, а для 1917 года он – плохой политик, плохой менеджер, плохой администратор, плохой царедворец. Он не создает своего «ближнего круга», своей «команды» – это не по нему, он не умеет играть в эти игры. Он постоянно делает ошибки в кадрах, назначениях, он плохой полководец, что доказывает на фронте. Самое страшное, что он ни черта не понимает в том, как устроена страна. Вдумаемся, как звучит: «царь, государь всея Руси»… Но он ни черта не понимает, что это такое. Ему пишут великие князья: «Жена тебя обманывает, ты не знаешь, что творится в тылу; ты не понимаешь, что творится в Туркестане, в Петрограде…»

Ноябрь 1916 года. Все говорят, что Распутин назначает министров, что Распутин приносит императрице бумаги на стол, а она уже сообщает Николаю, кого ставить. Он ставит тех, о ком она говорит, так как не умеет работать с общественным мнением. Он еще скажет Керенскому, о котором мы еще вспомним: «Как жаль, что мы с вами не познакомились раньше».

Почему, когда от престола отрекся Николай, а следом – его брат Михаил, никто из великих князей, стоявших дальше в династическом порядке, не захотел взять власть в свои руки?

Как же это может быть, Романов, а где вы раньше были, на Марсе? Вы не видели, что Керенский – восходящая звезда

Государственной думы? Ах да, вы же просто в думу не приезжали… Вернее, приехали однажды, и эффекта «пиар-акции», которую вы провели, хватило на две недели. Вы же этим не занимаетесь, вы не умеете работать с общественным мнением, вы же считаете себя выше этого: зачем, мол, этот «пиар», кому нужен? Это же что-то чуждое – какая-то реклама, пиар, – это пусть остается на Западе, в Америке… Вы же выше этого, вы же «помазанник Божий»…

Почему, собственно, не было расследовано убийство Распутина? В народе думают: не расследовано, значит, правильно, что его убили. Арестовали только некоего Пуришкевича, а теперь он опять свободен, уехал на фронт. Почему же никого не посадили? Значит, царю нужно было устранить Распутина?..

Война – это тяжелейшее испытание даже для умелого политика, умелого дипломата, умелого менеджера. Страшно представить, что означает соорудить линию фронта, который простирается на десятки, на сотни километров. Ее надо подготовить, вырыть окопы, поставить батареи, наладить провиант и снабжение. Это очень тяжкий труд, и Николай с этим не справляется. Да, система насквозь коррумпированная, но он не справляется, потому что для этого нужен талант, а таланта нет. Царь поразительно невосприимчив даже к собственной матери. Она уже среди «великокняжеской фронды», но он все равно не слушает ее. Но дело главным образом в том, что царь не понимает своей страны.

Николай верил в русский народ, но это была «вера-дурочка». Он думал, что есть какой-то «великий русский народ-богомолец», который имеет с ним сакральную связь, которая идет еще от Рюриковичей. А министры, дума, военные, попы – это все прослойка: только у него – прямая духовная связь с народом. Поэтому, должно быть, считал он, добрый русский народ государя никогда не сдаст. Москва и Питер – два центра России? Нет, центрами их ошибочно считают интеллигенция, правительство и дума, а это всего лишь два города на карте Святой Руси. А сама Русь огромная, и куда ни поедет государь, везде его с любовью встретят… Эту веру подогревали Распутин и всевозможные черносотенные организации, такие как Союз Михаила Архангела, которые писали царю подложные письма от русских крестьян и татар. Письма были примерно следующими: «Государь-батюшка, знаешь, как-то ты жестко обошелся на „кровавое воскресенье”. Мы – мужики простые и все сделаем, поддержим, конечно, если что, мы выйдем грудью тебя защищать!» Но надо ли говорить, что, когда началась Февральская революция, когда царя склоняли к

отречению от престола, никто не поднял голову и не возвысил свой голос; ни один черносотенец, который до этого громил витрины еврейских булочных, не вышел на улицу защищать государя. Все отвернулись от царя.

Николай – плохой политик, плохой менеджер, плохой администратор, плохой царедворец. Самое

страшное, что он ни черта не понимает в том, как устроена страна.

Да и царь ведет себя очень странно, царь ничего не понимает… Здесь уместно вспомнить гениальную мысль генерала царского охранного отделения, Александра Спиридовича из потрясающей книги

На жнитве.
Фото С. М. Прокудина-Горского.
Начало XX века

«Великая война и Февральская революция». Вот он описывает обстановку 5 марта 1917 года: «Повидав кое-кого из охранного отделения понял, что они смотрели на положение дел – безнадежно. Надвигается катастрофа, а министр видимо не понимает обстановки и должные меры не принимаются. Будет беда. Убийство Распутина положило начало какому-то хаосу, какой-то анархии. Все ждут какого-то переворота. Кто его сделает, где, как, когда – никто ничего не знает. А все говорят и все ждут. Попав же на квартиру одного приятеля, серьезного

информатора, знающего все и вся, соприкасающегося и с политическими общественными кругами, и с прессой и миром охраны, получил как бы синтез об общем натиске на правительство, на Верховную Власть. Царицу ненавидят, Государя больше не хотят. За пять месяцев моего отсутствия как бы все переродилось. Об уходе Государя говорили как бы о смене неугодного министра. О том, что скоро убьют Царицу и Вырубову, говорили так же просто, как о какой-то госпитальной операции. Называли офицеров, которые якобы готовы на выступление, называли некоторые полки, говорили о заговоре Великих Князей, чуть не все называли В. К. [великого князя. – *С. М.*] Михаила Александровича будущим Регентом».

Великий князь Константин Константинович.
1870

Итак, Спиридович измерил среднюю температуру по больнице. Здесь заговор, там недовольство, тут недовольство недовольством, все против всех, и главный вопрос, который всегда задают историкам и который задают историки: а можно ли было этой революции избежать? И знаете – нет, невозможно было никак ее избежать. Даже если бы Ленина задавил трамвай или телега зашибла Керенского, нашлись бы другие люди, которые организовали эту революцию, ибо дальше так жить было невозможно.

Лубочная картинка.
Издание И. Т. Губанова, Киев. 1914

Выше мы разобрали целый ряд экономических, политических и социальных предпосылок революции. Весь декабрь 1916 года, январь и первую половину февраля 1917 года общественное напряжение продолжало нарастать. Не было расследовано убийство Распутина, и люди считают, что «так и было нужно». На фронте без перемен, все ждут обещанного апрельского наступления. А наступление было обещано – союзникам по Антанте, Великобритании и Франции.

Война – это тяжелейшее испытание даже для умелого политика, умелого дипломата, умелого менеджера. Это очень тяжкий труд, и Николай с ним не справляется.

И политические силы России понимают, что если до апреля не произойдет никаких перемен, то царь, скорее всего, удержится

на престоле. Если апрельское наступление, которое движимо каким-то еще оставшимся патриотизмом, ждет успех, тогда монархии ничто не грозит. Во всяком случае, Гучков и Милюков будут вспоминать: если бы ничего не произошло до апреля, ничего бы не произошло вовсе. Бытовые проблемы продолжали нарастать, в стране шла война, и вот 23 февраля 1917 года женщины требуют хлеба, потому что начинается…

…впрочем, еще не катастрофа. Настоящая катастрофа грянет после 1917–1918 годов, когда в обеих столицах хлеба не будет. Голода еще нет, но женщины начинают требовать хлеба. Возникает огромное количество «хвостов», очередей. Начинаются демонстрации, стачки. А что делает в этот момент Государственная дума, которая позже во всех учебниках будет описана как главный нерв революции? А ничего. Она не призывает ни к каким выходам на улицы, ни к каким стачкам и не участвует пока ни в каком «бурлении масс», которое все же начинается без ее участия. Что делает царь Николай II? Министр Протопопов уверяет царя: в столице все под контролем, все хорошо, и царь отбывает в Могилев, в Ставку, на фронт. Дальше события ускоряются.

Лубочная картинка.
Издание И. Т. Губанова, Киев. 1914

Об уходе государя говорили, как о смене неугодного министра; о том, что скоро убьют царицу и Вырубову, подругу царицы, фаворитку, говорили так же просто, как о какой-то госпитальной операции…

Демонстрации начинают нарастать 23–27 февраля. Сначала на улицы выходят 100 тысяч рабочих, потом их число увеличится

до 300 тысяч. Для Петербурга это просто невероятное число. Ни в Москве, ни в России об этом еще не знают. Казаки и полицейские пытаются что-то делать, они стреляют в народ, бьют людей нагайками, но никого уже не удержать, никто уже не боится, и вот, по свидетельству очевидцев, когда солдаты начинают стрелять поверх голов, толпа отвечает смехом. Когда солдаты начнут стрелять в толпу и на снег падут первые убитые, толпа рассеется, но только по подворотням, и потом соберется вновь. Люди понимают, что, в общем, город принадлежит им. Они начинают ходить по улице огромными толпами, но у них еще нет никакого оружия. Тем не менее полиция уже не справляется, и в Ставку, в Могилев, летят телеграммы Николаю II: ситуация надвигается, в общем, достаточно сложная, пока не катастрофичная, но…

Петроград. Женщины маршируют к Думе.
Фото Д. М. Прингла. 1917–1918

Когда солдаты начнут стрелять в толпу и на снег падут первые убитые, толпа рассеется, но скоро соберется вновь. Люди понимают, что, в общем, город принадлежит им…

Мы должны помнить, что любой начальник департамента боится замминистра, замминистра боится министра, министр

боится премьер-министра, первый премьер-министр – царя, все боятся говорить правду, все начинают врать, говорить: «довольно тяжелая», «не катастрофическая», «не самая легкая ситуация, которую мы, однако, сможем разрешить»… Такие формулировки я много раз слышал на всяких разных совещаниях по сложным вопросам. Все всегда пытаются начальству сказать: все о'кей, ну, так, есть проблема… А царю уже великие князья пишут: «Государь император Николай Александрович, как это ты не понимаешь, что творится в Петербурге?» И царь распускает думу. Точнее говоря, он приостанавливает собрание думы, и дума расходится. Члены думы еще сидят в Таврическом дворце, но бездействуют.

Николай со своей семьей на смотре войск в 1916 году.
Альбом Романовых

Надпись: «1917 г. Дни революции. Войска на Литейном проспекте».

Фото.

Двадцать седьмого февраля массовые протесты переходят в вооруженное восстание. В Питере расквартировано много солдат, много армейских частей, сейчас это узловой центр переброски частей на фронт. Начинается четвертая волна призыва. Солдаты – это люди, которые уже когда-то служили в армии, люди более старшего возраста и деревенские парни, совсем молодняк. Размещены они, условно говоря, «вповалку». В казарму на двадцать тысяч человек запихивают сорок тысяч. Спят они по очереди, спят «вприсядку», на фронт ехать не хотят, в казармах этих сидеть не хотят, условия содержания скотские. В казармах и начинается восстание: солдаты начинают убивать офицеров; офицеры пытаются образумить солдат, солдаты поднимают восстание и будят соседей. Соседние части также берут оружие и выходят на улицу. 20 февраля Петроградский гарнизон и Балтийский флот переходят на сторону революционеров. Начинается захват госучреждений, по классической схеме: арсенал, правительственные учреждения, суд, телефон, телеграф. Ленин потом скажет, что это он придумал, но все это было изобретено прежде. Одна часть демонстрантов сжигает здание окружного суда. Вторая часть демонстрантов идет в «Кресты», знаменитую тюрьму, и освобождает оттуда практически всех, в особенности политзаключенных. В основном это леваки, члены большевистской партии, которых арестовали в январе, чтобы обезглавить готовящийся протест. У восставших – у солдат, у

пролетариата, у рабочих, у крестьян, у гражданского населения, вообще у всех тех, кто находится на улице, – появляется оружие. Солдаты готовы стрелять, они стреляют в ответ по казакам. Глава думы Родзянко строчит телеграмму царю в Ставку: мол, у нас одни солдаты стреляют в других солдат. И это более или менее соотвествует действительности. Открытое восстание начинается 27 февраля, и Александр Керенский, будущий глава Временного правительства, впоследствии скажет: «Революция случилась за 72 часа». Следите за руками, смотрите, как все происходит. Столица захвачена, никакого сопротивления ни правительство, ни воинские части уже не оказывают. Солдаты смешались с гражданскими, все кричат: «Долой царя, долой Романовых, долой самодержавие, долой войну, хлеба…»

Петроград. Демонстрация.
Фото Д. М. Прингла. 1917–1918

Итак, 27 февраля вооруженная толпа подходит к Таврическому дворцу. Толпа окружает дворец, в котором заседает дума. Дума указом царя распущена, но члены думы не расходятся: они как бы собрались здесь частным порядком. Эти люди принимают решение назвать себя «временным комитетом», и позже Милюков лицемерно напишет: мол, это дума превратила восстание в революцию; мы, дума, дали им знамя; мы, дума, стали их центром; мы создали революцию. Моментально, по образцу 1905 года, образуется Петроградский Совет рабочих депутатов; к нему позже добавятся «солдатские депутаты», но пока, по традиции 1905 года, он называется Советом рабочих депутатов. Это сильная организация. Во всех государственных зданиях начинаются аресты министров. Параллельно в Ставке

царь Николай II до сих пор не понимает, что происходит…

Петроград. Кавалеристы.
Фото Д. М. Прингла.
1917–1918

> Начальник департамента боится замминистра, замминистра боится министра, министр боится премьер-министра, первый премьер-министр – царя, все боятся говорить правду, все начинают врать…

Члены думы вышли навстречу бунтовщикам. Сидели себе люди в хороших костюмах в кабинетах Таврического дворца, снаружи бушевала толпа солдат, матросов и рабочих. Вдруг они услышали, что толпа пришла их защитить от царя, и они решили возглавить эту толпу. В означенный момент встретились две силы, которые нужны для любого государственного переворота: улица и представители более или менее официальной власти. Даже если бы не было думы, подошли бы любые представители этой второй силы – и отколовшиеся министры, и какие-нибудь люди с официальными мандатами, готовые сомкнуться с улицей. Так началась революция.

Автомобиль, оснащенный лыжами и трассами для движения по снегу. Надпись: «1917 г. Дни революции. Автомобиль-сани бывшего царя Николая II».

Фото

Что в этот момент мог сделать царь Николай? Да ничего. Какие-то действия, конечно, были возможны, все же находился царь на фронте, где также находилась лояльная ему многомиллионная армия. Он мог, например, написать своим союзникам по Антанте (дело бесчестное, но ради спасения страны годное): «Дорогие друзья, я выхожу из войны. Уважаемый кузен король Великобритании, прости великодушно, премьер-министр Франции Совиньи, кайзер Вильгельм, давай по-братски обнимемся с тобой, у меня тут революция…»

Итак, 27 февраля вооруженная толпа подходит к Таврическому дворцу. Позже Милюков лицемерно напишет: мол, это дума превратила восстание в революцию.

Николай мог взять верные ему части и разорвать этот Петербург, расстрелять его. Вышло триста тысяч? Значит, нужно

вывести тридцать или пятьдесят тысяч вооруженных солдат, начать гражданскую войну, утопить город в крови, и, возможно, революция не состоится. Но царь и в самом деле был великодушный человек… Кроме того, он ни секунды не думал о том, чтобы выйти из войны, он хотел довести ее до победного конца. И после своего отречения, в последней речи к войскам, он скажет об этом. «Берегите Россию, воюйте до победного конца», – скажет Николай Романов. Он боялся гражданской войны, войны, как тогда говорили, братоубийственной, и поэтому, конечно, он не пошел с войсками на столицу. Хотя к этому были готовы многие генералы: генерал Иванов и, я думаю, Корнилов подключились бы к этому мероприятию… Некоторые генералы могли бы утопить в крови Санкт-Петербург.

Повторимся: никто в России, даже Москва, еще не знает о том, что происходит в Питере. А в Питере произошла та самая «революция за 72 часа», по выражению Керенского. По инициативе Родзянко создается Временный комитет Государственной думы, и Родзянко встает во главе этого комитета. Цель комитета – наведение порядка и формирование нового правительства. Параллельно создается Петроградский Совет рабочих (и впоследствии солдатских) депутатов, социалистический орган власти.

Временное правительство, пока абсолютно безвластное, начинает переговоры с государем. Обратим внимание, как действует самодержец. Самодержцу говорят, что Питер фактически перешел в руки восставших. 1 марта начинается бунт в Москве, а там, по слухам, еще держится Московский гарнизон. Все равно ситуация очень тяжелая, и чтобы понимать, в каком отрыве от реальности находится Николай II, скажем, что он 1 марта начинает торговаться и предлагает созвать «ответственное министерство». Мы помним, что «ответственное министерство» – это царское правительство, которое отвечает не перед царем, а перед Государственной думой. То, чего все хотели в 1916 году, Николай предлагает сейчас. Представьте, вы проиграли в карты машину, квартиру и т. д. и говорите: «Так, дайте мне телефон, на минуточку, надо позвонить…» Вам в ответ: «Ты уже не только телефон, но и квартиру просадил. А телефон тебе нужен был четыре часа назад…»

В общем, 1 марта царь предлагает: давайте временно сделаем «ответственное министерство»; телеграмма уходит в Питер.

Через несколько часов ему отвечает Родзянко: мол, государь, вы плохо понимаете, что творится в стране! Мы еле-еле удерживаем народ от гражданской войны. Родзянко врет, никакого у него влияния нет, никого и ничего удержать он не

может. Но он делает вид, что у него и у Временного комитета есть властные рычаги. Пока царь торгуется с Родзянко, тогда же, 1 марта в Таврическом дворце происходят переговоры Временного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Петросовет согласился предоставить Временному комитету право на формирование правительства, и Временный комитет выходит с программой из восьми пунктов. Назовем их:

• полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим, покушениям, военным восстаниям, аграрным преступлениям;

• свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек;

• распространение политических свобод на военнослужащих в пределах, допустимых военно-техническими условиями, то есть войной;

• отмена всех сословных, вероисповедальных ограничений;

• немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного и тайного, прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления, конституцию страны;

• замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления;

• выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования;

• неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

Здесь нужно сделать еще одну ремарку: объяснить, почему правительство называлось «временным». Дело в том, что это было правительство переходного периода, готовившее передачу всей власти Учредительному собранию, о выборах в которое, собственно, и говорится в означенном документе. Это первый документ Временного комитета.

На царя давят со всех сторон, давит все ближайшее окружение – и министры, которых уже отставили в этот момент и как бы даже арестовали, и, самое главное, его родня…

Петросовет тем временем выпускает «Приказ № 1»; какие темы поднимает этот документ? Отмена субординации в армии,

самоуправление в армии, солдатские комитеты, которые состояли бы из низовых солдат. Иными словами: вон из армии, офицерская власть! вся власть нижним чинам! Таким образом, приказ дезорганизует армию, которая находится в состоянии войны.

Его Императорское Высочество Великий Князь Андрей Владимирович в образе сокольничего на балу.
1903

Приказ предательский, но все же в армии никакой полной дезорганизации не наступает, все-таки идет война. Но в этот момент начинается то, что историки назовут словом

«двоевластие». С одной стороны, у нас есть Временное правительство (легитимная власть), с другой стороны – у нас есть Петросовет, под Петросоветом армия, флот, Петроградский гарнизон, то есть сила, которая удерживает телефон, телеграф и железную дорогу.

На царя давят со всех сторон, давит все ближайшее окружение – и министры, которых уже отставили в этот момент и как бы даже арестовали, и, самое главное, его родня. И 2 марта, приблизительно в три часа дня, он подписывает отречение (за себя и за сына) – в пользу Михаила Александровича Романова. Строго говоря, не имел он права подписывать отречение за своего сына, это было вне династических правил, но, как мы помним, цесаревич болел, и царь, как отец, хотел защитить его, вот и подписал отречение от престола за себя и за цесаревича в пользу Михаила Александровича Романова.

У церкви были трения с государством, но впоследствии многие церковники скажут, что они, конечно, хотели Россию спасти, не допустить революции, стояли за царя.

После отречения происходит следующее: 3 марта принимается Декларация о Временном правительстве, потом идет

первое заявление Временного правительства, те самые восемь пунктов: от амнистии политическим заключенным до подготовки к выборам в Учредительное собрание. И тогда же, 3 марта, Михаил Романов, после консультаций с Родзянко и Милюковым, отречется от престола, и все остальные Романовы отрекутся от престола. Возможно, кто-то видел сериал «Корона» студии «Netflix» про королеву Елизавету Английскую. Елизавета все время говорит: власть – это бремя; я несу бремя; я, как, например, дядя Эдуард, не могу отречься. А Романовы бросили эту страну, отреклись… Да, у кого-то был морганатический брак, у кого-то были иные причины, но факт остается фактом: Романовы, вся эта великая императорская фамилия, отреклась от России.

Ни черносотенцы, которые за батюшку-царя, вместе с добрым православным народом, просто глотки перегрызли бы революционерам, ни сам простой народ – не вышли защищать государя. Генералы, еще три дня назад готовые вести армию на Петербург, не получая никаких приказов, тоже ничего не делают.

А теперь перейдем к очень интересной теме: позиция Русской православной церкви. Наверняка многие из читателей знают, что церковь всегда была надежной опорой Дома Романовых. Бывали, правда, между сторонами разногласия: Петр I отнимал у церкви земли, да и Екатерина обижала. У церкви были трения с государством, тем не менее именно церковь считалась «столпом монархии», и впоследствии многие церковники скажут, что они, конечно, хотели Россию спасти, не допустить революции, стояли за царя. Однако 2 марта Временное правительство уже признают и церковники. И уже на следующий день во время служб прекращают петь обязательные здравицы членам царской семьи. Все, мол, нет больше никаких членов царской семьи, мы теперь дружим с Временным правительством.

Впрочем, нужно отдать церкви справедливость. В церкви на этот момент укоренилась обида: мол, когда все хорошо, на нас плюют, у нас земли отбирают, над нами синодальное управление, а не патриаршее, которое мы хотим, а когда все плохо – бегут к нам за защитой: молитесь, мол, за великую Русскую Землю.

Еще раз вернемся в 1916 год. Идет война всех против всех, никто никем не доволен, и церковь здесь не исключение. И вот что показательно. Вчера здесь была монархия, а теперь – раз, и буржуазное демократическое устройство. Конечно, некоторые лица, вчера симпатизировавшие монархии, безусловно, внутри презирали проводимую политику. И все-таки многие моментально встроились в новую вертикаль, которую создало Временное правительство. Некоторые члены царской семьи – а уж про помещиков, фабрикантов, политиков и чиновничью элиту

говорить и не приходится – моментально перестроились. И на то есть причины. Конечно, можно сказать, что эти люди – малодушные подлецы, вчера, мол, за царя пили, а сегодня потребовали Временное правительство. Но это не совсем так. Временное правительство «сделало» буржуазную революцию; это были люди, с которыми все эти «малодушные» вчера вместе сидели в салонах, выпивали, играли в карты и рассуждали о том, каков Николай Романов. Мнение о царе у всех было едино: уйдет царь – всем будет хорошо.

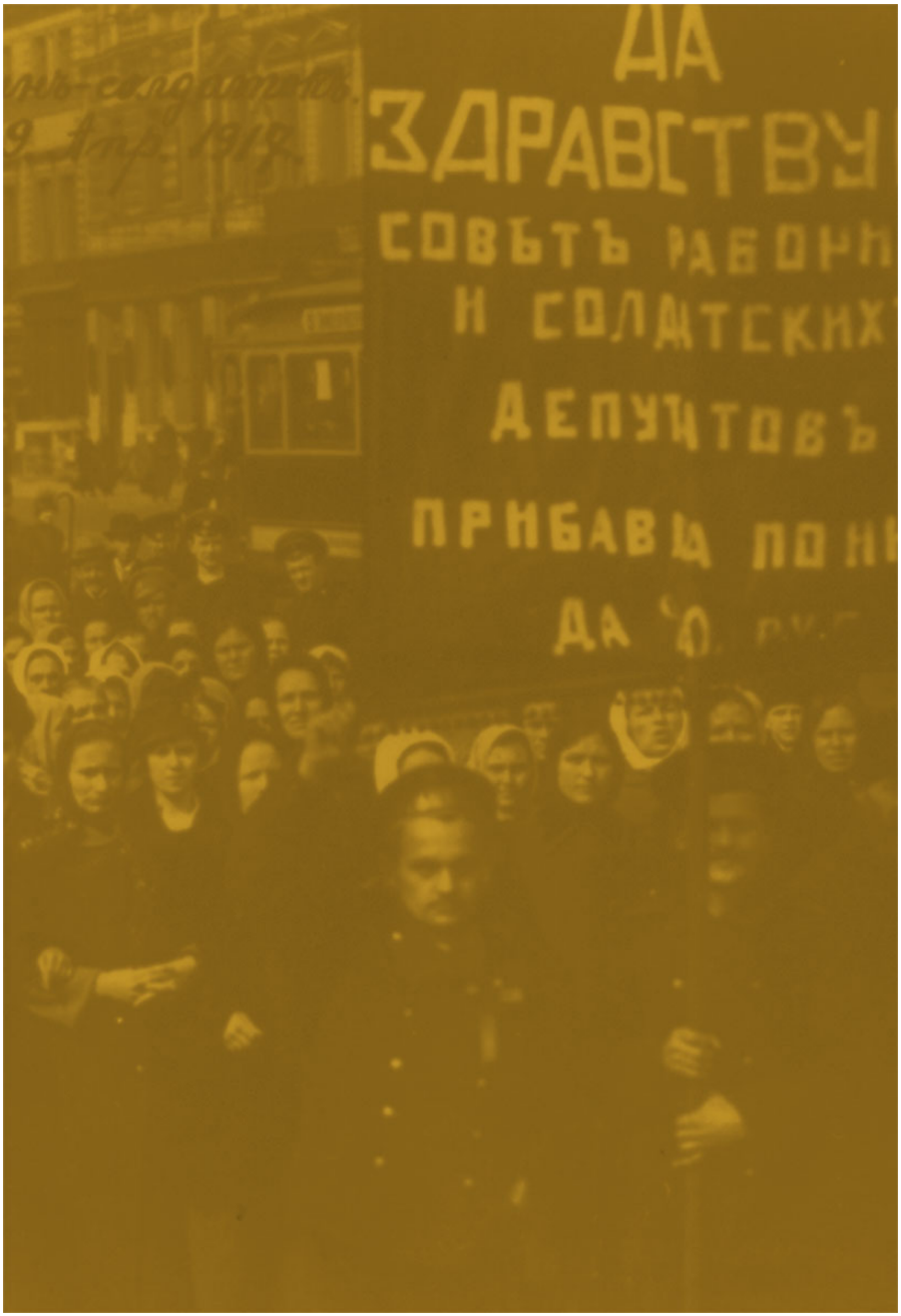
Третьего марта Николай II, уже бывший государь император, а ныне полковник Романов, осознает, что брат его тоже отрекся от престола. Он пишет в своем дневнике: «Оказывается, Миша отрекся, его Манифест кончается четыреххвосткой для выборов через шесть месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость. В Петрограде беспорядки прекратились – лишь бы так продолжалось дальше…» Это не кокетство на тему «лишь бы не было войны»: царь действительно не хотел гражданской войны, не хотел братоубийства. Его последнее обращение к солдатам и элите с призывом «До победного конца!» так и не увидит свет. Боялись, что какие-то верные царю части, не дай бог, все испортят. Пять Романовых, пять возможных претендентов на власть, отреклись от престола, и если бы Учредительное собрание решило бы возвести на престол следующего в роду согласно иерархии, ничего бы не получилось.

Так, в течение 72 часов огромная машина, с репрессивным аппаратом, с цензурой, с сетью шпионов, с инкорпорированными в «левое» и другие движения провокаторами, с армией и флотом, с политической элитой, с Госдумой, с родственниками царя… в течение 72 часов эта система прекратила существовать.

«Верхушка» дерева была срезана, хотя все чиновники вроде как оставались на местах и даже пытались управлять страной вплоть до 8 марта. Москва уже знала о происшедшем; страна, правда, еще не знала. Рассылаются телеграммы о том, что теперь вся власть в руках Временного правительства; издается указ Петросовета о конфискации всего имущества Романовых и об аресте самих Романовых. Это постановляет Петросовет, а Временное правительство аккуратно говорит: «Это для блага бывшей царской семьи, чтобы их не убили». 9 марта Временное правительство приносит присягу. Но прежде чем говорить об этой присяге, приведем некоторые цифры.

Февральская буржуазная революция считается «бархатной» революцией. Но что такое в данном случае бархатная революция, если насчитывается 1443 пострадавших, 300 убитых, 1200 раненых? В общем это сопоставимо с цифрами 1993 года, с

расстрелом Белого дома. То есть не такой уж бескровной была Февральская революция; конечно, люди гибли. И вот 9 марта Временное правительство приносит присягу. Все, в России больше нет монархии, Россия хочет видеть себя конституционной демократией по образу и подобию западных держав, в основном по образу и подобию Великобритании, конституционной монархии.

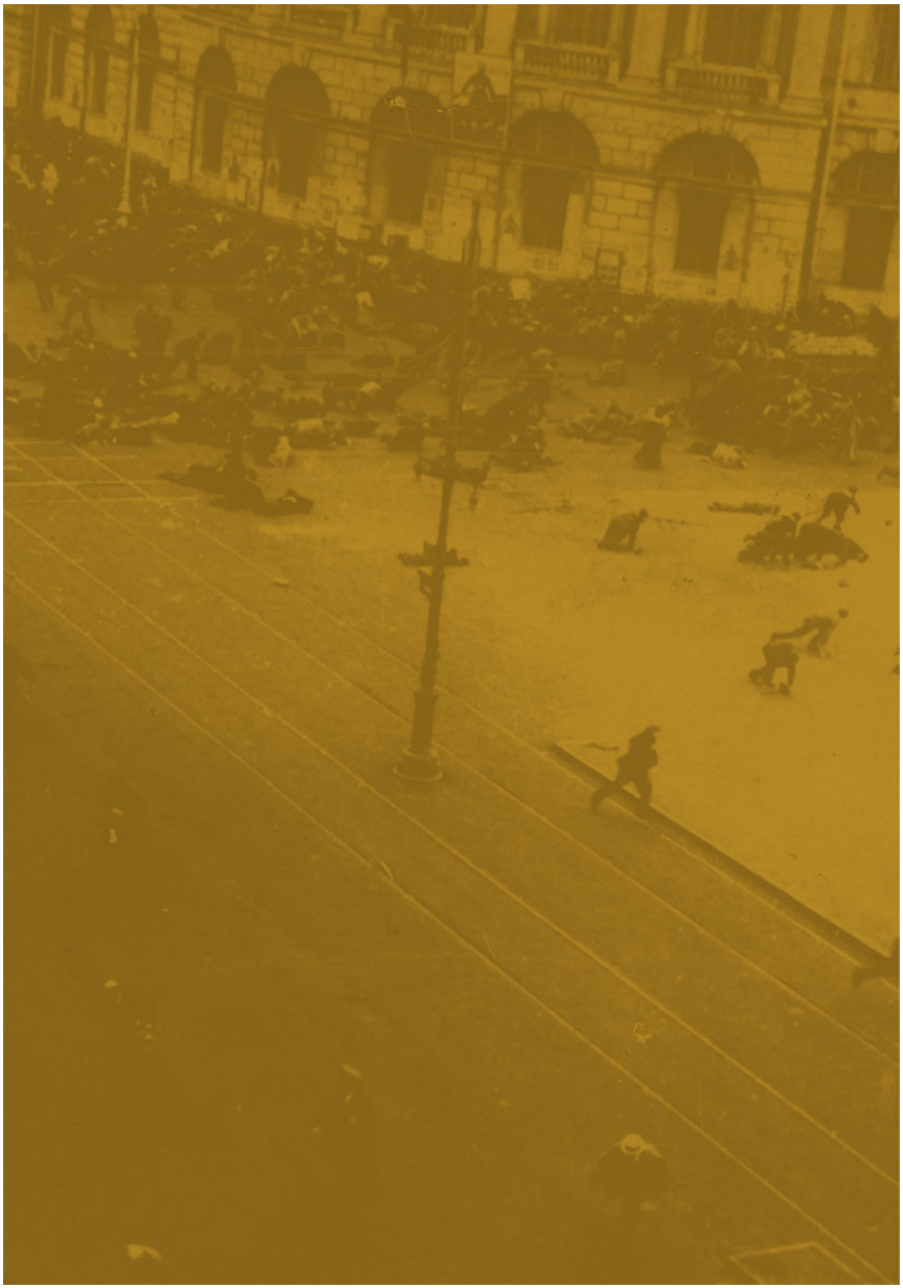


Вчера здесь была монархия, а теперь – раз, и буржуазное демократическое устройство. Многие, в том числе элита, моментально встроились в новую вертикаль, которую создало Временное правительство.

Посмотрим на состав Временного правительства. Его

возглавляют: князь Львов, председатель Совета министров и министр внутренних дел; Милюков, министр иностранных дел; Некрасов, министр путей сообщения; Гучков, военный министр; Львов, обер-прокурор Священного синода; Родичев, министр по делам Финляндии; Терещенко, министр финансов; Шингарев, министр земледелия; Коновалов, министр торговли и промышленности; Мануйлов, министр народного просвещения… Мы пока даже не дошли до последней фамилии в этом списке, а уже начались проблемы: Финляндия требует (да-да, требует, никто уже ничего не просит у правительства России) независимости; Польша и Украина начинают переговоры по созданию Верховной рады и вопросам отпочкования от России; подобное же брожение начинается в Средней Азии, в Туркестане. Чуть позже Сибирь заговорит об автономии, и даже о независимости. Но это будет позже…

И, наконец, последний член Временного правительства, человек, который не хотел им становиться, человек, который, по его собственным заверениям, долго думал и вошел во Временное правительство, потому что осознавал проблему двоевластия между этим правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов, а также очень боялся междоусобицы, Александр Керенский, безумно популярный политик, потрясающий оратор. Всю ночь он размышляет, а наутро дает свое согласие на членство во Временном правительстве, в котором занимает пост министра юстиции. Керенскому суждено будет сыграть важную, удивительную и вместе с тем трагическую роль в истории нашей многострадальной страны. Позже он станет главой Временного правительства. Его карьера достигнет небывалых высот, он будет народным любимцем, затем его объявят тираном и диктатором, а толпа свергнет его с пьедестала. Его часто станут изображать как Наполеона: он так же держит руку. Он совершает до тысячи рукопожатий во время визитов в Госдуму или на флот, он повреждает таким образом сухожилия и прячет поврежденную руку. Его голос, чуточку резкий, можно услышать – да-да, живой голос Керенского – в интервью для радио Канады и для «Би-би-си». В 1960-х годах он будет рассказывать об удивительных событиях февраля. Этому человеку суждено сыграть роль в истории нашей страны…



Февральская буржуазная революция считается «бархатной» революцией, при том, что насчитывается 1443 пострадавших, 300 убитых, 1200 раненых…

А пока Временное правительство осваивает самые разные тактики: попытки реформ, коалиция, избрания, переизбрания… Милюков, который в январе верещал: «Все что угодно, лишь бы не

царь», напишет в августе: а хорошо бы вернуть монархию. И тут я прихожу к мысли, озвучивая которую готов ожидать летящих в меня камней со стороны профессиональных историков, но я считаю, что она важна.

Существует мода на революцию. Возможно, это звучит странно, но давайте разберемся. Сегодня все носят белые кроссовки определенной формы. Мы продаем их по 200 долларов за пару, их у нас с руками отрывают, а завтра они даром никому не нужны. Отношение людей к политикам – в области эмоций. Если нет любви с человеком, от которого вы еще вчера были без ума, то автра вы жить с ним уже не сможете… Когда нам говорят, что политиков выбирают по их делам, потому что хорошая программа, потому что хороший экономист, все это вранье. Люди так устроены, что голосуют душой: у этого нос красивый, этот говорит правильно, этот солидно выглядит, а вот просто хороший парень, давайте за него проголосуем… Эмпатия, которая возникает между массой и претендентом, и есть необходимая для политики искра. И в этом смысле угасла политическая искра между царем и страной. Николай в 1917 году был таким же, каким он был в 1895 и в 1896 годах, каким был в 1903 году. В 1903 году царь был тем же человеком, с тем же набором хороших и плохих качеств, он так же выглядел, он то же самое говорил, и дождался такого отношения: «Мы тебя больше не хотим, надоел ты нам до чертовой матери; уходи, мы тебя убить уже готовы вместе с твоей бабой-царицей. Ты можешь делать любые реформы, начни ты даже нам хлеб бесплатно раздавать, мы тебя не хотим; мы больше тебя не хотим, мы хотим чего-то другого…»

Эмпатия, которая возникает между массой и лидером, и есть необходимая для политики искра. И в этом смысле угасла политическая искра между царем и страной.

Можно рассуждать о том, что потом Россия погрузилась в пучину, в кровавую бездну, что жить стали в десять раз хуже.

Были люди, которые покинули страну, кого-то убили, кто-то ассимилировался… Но человек так устроен: между «сегодня – надоело» и «завтра – будь что будет» он выбирает «завтра». Человек устремлен в будущее, а Романов был устремлен в прошлое: он входил дважды и многажды в одну ту же воду, и при этом хотел оставаться на своем троне. Потом, правда, перехотел, отрекся, но это уже не важно: что бы он ни делал, его ничто не могло спасти…

Я бы хотел закончить эту главу мыслью Керенского, которая прозвучала в его интервью для «Би-би-си», кажется, 1957 года. Вот что он сказал.

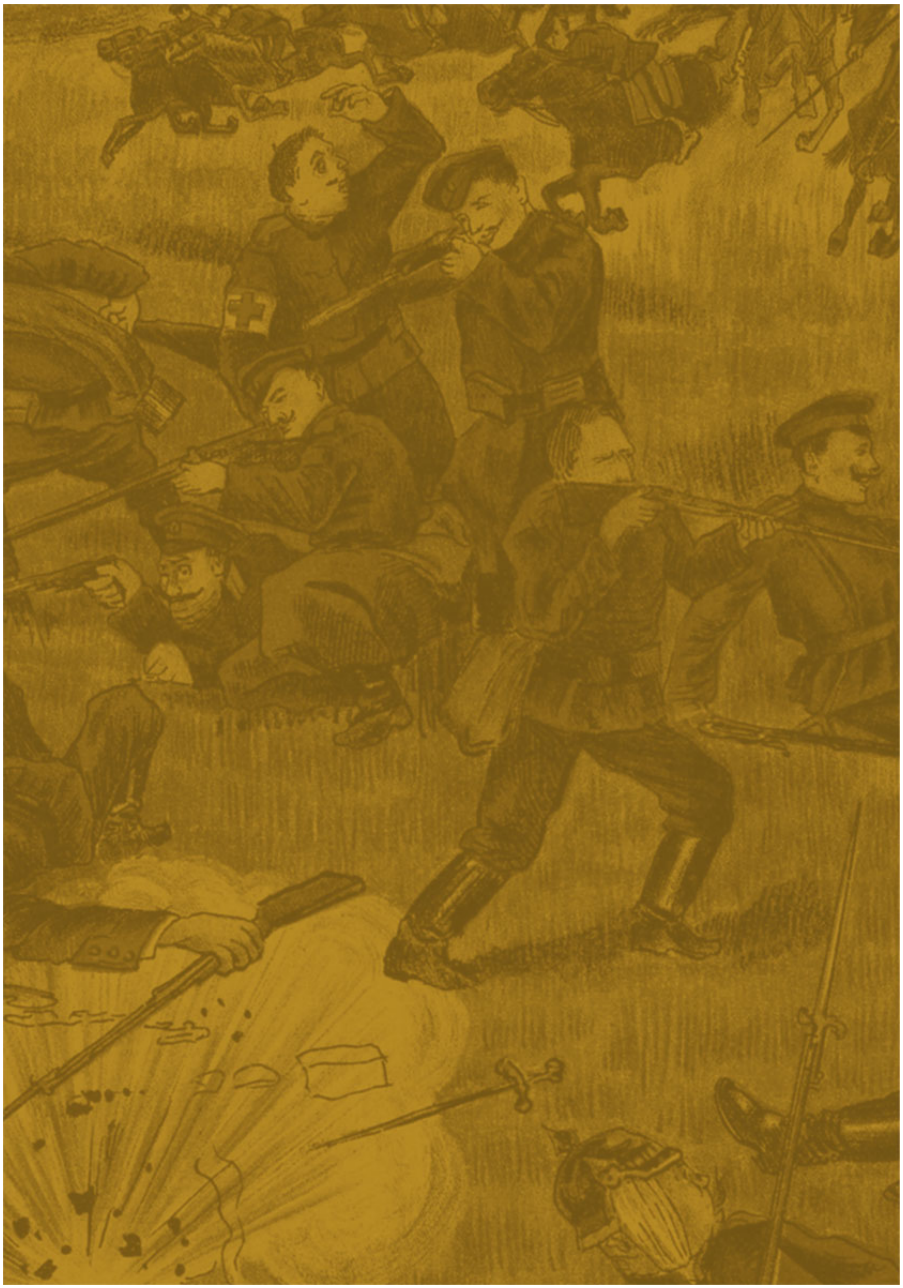
«Февральская революция, возникшая спонтанно, была воплощением всех желаний, мечтаний и веры в освобождение России и ее перестройку, в свободную демократию, основанную на правах человека и социальной справедливости.

Не только иностранцы, но и многие русские забывают, что мы, Временное правительство, во взаимодействии со всеми здоровыми силами в стране, создали новую аграрную ситуацию, предусматривавшую национализацию [земли] и упразднение помещичьего строя.

Мы создали совершенно новую систему местного самоуправления, основанную на всеобщем избирательном праве.

Мы создали новую ситуацию для рабочих, выработав наилучшую профсоюзную хартию. И так далее, и так далее.

Главное теперь – понять разницу между большевистским коммунистическим режимом и демократической Февральской революцией. Мы не были реакционерами, мы не были капиталистами, мы старались не для удовольствия зарубежных союзников. Величайшая национальная цель: создать в России новый общественный строй, основанный на социальной справедливости, в соответствии с желаниями огромного большинства народа: 80 % крестьян и 10 % рабочих и интеллектуалов. Вот какова была наша цель! Предоставить человеку все политические, социальные и духовные права. Вот главный смысл Февральской революции!»



Можно рассуждать о том, что потом Россия погрузилась в пучину, в кровавую бездну, что жить стали в десять раз хуже. Но человек так устроен: между «сегодня – надоело» и «завтра – будь что будет» он выбирает «завтра».

Петроград. Захоронение жертв революции 23 марта 1917 г. Братская могила.

1917

Что хочется сказать в заключение? Печально, что у них ничего не получилось, что они допустили до власти большевиков, но об этом мы поговорим в другой раз. Можно отметить и светлые стороны этих событий, хотя светлее от этого никому не станет: удивительно, но все, воевавшие против всех – дума, царь, царская семья и их ближний круг, – все эти удивительные люди были великими патриотами России, которые и в самом деле «хотели как лучше». Но Россия на несколько лет погрузилась в пучину катастрофы. А промежуток между буржуазной революцией и революцией большевистской составит всего несколько месяцев.